

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторический журнал № 9 (12), сентябрь, 2017

ISSN 2542-0135

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами сентябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ». В первом месяце осени отмечается 80 лет со дня образования Тамбовской области. Те наши авторы, которые являются уроженцами и старожилами этой земли, конечно же, не могли обойти вниманием такое знаменательное событие.

Летопись Тамбовщины, произведения местных прозаиков, поэтов, художников, краеведов и публицистов, любопытные истории из жизни их земляков постоянно присутствуют на страницах нашего журнала, широко представлены они и в сентябрьском выпуске. Авторы – при всём их творческом разнообразии – были едины в желании раскрыть особенности характера людей, рождённых на этой благодатной земле, и передать литературными способами или кистью живописца красоту здешних мест.

Материалы тамбовских авторов, повествования об удивительном чернозёмном крае, где жили и творили Сергеев-Ценский, Николай Вирта, Майя Румянцева, Александр Стрыгин, другие выдающиеся литераторы, постоянно находят место на страницах «Александра». Но именно для этого номера, выходящего в юбилейный для области месяц, редколлегия стремилась найти наиболее интересные по жанру и тематике произведения. Имена Ларисы Поляковой, Валентины Дорожкиной, Николая Наседкина, Валерия Аршанского, Евстахия Начаса, Елены Луканкиной – трудно перечислить всех наших уважаемых авторов, заметных тамбовских литераторов – говорят сами за себя. Их творческий взгляд охватывает различные стороны жизни земляков – прошлое, настоящее и будущее.

Дорогие тамбовчане! Примите искренние поздравления с юбилеем! Новая команда областной администрации во главе с губернатором – известным учёным-экономистом, доктором экономических наук Александром Валерьевичем Никитиным – многое делает для материального подъёма и процветания родного края, и мы должны всемерно помогать и способствовать этой работе! Желаем всем вам, дорогие друзья, благополучия, радости, счастья, вдохновенного труда во благо нашей малой родины и любимого Отечества!

***С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА***

Я ПО СВЕТУ НЕМАЛО ХАЖИВАЛ...

Каждый раз, когда слышу строки из песни «Я по свету немало хаживал, жил в землянке, в окопах, в тайге...» – непременно вспоминаю свою боевую молодость, неповторимые армейские годы, друзей по харьковскому училищу и по дальнейшим военным вузам, академиям, дальним и ближним гарнизонам... Куда судьба меня только не забрасывала, в каких только гарнизонах не пришлось служить, каких замечательных людей довелось повидать и в результате пройти суровую, сложную, но удивительно насыщенную событиями школу жизни!

Нисколько не преувеличиваю, а просто констатирую факт: проходя службу и на Украине, и в Германии, и в Туркестанском военном округе, выполняя в горячих точках сложнейшие боевые задания, сопряжённые с жизнью и смертью сотен людей, всегда думал о родном Мичуринске, Тамбовщине, стремясь быть достойным сыном этого чудесного, лучшего во всём мире края, лежащего посреди России! Наверное, пять орденов, медали, звание генерала армии и назначение на должность Главнокомандующего Внутренними войсками Российской Федерации, которую исполнял в течение десяти лет, а затем новое назначение – полномочным представителем Президента РФ в одном из крупнейших в стране Сибирском федеральном округе – говорят сами за себя.

От всего сердца поздравляю жителей Тамбовской области с прекрасным юбилеем – 80-летием её образования. На древней тамбовской земле жили, творили, оставили прекрасный след на века видные учёные и политики, военачальники и художники, церковные иерархи и композиторы, архитекторы и писатели, педагоги и спортсмены. Пусть и в дальнейшем осеняет всех нас свет блистательных имён замечательных людей, на тамбовской земле просиявших! С праздником вас, дорогие друзья, дорогие земляки! Крепкого здоровья, семейного счастья и благополучия искренне желаю каждому из вас, каждому вашему дому!

Николай РОГОЖКИН,
генерал армии,
почётный гражданин Тамбовской области

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск)
Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва)
Л. Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов)
В. А. КАЗМИН (Луганск)
С. И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л. В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А. Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов)
В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я. Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (12), сентябрь, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Шеф-редактор В. С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.09.2017

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТАМБОВЩИНА МОЖЕТ БОЛЬШЕ

4 Евгений Матушкин.
Заповедный край Тамбовский

ЗНАТНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

6 Лариса Полякова.
Тамбовские Дворики Николая Вирты

НАСЛЕДИЕ

11 Лариса Полякова.
«И бегут зелёные бегунки...»

КЛАССИКА

14 Сергеев-Ценский – поэт

ПОЭЗИЯ

19 Евстахий Начас.
Низко кланяюсь тебе, Тамбов

54 Николай Чербаев. Домик одинокий

ПАМЯТЬ

26 Сергей Четвёркин

ЭХО ВОЙНЫ

31 Владимир Казмин.
Со слезами на глазах...

ИСКУССТВО

44 Лариса Шмелёва.
Диалог художника со зрителем

51 «100 портретов, или Укусить время
за пятку»

ТЕАТР

55 Валерий Аршанский.
Чехов. «Три сестры»

ФИЛЬМ-ОТКРОВЕНИЕ

58 Александр Добродомов.
«Иерей-сан. Исповедь самурая»

РЯДОМ С НАМИ

62 Михаил Белых. Дорога в небо

РЕЦЕНЗИЯ

64 Валентина Матушкина.
Любите жизнь и живое

СРЕДА ОБИТАНИЯ

67 Иван Сиротенко.
Край непуганых медведей

ПРОЗА

74 Зинаида Королёва. Поиск

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

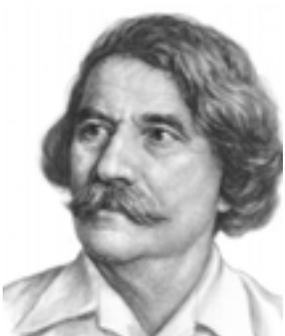
79 Анатолий Труба.
«...20 лет. Как уже много!!!»

ЗАПОВЕДНОЕ

82 Игорь Мартынов.
Хопёрский казачий полк

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

87 Вадим Гранитов. Калабина мельница

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

Евгений МАТУШКИН:

ИЗ ДОКЛАДА НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ ЦФО СОВЕТА ПРИ ПОЛНОМОЧНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В ЦФО

ЗАПОВЕДНЫЙ КРАЙ ТАМБОВСКИЙ

СЕГОДНЯ ПЕРЕД ФЕДЕРАЛЬНЫМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СОВМЕСТНО С ПРИРОДООХРАННЫМ СООБЩЕСТВОМ СТОИТ ЗАДАЧА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. ЭТОГО ТРЕБУЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ. УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ – ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ. ОБЕСПЕЧИТЬ ТАКОЕ СОСТОЯНИЕ МОЖЕТ ТОЛЬКО ПОДДЕРЖАНИЕ ОПТИМАЛЬНОГО БАЛАНСА МЕЖДУ ВЕДЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СБЕРЕЖЕНИЕМ ПРИРОДЫ. В ЭТОМ И СОСТОИТ ЦЕЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НАШЕГО ГОСУДАРСТВА

Тамбовская область уже много лет системно работает над решением вопросов обеспечения экологической безопасности и повышения энергоэффективности. Мониторинг состояния окружающей среды, данные статистики свидетельствуют о положительных результатах природоохранной работы.

Так, на фоне роста производства, объёмы выбросов вредных веществ в атмосферу на 1 миллион рублей валового регионального продукта с 2007 года снижены в 3,5 раза.

Благодаря внедрению ресурсосберегающих технологий за 10 лет объёмы водопотребления сокращены на 40%, объёмы водоотведения снижены на треть.

Доля обезвреживаемых и направляемых на переработку отходов в общей их массе увеличена почти в 7 раз. По итогам 2016 года она составляет 73% и в дальнейшем будет увеличиваться.

Стабильность экологической ситуации является результатом продуманной региональной экологической политики, направленной на привлечение инвестиций в модернизацию производства, внедрение природоохранных технологий, реализацию приоритетных экологических проектов.

Важнейшее направление – защита атмосферного воздуха. За последние годы в области многое сделано для снижения выбросов от стационарных и передвижных источников.

Проблемным вопросом остаются выбросы метана при ремонте проходящих по территории области магистральных газопроводов ОАО «Газпром трансгаз Москва» и ОАО «Газпром трансгаз Саратов». Их доля достигает 50% всех выбросов от стационарных источников. Решение проблемы выбросов метана при ремонте газопроводов – использование передвижных компрессорных установок.

В целях снижения общего объёма выбросов загрязняющих веществ автомобильным транспортом в Тамбовской области реализуется пилотный проект перевода существующей транспортной техники на компримированный природный газ. Для этого планируется построить завод сжиженного природного газа, а к 2020 году создать развитую сеть из 10 автомобильных газонаполнительных компрессорных станций.

Начался перевод на газомоторное топливо пассажирского транспорта в городах Тамбове и Котовске. Кроме этого, определено около 300 автомобилей учреждений сфер здравоохранения, образования, дорожно-коммунального хозяйства для их переоборудования под использование газомоторного топлива.

Последние годы экономика Тамбовщины развивается темпами, опережающими среднероссийские показатели. В области заработали новые предприятия животноводства, птицеводства, перерабатывающей промышленности. В результате регион вошёл в число лидеров по производству зерна, сахарной свёклы, сахара, подсолнечника, развитию свиноводства и птицеводства. С ростом производства обостряется проблема крупнотоннажных отходов.

Так, ввод в эксплуатацию современного спиртового завода «Талвис» дал возможность ежегодно экономить до 5 миллионов кубоме-

тров свежей воды. 100% отходов спиртового производства в области перерабатывается в товарный продукт – сухую барду – и закупается животноводческими предприятиями области и соседних регионов.

В модернизацию сахарных заводов было вложено 500 миллионов рублей бюджетных средств, и за несколько лет долю перерабатываемых отходов удалось довести до 80%.

По итогам прошлого года Тамбовская область стала одним из главных производителей свинины в стране, заняв третье место в двадцатке регионов с самыми высокими объёмами производства. На животноводческих предприятиях области в 2016 году образовалось около 2 миллионов тонн навоза. Непереработанные отходы свиноводства обладают высокой степенью токсичности, в высоких концентрациях загрязняют почву и чернозём.

Необходимо широкое внедрение передовых технологий переработки и утилизации крупнотоннажных отходов животноводства и птицеводства.

В числе главных приоритетов природоохранной работы региона – модернизация системы обращения с твёрдыми коммунальными отходами, которая предусматривает значительное снижение нагрузки на окружающую среду и недопущение существенного увеличения тарифной нагрузки на население. ■

«Человечество далее не может стихийно строить свою историю, а должно согласовывать её с законами биосферы, от которой человек неотделим».

В. И. Вернадский

Тамбовские Дворики Николая Вирты

Н. Е. ВИРТА (НАСТ. ИМЯ Н. Е. КАРЕЛЬСКИЙ), ПО УТОЧНЁННЫМ ДАННЫМ, РОДИЛСЯ НЕ В 1906 ГОДУ, КАК БЫЛО ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, А В 1905-М, В СЕЛЕ КАЛИКИНЕ НА ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛЕ, В СЕМЬЕ СВЯЩЕННИКА. В 1911 ГОДУ СЕМЬЯ ОБОСНОВАЛАСЬ В БОЛЬШОЙ ЛОЗОВКЕ, ГДЕ ВИРТА УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ. В РОМАНАХ «ОДИНОЧЕСТВО», «ЗАКОНОМЕРНОСТЬ», «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН» БОЛЬШАЯ ЛОЗОВКА ПЕРЕИМЕНОВАНА АВТОРОМ В ДВОРИКИ.

Вирта начал печататься в 1923 году в Тамбове: в этом году он стал репортёром «Тамбовской правды», работал сотрудником редакций газет в других городах. С тамбовской землёй его связь была прочной в течение всей жизни. Выйдут романы «Закономерность» (1937), «Вечерний звон» (1951), «Степь да степь кругом...» (1960), пьесы «Заговор» (1938), «Солдаты Сталинграда» (1944), «Великие дни» (1947), «Хлеб наш насущный» (1947; Государственная премия СССР, 1948),

риода Гражданской войны. В произведении «нет ни одного выдуманного действующего лица, – как писал об этом сам автор. – Более того, все они названы своим именем, отчеством и фамилией...»

Тем самым произведение приближается по жанру к историческому роману. Оно напечатано в 1935 году в журнале военно-патриотической ориентации «Знамя», в 1941 году отмечено Государственной премией СССР, а пьеса «Земля», по мотивам романа, поставлена в Московском художественном академическом театре (МХАТ) в 1937-м. По мотивам романа «Одиночество» написана и известная опера Тихона Хренникова «В бурю» (поставлена в 1939 году).

Видимо, не случайно роман «Одиночество» открывается мартовской картиной 1918 года: «Холод, мерзость, трусливый шепоток – губернский город Тамбов». Именно в марте этого года на тамбовскую землю пришла советская власть.

Характерная запоминающаяся картина жизни провинциального города того времени, намеренно подчёркнутая параллель с январской поэмой 1918 года Александра Блока «Двенадцать», тот же беспокойный символ «бурана», «визгливого ветра»: «С воем и лихим посвистом гуляет по улице ветер, несёт хлопья мокрого снега, срывает бумагу со стен и рекламных вертушек, – клочья её – точно птицы, носящиеся в сыром, холодном воздухе. Редкие электрические фонари бросают неровный желтоватый свет на лужи, на оголённые уродливые сучья деревьев, на мокрое железо крыш. Громяхают водосточные трубы, гудят телефонные столбы. И всё падает и падает снег; хлипкое месиво толстым слоем покрывает тротуары и мостовую. Обыватели сидят дома, на тяжёлые щеколды заперли двери, дубовыми ставнями закрыли окна, спустили злых псов с цепей...»

«Заговор обречённых» (1948; Государственная премия СССР, 1949) и другие. В 1949 году написан киносценарий «Сталинградская битва» (Государственная премия СССР, 1950).

«Три года спустя» (1952), «Тихий угол» (1952), «Гибель Помпеева» (1953), «Крутые горы» (1956), «Быстробегущие дни» (1964) – вот далеко не полный перечень произведений, появившихся из-под пера Николая Вирты в послевоенный период. Многие из них сюжетно связаны с родным для писателя Тамбовским краем. В те годы о прозе и драматургии Н. Е. Вирты положительно отзывались многие литераторы, в том числе и французский писатель Луи Арагон.

Создание романа «Одиночество», принёсшего писателю широкую известность, обусловлено процессами коллективизации, интересом писателя к истории антоновского мятежа, к событиям в тамбовской деревне пе-

В «прадедовские норы» господ чиновников, купечество, дворян и тамбовское мещанство в этот тревожный вечер загнали страх и слухи: меньшевики верховодили тоненькой пролетарской прослойкой, кадеты – интеллигенцией, эсеры распоряжались умами деревенской верхушки. А большевики? Главной занозой для эсеров и меньшевиков был оборонный сорок третий завод. Такова расстановка политических сил в губернии. «И лишь ветер носится по улицам да патрули возникают из тьмы и во тьме расплываются».

На этом фоне и появляется в особняке на Тезиковской улице Антонов: «Он невелик ростом, худощав, губы толстые, бледные, скулы выпирают на лице землистого оттенка, ввалившиеся совиные глаза смотрят рассеянно, глубокие провалы синеют на висках, руки узкие, одежда полувоенная: френч, галифе, щеголеватые хромовые сапоги... Двенадцать лет отбыл Антонов на каторге, был вспыльчив, сутками просиживал в камере вот так же, как сейчас, уронив руки на колени, уставившись

в одну точку невидящими глазами, думая о чём-то своём...»

Николай Вирта достаточно подробно излагает предшествующий крестьянскому бунту жизненный путь Антонова. В юношеские годы он, сын кирсановского слесаря, посещал в Питере собрания и слушал речи социал-демократов. Но вскоре они надоели ему – он мечтал о бунте немедленно: «чтобы весь режим с царём, армией, тюрьмами и капиталом полетел вверх тормашками, а его, Антонова, на гребне волны вознесло бы на самую верхушку... Кому служить, за что драться, что делать, когда вознесёт его на "верхи", – было это Антонову безразлично, лишь бы бунт, лишь бы удальство своё показать, лишь бы быть главарём!»

Таким образом, с самого начала романа появляется однозначно прочитанный Виртой образ бунтаря Александра Степановича Антонова. На явочной квартире он встречается с Петром Ивановичем Сторожевым: «А ты, брат Сторожев, богатырём стал, знал тебя поджарым парнем, волчонком эдаким, а теперь, поди-ка, сколько важности!»

И Сторожев понял, что Антонов вспомнил: волчонком его называли в Двориках. Автор уточняет: с тех пор, как Сторожев вышел в люди, его стали называть не волчонком, а волком. Пётр Иванович всякий раз рычал, когда слышал за спиной прозвище, крепко-накрепко приставшее к нему.

Так появляется один из ведущих лейтмотивов романа – мотив волка, который с особой силой зазвучит в третьей книге романа, названной «Волк». Именно она, эта часть романа, можно сказать, является программной для всего произведения. Роман имеет чётко выстроенную композицию, состоящую из трех книг: «Мятеж», «Разгром» и «Волк». Уже по названиям книг видно, что сюжетная канва строится на событиях в тамбовской деревне периода Гражданской войны, и названы эти события «мятежом» – это авторская историческая концепция. В «разгроме» мятежа в селе Дворики на страницах романа принимают участие действительные исторические лица. «Двориковские уезжали до дому, хвастаясь

приобретёнными лошадьми и добром, утащенным мимоходом у соседей. Ограбленные соседи, у которых отобрали лучших лошадей, наутро, благословясь, ехали присоединять какую-нибудь Ивановку и там проделывали то же самое во всех подробностях. И полыхает Тамбовщина!»

Книга романа «Разгром» строится на открытом столкновении армии Антонова и сил, присланных коммунистами из Тамбова и Москвы. Достаточно подробно описана деятельность секретаря губернского комитета партии Бориса Васильева; руководителя ударной группировки войск Уборевича; одного из ближайших помощников Ленина Антонова-Овсеенко.

Николай Вирта даёт читателю возможность угадать развязку событий задолго до окончания мятежа: он будет разгромлен.

Именно третья книга – «Волк» – как бы «дотягивает» произведение до романа. Историческое повествование приобретает черты глубоко психологической прозы в лучших традициях русской литературы. В центре книги – Пётр Сторожев, сподвижник Антонова, теперь потерпевший фиаско в сопротивлении коммунистам, «волк», слушающий в церкви Двориков «Свете тихий»: «Люди, пришедшие в церковь со своими заботами, тяжело вздыхая, косились на него. А он не видел их взглядов, не слышал их шёпота и горьких вздохов, ушёл в себя, забылся».

В записке ему Антонов писал: «...Уходи в леса и поля, разрушай, что строят коммунисты, взрывай мосты и дороги, жги и убивай. Пусть знают, что мы живы, пусть помнят, что скоро снова дадим сигнал и вновь разгорится пламя от края до края страны...»

Вся третья книга построена на переживаниях, внутренних монологах Петра Сторожова, на ощущении им неминуемой расплаты за содеянное. Замечательна встреча его с братом Сергеем, который и раскрывает глаза Сторожеву на его преступления перед односельчанами. И Пётр Иванович понимает, что не будет ему прощения, что ожесточению в его душе нет предела, что он страшно одинок. И, пожалуй, именно с этим героем более

всего связано название произведения – «Одиночество», которое вместе с кличкой «Волк» создаёт впечатляющий образ затравленного и растерявшегося существа, попавшего в бескомпромиссную ловушку жизни. И когда брат, Сергей Иванович, после разговора с Петром посмотрел ему вслед, он сказал самому себе: «Ишь ты, пришёл всё-таки, Волк...»

Ни семья, ни брат, ни обстоятельства, ни пережитое не способны искоренить чувство одиночества, и на последней странице романа, убив Лёшку (жесточайшее убийство!), Пётр Сторожев с его документами и в его шинели «исчезает в ночном мраке». Оставшаяся жизнь для него – «ночной мрак». Он планирует уйти в чужие земли...

Николай Евгеньевич Вирта в своём романе создаёт образ мощного эпического звучания – образ земли. Он проходит через весь роман и как бы объединяет героев или разбрасывает их по разные стороны баррикад.

Высокие человеческие качества хозяина земли Пётр Сторожев сохраняет до тех пор, пока земля для него родная, и он уверенно шагал по ней: и не было видно ей конца. Это о нём пишет автор: «Земля! Рыхлые комья, в которые любил он зарывать руки, мять их между пальцами, нюхать и брать на язык – горькую, тучную землю. Всё в ней: почёт, деньги, власть...

"Всё меняется, – рассуждал Сторожев, – приходят и уходят люди. Земля в руках хорошего хозяина не умирает, всегда живёт... Нет ничего дороже земли, нет ничего твёрже хлеба. Хоть и сыпуч, а весь мир на нём стоит!"»

Но в этом откровении Сторожева уже с самого начала настораживает и какое-то агрессивное его отношение к земле, собственническое, и оно, это отношение, быстро приведёт нас к финалу романа и к концу героя: Сторожев уходит в «чужие земли», словно затравленный волк, надевая чужую одежду и с чужими документами.

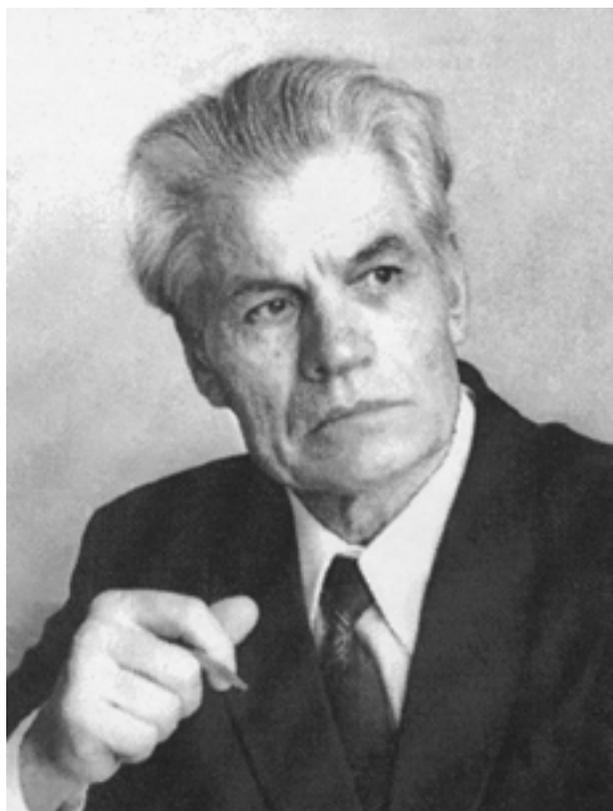
Глобальная метафора земли передаёт свою силу мотиву одиночества, мотиву обособления Петра как врага-одиночки: «Больше бы захватить земли, зажать в своих руках, крепким забором обнести хутор, выпустить свирепых псов, чтобы стерегли день и ночь, чтобы на куски рвали всех, кто посмеет посягнуть на его силу. Сыновей бы завести больше, чтобы расселились, владели землёй, чтобы народ им кланялся, потому что у них сила».

Роман «Одиночество» имеет несколько редакций (1935, 1937, 1957, 1959 и другие).

И от редакции к редакции автор всё более детализировал историческую обстановку, усложнял положение не столько исторического лица Александра Антонова, сколько зажиточного крестьянина, полкового командира крестьянской армии Петра Сторожева. Именно этот тип человека, тип поведения интересовал Николая Вирту более всего. Именно этот герой получает на страницах романа развёрнутую биографию, именно с ним связана обширная топография Тамбовского края: Урюпино, Кирсановский, Борисоглебский, Моршанский уезды, Козлов, сёла Рудовка, Васильевка, Глуховка, Каменка, Трескино, Паревка, Иновка, Рамзы, Вяжли, Карай-Салтыково, Калугино, Курдюки, Золотовка, Красивка, Чернавка. По его воле эти прекрасные названия диссонируют со всем тем, что происходит в жизни этих мест. Здесь словно волчий капкан огромных размеров поставлен Сторожевым, и вот-вот зубы капкана разожмутся. Николай Вирта мастерски владеет художественным словом и показывает процесс угасания личности, перехода под воздействием обстоятельств чувства любви к земле в чувство страха и, наконец, злобы.

Прекрасен образ родных для Вирты Двориков. Человек и его дом, их благополучие – вот главная мелодия романа. Разрушается дом – разрушается вместе с ним человек. Горькое чувство вины писателя перед Двориками и их жителями, перед всей тамбовской землёй силой художественного слова внушено и нам, читателям. **А**

«И БЕГУТ ЗЕЛЁНЫЕ БЕГУНКИ...»

О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСЕЯ ШИЛИНА

ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ ПРОЗАИК АЛЕКСЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ ШИЛИН РОДИЛСЯ В СЕЛЕ ДМИТРИЕВКА ПОКРОВО-МАРФИНСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. В 1960–1970-Е ГОДЫ ВОЗГЛАВЛЯЛ БЮРО ПРОПАГАНДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, БЫЛ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ОТВЕТСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ.

Окончив семилетку, Алексей Шилин работал почтальоном, заведовал сельской избой-читальней. Участник Великой Отечественной войны. Вернувшись с фронта, связал жизнь с железной дорогой. Был машинистом паровозного депо. Первый рассказ «Загадка» напечатан в газете «Комсомольское знамя» в 1953 году, потом появились книги рассказов и повестей «Две минуты» (1959), «Доброе утро» (1962), «Журавлиная гора» (1956), роман «Четвёртый патрон» (1970). В последнее десятилетие – книги «До жены – кукла», «Петух с красными ушами», «Луговые одуванчики», «Краснотал».

А. Е. Шилин во многом «вышел» из своей маленькой книжки «Две минуты», включившей четырнадцать рассказов. Хотя потом будут написаны объёмистые повести и романы, основные конфликты, привлекающие внимание писателя, останутся прежними. Причина такого постоянства – в непосредственном автобиографизме творчества А. Шилина – рабочего, вышедшего из крестьян, прошедшего школу тяжёлого детства, участника Великой Отечественной войны. Известно, что высоко

оценивал подобного рода книги М. Горький за их поучительный смысл, особенно в воспитании подрастающего поколения.

Герои Шилина – представители трудолюбивого и жизнерадостного, талантливого русского народа. В депо у Ромки Тростникова, новатора производства из повести «Журавлиная гора», – слава неисправимого балагура. Ему прибауток хватает на все случаи жизни. А отца Серёжки Родничкова из рассказа «Доброе утро», вернувшегося с фронта контуженным, а теперь работающего каменщиком на строительстве, все, в том числе и сам Серёжка, любят за его весёлый характер. И мама Светка в «Зелёных бегунках», в детстве предотвратившая крушение поезда пионерским галстуком, поднятым в руке, кажется Андрейке самым весёлым человеком. Даже когда она сердится на папу, «глаза у неё ласковые, с веселинками-смешинками».

Весёлые люди, населяющие произведения Алексея Емельяновича Шилина, – хранители лучших дедовских традиций. Они чтут память о своих предшественниках в доме и на производстве. Поэтому равноправным «героем» в его

прозе становится будёновка дедушки Акима из повести «Зелёные бегунки». Он и свой красный сигнальный флажок обходчика «положил в карман рубашки... и на передовую». Его солдатская гимнастёрка с орденами и медалями «в шифоньере висит». Красные флажки, с которыми железнодорожники ходили на первые революционные маёвки, пионерские галстуки, боевые патроны – свидетели славных дел и подвигов отцов. Всё хранят живущие ныне. Мальчишкам предстоит узнать много интересного в связи с атрибутами героического прошлого их родителей и дедов.

В добром, уютном мире взрослых живут маленькие герои А. Шилина. Детям отведены лучшие страницы его книг. Даже в романе «Четвёртый патрон», где события начинаются до революционного Октября и завершаются в наши дни, наиболее удачны в идейно-художественном отношении главы, повествующие о детстве Алексея Иванникова и его сверстников. Собственно, без участия детей нет ни одного произведения писателя. Они действуют и в его рассказах, и в повестях «Доброе утро», «Зелёные бегунки», «Журавлиная гора».

Алексей Шилин сам пережил голодное детство. В романе «Четвёртый патрон» воссозданы страшные эпизоды прошлого, от голода умирает младшая сестрёнка Иванникова – Мотя, на гроб у родителей не нашлось досок, и её хоронят в мешковине. Писатель знает цену воздействия на формирование детской личности примера старших, знает, как рано в деревенских ребятишках появлялась жажда трудиться, помогать взрослым, как рано созревали их характеры. Сама жизнь требовала от молодого человека полного раскрытия его природных качеств, характера, воли.

В биографии Шилина есть одна красноречивая деталь. По решению военкомата и с согласия автора, на третий день Великой Отечественной войны районная газета опубликовала заявление молодого колхозника Алексея Шилина о добровольной отправки на фронт. Писатель шутит: «Это было моё первое "литературное" произведение: впервые я увидел свою фамилию в газете». Саморазвитие человека, постоянная работа над собой, упрямая жиз-

ненная поступь – качества этого поколения, и они очень важны сегодня, нужны современной молодёжи, формирующейся в совершенно иных жизненных условиях и обстоятельствах.

Впрочем, не так уж уютен мир взрослых, окружающих Андрейку из повести «Зелёные бегунки». Что-то непонятное происходит между мамой Светкой и папой Федей, которого весёлая мама зовёт «Федя-полмедведя». В доме всё время вспоминается машинист Овсов – мама у него работает кондуктором. Как может быть плохим человек, хорошо работающий, влюблённый в голубей и в маму? Как помочь папе? Для шестилетнего Андрейки это непростые вопросы. И решить их он должен сам. Не быть же ему похожим на ту каплю – самую последнюю трусику: «Любила весну, тянулась по трубочке к солнцу, а замахнётся на неё утром или вечером мороз – она и присела».

«Бегунками» называет бабушка Андрейку и его друзей – таких же, как он, мальчишек. Говорят, здоровье мира узнают по детям, по их играм и мечтам. Детская психология подвержена сильным воздействиям извне, их непосредственная реакция всегда ярко выражена. Они, как бегунки у паровоза, бегут впереди, первые встречают опасность на неисправной линии. Нет опасности, горит весёлый свет семафора – весело бегут бегунки. Встретился поломанный рельс, как на участке у папы Андрейки, первыми отскочили передние паровозные колёса – бегунки – и укатились за Брусничный родничок.

Дети в произведениях Шилина всегда на виду у взрослых. О них думают, с ними считаются.

Память писателя хранит много жизненных сюжетов. И особенно ценны для него, для формирования его как писателя те, что помогли бороться с литературными штампами. Об одном таком событии в жизни Шилина, молодого тогда литератора, писала «Литературная газета».

«Будучи автором сборника рассказов "Две минуты", – вспоминает писатель, – я продолжал водить поезд. И в то же время работал над повестью о железнодорожниках. Был в ней такой эпизод: путевой обходчик, заметив

лопнувший рельс, предотвратил крушение. Пассажирский поезд остановился, из вагонов выбежали пассажиры. Было раннее весеннее утро... С обеих сторон железнодорожного полотна – зелёные посадки, на полях одуванчики, синие, алые цветы... В знак благодарности девушка-пассажирка преподнесла путевому обходчику букет цветов, ещё одна расцеловала его за спасение... Так я писал в рукописи. Но вот как меня поправила жизнь, – продолжает Шилин. – Поезд, который я вёл, на одной из станций формировал вагоны на путях. Был поздний вечер. Темно. По сигналу стрелочника я выехал с паровозом и несколькими вагонами на главный – пассажирский путь, занял его. И вдруг тот же стрелочник открыл семафор, то есть дал разрешение другому поезду проследовать по этому же пути. Семафор зелёный, а на перегоне уже виден огромный сноп света – это прожектор пассажирского поезда. Через считанные минуты случится непоправимое: пассажирский поезд врежется в товарный... Я схватил факел... Соскользнул по перилам лесенки и побежал, размахивая пылающим факелом, навстречу приближающемуся поезду. Метрах в пяти от беды поезд остановился. Ко мне подошёл машинист паровоза пассажирского поезда. "Шилин? – взгляделся. – Ничего, сейчас поедет дальше".

Ни цветов, ни поцелуев благодарности не было. О случившемся пассажиры узнали только из сообщения "Литературной газеты". Так меня, писателя, поправила сама жизнь».

Считанные минуты... Они могут круто повернуть судьбу человека. Поэтому герои Шилина умеют ценить время. Если бы маленький Серёжа из рассказа «Две минуты» знал, что на двухминутной стоянке поезда он видел «настоящего» папу, он бы рассмотрел его тогда получше и запомнил бы. И Виктор из рассказа «Загадка» не бросил бы столь категорично своей любимой девушке Сашеньке: «Только вдвоём! – на размышление даю две минуты». А Сашенька-то уже была не его...

Творческий путь Алексея Емельяновича Шилина отмечен своими, ровными ритмами. Первая книга рассказов, особенно рассказ «Благодатный закат», в герое которого, отце

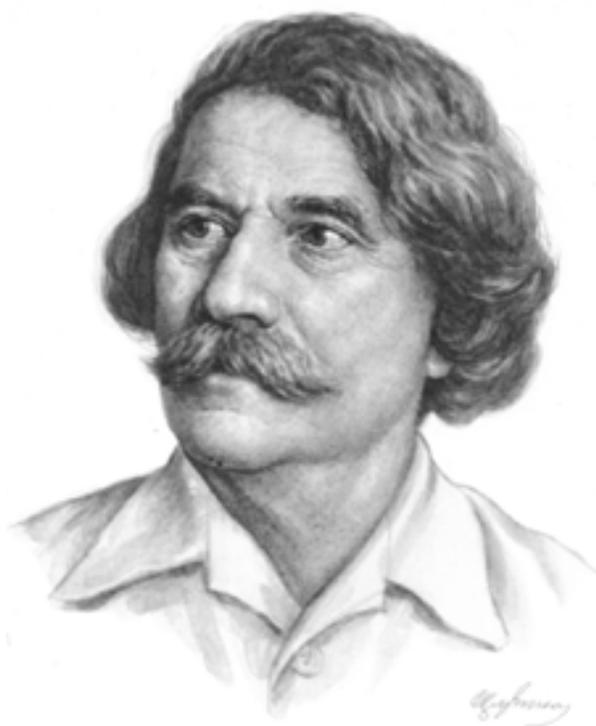
мальчика Володи, уже узнавался будущий Варрежкин из повести «Доброе утро»; рассказы «Две минуты», «Рассказ про Альку», миниатюра «Известное дело», «Волшебный сундучок», впервые поставившие главную проблему прозы Шилина о характере современного рабочего, наиболее полно раскрытую в повести «Журавлиная гора»; рассказ «Условный рефлекс» – всё говорило о том, что в литературу пришёл одарённый, как раньше говорили, «самоучка».

Самыми значительными в творчестве Шилина, видимо, остаются роман «Четвёртый патрон» и повесть «Зелёные бегунки». Увеличились масштабы конфликтов, писатель осмысливает сложный жизненный материал, требующий не только знания психологии человека, но и освоения отечественной истории в её социальных, политических, этнографических, бытовых подробностях. ■

ЛАРИСА ПОЛЯКОВА

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, автор многочисленных монографий, работ по литературному краеведению; инициатор создания Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина и проведения международных Замятинских чтений в Тамбове. Первый лауреат Всероссийской литературной премии имени С. Н. Сергеева-Ценского и областной литературной премии имени А. К. Воронского. Живёт в Тамбове, работает в ТГУ имени Г. Р. Державина.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Сентябрь – месяц нашего земляка, крупнейшего писателя, академика Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. Каждую осень у его памятника на Набережной собираются любители поэзии, чтобы вспомнить: именно здесь, на берегу Цны, были написаны первые поэтические строки мальчика Серёжи, который, став известным прозаиком, не переставал писать стихи.

Первая книга, изданная в 1901 году в городе Павлограде, оказалась именно поэтической – сборник стихотворений «Думы и грёзы». Последняя прижизненная книга тоже была поэтической...

Глубокая потребность излить чувства стихами сохранилась у Сергеева-Ценского до последних дней: с 1949 по 1958 год он регулярно вёл «Дневник поэта» – своеобразные стихотворные отклики на жизненные события. Это – целая эпоха, охваченная умом и сердцем человека, который никогда не был равнодушен к окружающему его миру.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заповедная ширь и лесов, и полей,
Я – твой сын и иду к тебе снова!
Ободри меня тихой речью своей,
Улыбнись, приласкай, обойми, обогрей,
Приюти не имущего крова.

Я – твой сын, но во мраке больших городов
Я с толпой суетливой смешался,
И надел я вериги и цепи рабов
И бряцаньем своих добровольных оков,
Как игрушкой дитя, забавлялся.

И, как жрец, величавые речи твердил
И кадил неизвестному богу.
Но его не познав, я кадило разбил,
Бросил цепи на страдные цепи могил
И бежал на другую дорогу.

Там я счастья искал, наслажденья искал,
За блестящим миражем гонялся,
Задыхаясь на пыльном пути, упадал,
Подымался и снова куда-то бежал,
Падал снова и вновь поднимался.

Вместо стройных картин нагонял я туман,
А мираж пропадал, исчезая;
Продолжала толпа свой обычный канкан,
Но меня испугал этот вечный обман,
И бежал я, его проклиная.

Я был жизнью разбит, я был жизнью измят;
Вечным шумом людским оглушённый,
Уж не шёл я вперёд, уж не шёл я назад,
И кипел во мне дум разлагающих яд,
И был чужд я толпе миллионной.

Но припомнилась мне ширь степей и лесов,
Высь бездонных небес голубая,
Шёпот старых дубов, ароматы цветов,
Пред вечерней зарёю раскат соловьёв –
Детство, юность моя золотая!

И, заплавав, простор и лесов, и полей,
Блудный сын, я иду к тебе снова!
Ободри меня тихой речью своей,
Улыбнись, приласкай, обойми, обогрей,
Приюти не имущего крова!

ОСЕНЬЮ

Пожелтый пушистый камыш,
Деревенька вблизи за озёрами;
В узкой раме соломенных крыш
Сизый дым разостлался узорами,
Вётлы голые, свежесть и тишь.

Вновь проснулись грёзы лучистые,
И в каком-то забытии стоишь...
А кругом камыши золотистые,
Гладь застывших озёр, кочки мшистые,
Вётлы голые, свежесть и тишь.

СОЛОВЕЙ

Пред вечерними лучами
У зеркального ручья
Над малютками цветами
Льётся песня соловья;

Льётся трелью серебристой
И раскатами звучит
Над фиалкою душистой,
Над листочками ракич;

Ей природа отвечает,
Ароматами дыша;
В мире звуков утопает
И уносится душа;

И гармониею чудной,
Забытьём весь полон я –
Меж листвою изумрудной
Льётся песня соловья.

* * *

Если ты атлет, то гири поднимай,
Если ты бегун, то бегай без оглядки.
Если ты вратарь, мячи не пропускай,
Если ты влюблён, люби во все лопатки.
Ну а если книг читать ты не привык,
Если пить и жрать – одна твоя отрада,
То какого ж чёрта, скажем напрямик,
Учишь ты меня, как мне писать их надо!

НЕУДАЧА

Ничего... Не всё ж одни удачи...
Слишком жизнь тогда легка была бы;
Не к лицу нам жалобы да плачи:
Не настолько мы с тобою слабы!
Погрустим слегка да перестанем.
Жить так жить... Печалиться успеем.
Подтянувшись, соколами глянем
Да работу новую затеем!

ГЛУБИНА

Глубоким будь, как океан глубокий,
Тогда тебе не страшны будут бури:
Они не омрачат твоих небес лазури, –
Отбушевав, улягутся в свой срок.
Очистятся руины разрушенья.
Из глубины, где мысль сохранена,
Для радостного нового строенья
Подыметесь творящая волна.

АТОМНЫЙ ВЕК

Есть сказка: гром такой гремел
Над головой слепца в дороге,
Что от испуга он, убогий,
Давно не видевший, прозрел...
Хотелось бы, чтоб сказка эта
В наш век пошла во все концы,
Чтоб стали зрячими слепцы
Везде, на всех просторах света.

ПРЯМОТА

Если в глаза подлецу
Не смеешь сказать ты:
– Подлец! –
Какой же ты сын отцу?
Какой же ты детям отец?

Если ты видишь грабёж –
Пусть ты безоружен, один, –
Но мимо молча пройдёшь –
Какой же ты гражданин?

* * *

На свет, на солнце, на простор
Иди, когда в тисках у горя –
И высоте учись у гор,
А широте учись у моря.

Ты позабудешь с жизнью споры,
Благословляя бытие,
Когда поймёшь, что море, горы –
Лишь продолжение твоё.

ПОМНИ

Какой бы ни был завтра день,
Его хозяин будь:
Туман ли, снег, от туч ли тень –
Об этом ты забудь,

Когда работа за столом,
Где все твои дела,
Когда порядок дня знаком
И голова светла.

А что живёт твоя страна
Для подвигов больших,
Что служит образцом она
Для многих стран других,

Что больше, больше нужно ей
Для полной красоты
Самоотверженных людей –
Об этом помни ты!

Когда-то наши моряки
На парусных судах
Смогли открыть – вот так дерзки! –
Антарктику во льдах.

Теперь уж наши люди там
Исследуют тот край,
Навеки отданный снегам, –
О них не забывай!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Нет, что ни говори, земли кусок,
Когда к нему ты смолоду привязан,
Он там, внутри тебя; ты им высок,
Ему любовью к жизни ты обязан.

Ты скажешь: «Родина» – и думаешь о нём,
Ты скажешь: «Я» – и он перед тобою.
Забыть захочешь? – Нет! Как память о былом,
Ты всюду повезёшь его с собою!

И если вдруг поймёшь – там, где-то в тайниках
Своей души, – что жить осталось мало,
Ты поспеши отдать свой тленный прах
Земле, которая тебя питала.

РОДИНА

Мне не случилось Родину терять
И жить за рубежом не приходилось;
Как мог бы я поверить и понять,
Чтоб там, за рубежом, вольнее сердце билось!

Стыдом бы счёл я верить в этот бред!
Я вижу Родину и новой, и большою,
А потому и в восемьдесят лет
Остался телом прям и юн душою.

Где б ни был я, везде найдут меня
Свои поля, свои моря и горы:
Ведь даже солнцу не хватает дня,
Чтоб оглядеть моей земли просторы!

Я знаю много слов, и их удельный вес
Известен мне: слова – моя стихия;
Нет равного! Оно как гром небес,
Оно как девственный бескрайний мощный лес
И круглое, как шар земной, –

РОССИЯ!

ТАК ЖИВИ

Так живи, чтобы жалости
Не возбудить ни в ком,
Чтобы приступ усталости
Был тебе незнаком;

Чтоб подальше, сторонкою,
Обошла тебя хворь.
Песню петь – только звонкую,
Спорить – яростно спорь.

Закали себя смолоду
И не прячься ты в тень,
Если даже от голоду
Туго стянешь ремень.

Будь не солнце, но луч его,
Задави в себе дрожь,
Не ищи себе лучшего,
Если сам ты хорош!

НАШ ЯЗЫК

В век темноты самодержавья
Тургенев к Родине приник
И взял, как меч против бесправья,
Наш златокованный язык.

Он чужеземцев знал обличье.
И наше прошлое он знал,
Народу русскому величье
По языку он предсказал.

И слово вещее мы ценим.
И слово русское мы чтим.
И силе слова не изменим,
И святотатцев заклеим:

Тех, кто стереть готовы грани
Всех слов родного языка,
Всех самоцветов, цветотканей,
До нас дошедших сквозь века;

Кто смотрит взглядом полусонным,
Забившись зябко в свой шалаш,
Кто пишет языком суконным
И выдаёт его за наш...
Ведь это гений наш народный

Сверкал под гнётом тяжких туч –
Язык правдивый и свободный,
И величав он, и могуч.

К нам перешёл он по наследью,
Для нас дороже он всего,
Мы заменять чужою медью
Не смеем золота его.

Как стража драгоценной чаши,
Должны мы дар веков беречь
И новым блеском жизни нашей
Обогатить родную речь!

ТРИ ВСТРЕЧИ

Тебя я встретил в ранний час –
Ты на меня глядел устало;
В тебе я видел сил запас,
Но их для жизни было мало.

Случайно ль было или нет –
Тебя я в полдень жизни встретил;
Искал твоих деяний след,
Но не нашёл иль не заметил.

И наконец в вечерний час
При встрече вовсе не случайной
Ты мне сказал, что ты погас,
Да это было и не тайной.

Погас ли ты или прозрел,
Что жить напрасно ты старался?
Ты только думал, что сгорел, –
Ты никогда не загорался.

ЗАБОТЫ ЖИЗНИ

Каждый миг в нас что-то умирает,
Каждый миг в нас новое растёт...
Разве кто-нибудь наверно знает,
Что его через мгновенье ждёт?

Жить – весьма нелёгкая задача:
Надо перемен в себе не знать,
Надо, чтоб во всём была удача,
Надо кончить то, что смог начать...

Разных «надо» в каждом часе – стадо,
Но к концу земного бытия
Ждёт тебя немалая награда –
Вспомнишь, скажешь: славно пожил я!

УРОЖАЙ

Глянуть только – что ж это за диво!
Как вплотную тут стоят колосья!
Это нива? Нет, это не нива,
Это – русское полноголосье!

Это – то, что круто закруглёно,
По-хозяйски, батраков не надо!
Есть гостям незваным оборона,
Ну а званым мы, конечно, рады.

Выше человеческого роста,
Колос прямо небывало долог!..
Ястребам совсем не так уж просто
Здесь охотиться на перепёлок.

Чьих рук дело, после разберёмся,
Имена героев мы узнаем,
А пока посмотрим, улыбнёмся:
Пред каким стоим мы урожаяем!

Урожай? А слово это то ли?
Есть ли в нём все мысли и все чувства,
Влитые в подобное приволье?
Нет, это – созидание искусства!

Не взрастили, возвели палаты,
Воплотили, как мечту поэта...
Это не подарено, а взято
У земли и солнечного света.

Васильки тут были бы похожи
На ребячьи кляксы на картине,
Их и нет: нигде, смотри, прохожий,
Не мелькнут они расцветкой синей.

Васильки ушли с полей в гербарий,
Оттого поля необычайны...
– Это кони там проходят в паре?
Нет, идут на спелый хлеб комбайны! **А**

Евстахий НАЧАС

Евстахий Ярославович Начас родился в 1940 году в селе Ярчевцы Зборовского района Тернопольской области. Окончил Тамбовский педагогический институт, факультет журналистики Ростовской высшей партийной школы. Автор девяти поэтических сборников. Публиковался в журналах «Сельская молодёжь», «Сельские зори», «Подъём», альманахах «Родники» и «Родники народные», многих коллективных сборниках, выходящих в Москве и Воронеже. Работал учителем, журналистом. Член Союза писателей России с 1995 года. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Лауреат литературных премий имени Е. А. Боратынского, имени Георгия Ремизова и «Светунец» имени Вячеслава Богданова; награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М. А. Шолохова». В 2004 году его имя было вписано в двухтомное издание энциклопедии «Лучшие люди России».

Фото Павла Васильева

Тузко кланяюся тебе, Тамбов

НЕДАВНО ДОВЕЛОСЬ ОБЩАТЬСЯ С УЧАСТНИКАМИ УКРАИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СЛАВУТИЧ». ЕСТЕСТВЕННО, В НАШЕМ РАЗГОВОРЕ НЕ РАЗ И НЕ ДВА МЕЛЬКНУЛО ИМЯ ЕВСТАХИЯ ЯРОСЛАВОВИЧА НАЧАСА – ОДНОГО ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ «ТАМБОВСКИХ УКРАИНЦЕВ». НЕ БУДУ СКРЫВАТЬ, БЫЛО ПРИЯТНО, ЧТО НАШЁЛСЯ ПОВОД ПОГОВОРИТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ, ПОД РЕДАКТОРСТВОМ КОТОРОГО В ГАЗЕТЕ «НАЕДИНЕ» ПРОШЁЛ НЕ ОЧЕНЬ ДОЛГИЙ, НО ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ПЕРИОД МОЕЙ ЖИЗНИ. СЕЙЧАС ЕВСТАХИЙ ЯРОСЛАВОВИЧ НА ЗАСЛУЖЕННОМ, КАК ГОВОРИТСЯ, ОТДЫХЕ, НО ОТДЫХАТЬ ОТ ЖУРНАЛИСТИКИ (И ОТ ПОЭЗИИ – ОН ЖЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОЭТ) НЕВОЗМОЖНО. ПОЭТОМУ ПРОДОЛЖЕНИЕМ НАШЕГО НЕДОЛГОГО РАЗГОВОРА СТАЛ ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ДАЁТ НАСТОЯЩИЙ ОТВЕТ НА МОИ ВОПРОСЫ О ТОМ, ЧТО И КАК ПРИВОДИЛО УКРАИНЦЕВ НА ТАМБОВЩИНУ И ЧТО УДЕРЖИВАЛО ЗДЕСЬ НАВСЕГДА.

На стене в моей комнате висит портрет Тараса Шевченко, мастерски вышитый моей землячкой Светланой Степановной Ильчук. Этот шедевр она подарила мне в день рождения. Живут на Тамбовщине ещё три замеча-

тельные украинки – одна из Киева, другая из Днепропетровска, откуда я призывался на службу в ряды Советской армии, третья – из Кишенковского района, где проходили мои детство и юность. Наши сёла были совсем

близко. Их разделяли река Ворскла и небольшой лесной массив. А вот в Тамбове мы встретились. В этом я вижу Божье провидение. В городе на Цне живёт Александр Николаевич Боднар, участник Великой Отечественной войны, старший штурман полка, совершивший 300 боевых вылетов. Этот легендарный и уважаемый человек родился в Хмельницкой области, а я в Тернопольской – они граничат.

Если посмотреть на географическую карту Украины, то она напоминает контурами две раскрытые ладони. В их горсти, как в колыбели, русские и украинцы лелеяли то, что нас объединяло века. В России едва ли не половина населения кровными узами связана с Украиной. Как пишет журналист Сергей Дядькин (по бабушке хохол), «поскреби русского – и ты найдёшь не татарина, нет, генетики доказали, а украинца!» То есть для многих она – такая же любимая Родина.

Как правильно сказал Путин на недавнем саммите в Питере, «куда бы Украина ни шла, мы всё равно когда-то и где-то встретимся. Мы – один народ». В своей книге «Прошлое Тамбовского края» П. Черменский сообщает: «На берегу Цны, за Хопёрскими воротами, находилась Покровская слобода. В ней жили тяглые крестьяне (302 человека), переименованные в 1648 году в полковых казаков. В Пушкарской слободе, за Студенцом, поселились пушкарки и затинщики (44 человека). Ниже по Студенцу, в Полковой слободе, жили 558 конных казаков, а в Панской слободе – 73 запорожских казака». Вот ещё когда украинцы проторили дорожку в крепость на Цне. Мне думается, эти смельчаки не вернулись на неньку-Украину, а так и остались жить у матушки-России, и их потомки и ныне прописаны в Тамбове.

Меня привела в Тамбов... русская речь. Впервые услышал её в далёком 1944 году, когда в нашей хате появились красноармейцы, выбившие из села немецкий гарнизон. Услышал и запомнил на всю жизнь, как солнце, как травы, как дождик, как радуго. А потом я открыл для себя Пушкина, Есенина, Лермонтова, Блока, Чехова, Толстого, Паустовского, Пришвина. Когда я жил на Тернопольщине,

в моих родных Ярчевцах, то частенько бегал в наш сельский клуб – там, в правом углу, стояло два шкафа, в которых на полках тесно прижимались друг к другу книжки на украинском и русском языках. Мне, двенадцатилетнему, не всё дозволялось читать, но библиотекарьша, кареглазая красавица Мария, была нашей соседкой, и она разрешала мне иногда брать «взрослые» книги. Так ещё мальчишкой я прочитал «Одиночество» Николая Вирты. И это был голос Бога, который через книгу говорил о моей дальнейшей судьбе. Но я, конечно, не догадывался о том...

Многие из нас наверняка задают себе вопрос: если есть Бог, то говорит ли он с человеком? Безусловно. Но говорит он с нами и через радуго на небе, весёлый смех ребёнка, трели соловья на рассвете, шелест белокорых берёз; через человека, которого ты всю жизнь называешь святым словом – «друг»; через светящиеся в ночи окна... Когда я вижу в темени эти жёлтые прямоугольники, мне кажется, что моя душа общается с миром на какой-то таинственно-минорной частоте. Может, потому, что свет – всегда надежда, свет – это Бог...

В 1960 году я с отличием окончил в Барнауле школу младших авиаспециалистов, и меня отправили для дальнейшего прохождения службы в Прикарпатский военный округ. Служил в Черновцах, совсем недалеко от села, где родился. Черновицкая и Тернопольская области граничат, так что я тянул армейскую лямку в ста с лишком километрах от моей малой родины.

В нашей группе регламентных работ служили и белорусы, и украинцы, и чувашки, и русские. Никто этому не придавал особого значения – все мы были советские парни. Был среди нас и тамбовчанин Вячеслав Гладышев, высокий голубоглазый красавец. Все тяготы воинской службы всегда переносил с шуткой, был всеобщим любимцем. Слава единственным в эскадрилье солдат срочной службы летал в одном из экипажей в качестве борттехника. У него были просто золотые руки. В казарме у нас стояли двухъярусные койки. Слава спал на нижней, а я на верхней, так что мы всегда находились рядом. Мы с ним дру-

жили и, кстати, были запевалами. Пели в хоре в Доме культуры, который находился по соседству с нашей частью, вместе с учащимися медицинского училища ездили с концертами в близлежащие буковинские сёла.

Служба близилась к концу, я ходил на подготовительные курсы в Дом офицеров. Мечтал поступить в педагогический институт. По справочнику для поступавших в вузы узнал, что такой филологический факультет, где готовят учителей не только русского, но и иностранного языков (что тоже входило в мои мечты), есть в Запорожье и в Тамбове. В том году солдатам срочной службы разрешили сдавать вступительные экзамены вместе с остальными абитуриентами, но кто не попал в вуз, обязан был дослужить положенные три года. Я послал соответствующий запрос в пединституты этих городов и вскоре получил два вызова.

Колебания терзали мою душу – не хотелось уезжать с родной Украины, и в то же время очень велико было желание пожить в России, изучать язык в российском институте. Пушкин, Лермонтов, Москва, Волга... Эти слова с детства звучали в душе как музыка. Точки над «і» расставил Вячеслав:

– Мне бы не хотелось, чтобы после службы наши пути-дороги разошлись, – сказал он мне однажды. – Поезжай в мой родной Тамбов. Во время сдачи вступительных экзаменов будешь жить у меня. Отцу и бабушке я уже написал. Они ждут твоего приезда. Я, к сожалению, тебя проводить не смогу, сам знаешь – на днях мы вновь отправляемся в Коми АССР, в Ухту, в командировку, на этот раз без тебя. Удачи тебе. Всё будет хорошо. – И улыбнулся, как всегда, светло и открыто. Так Господь через моего друга говорил о моей дальнейшей судьбе.

В конце июля 1962 года ранним утром я ступил на перрон железнодорожного вокзала Тамбова, в новенькой солдатской гимнастёрке, с небольшим чемоданчиком в руке. Никто меня не встречал. Никто не знал меня в городе, который дышал в моё взволнованное лицо утренней прохладой, утопая в буйной зелени. За деревьями стояли деревянные дома с

резными наличниками, что для меня было в диковинку. Но что-то таинственно-чарующее было и в этой тишине, и в этих домах, и в самом воздухе... Я медленно шёл по улицам незнакомого мне города навстречу... своей судьбе. Прохожие охотно рассказывали, как найти дом по адресу: Советская, 104. В этом здании на втором этаже меня ждали. Как родного. Бабушка Славы Матрёна Яковлевна, его отец Сергей Григорьевич и братишка Толик. Мама моего друга ушла из жизни в годы Великой Отечественной войны...

Несколько недель прожил я в уютной квартире, оклеенной золотистыми обоями, с цветущей геранью на окнах. Мне здесь было очень хорошо, как дома. Во время учёбы в ТГПИ жил в студенческом общежитии сначала на улице Полковой, потом – на Державинской. После демобилизации Слава вновь пошёл работать на родной завод «Тамбовмаш». В свой цех, где выпускали холодильники – сначала «Тамбов», потом «Наст». Как-то Гладышев поехал в командировку в Белоруссию, на Минский завод холодильников. Там заметили даровитого тамбовчанина и через какое-то время пригласили на работу. Вскоре Слава вместе с женой Галиной уехал из Тамбова. Насовсем. Когда он приезжает в родной город, мы с ним встречаемся, до сих пор.

Когда 51 год назад я впервые ступил на тамбовскую землю, никто не мог мне сказать, что она уже не отпустит меня. После окончания филфака я по распределению поехал работать учителем русского языка и литературы в Тумаковскую среднюю школу Красноярского края, но вскоре вернулся в Тамбов.

«Ничего не бывает случайно», – так говорил седовласый старец с ясными, как у ребёнка, глазами Серафим Саровский. Я всей душой чувствую святость Тамбова. Как гласит молва, в годы Великой Отечественной войны святитель Питирим обходил город с кадилом, потому-то гитлеровцы не смогли надругаться над древним градом Тамбовом, «ничего не бывает случайно»...

Я учился в Ростове-на-Дону в Высшей партийной школе на факультете журналистики и при желании мог остаться в шоло-

ховском крае. Мои школьные товарищи при каждой встрече уговаривали меня вернуться в Днепропетровск, откуда я призывался на службу в армию. Но меня всегда тянуло в Тамбов, мне всегда снилась Цна, когда я бывал на Полтавщине в гостях у мамы.

У каждого человека есть корни, которые связывают его с родной землёй. Есть они и у меня. Но я пустил свои корни и в тамбовский чернозём, и проросли они очень глубоко, не вытащишь, а начнёшь тащить – много бед наделаешь. Здесь у меня родня, друзья, хорошие знакомые. Есть, конечно, и недруги, как, впрочем, у каждого нормального человека. Жизнь есть жизнь. Так кто же я?! Коротко я бы ответил так – русский украинец. Правда, друзья в шутку называют меня обрусевшим хохлом, что, впрочем, меня не обижает. Я был и остаюсь русским украинцем – до сих пор пишу письма украинским родичам на рідній мові... У меня две матери: Украина и Россия. Говорю об этом искренне. Так же искренне считаю, что ни в каком другом городе моя судьба не сложилась бы так, как она сложилась в городе на Цне. Низко кланяюсь тебе, Тамбов, тебе и твоим людям, которые щедро, по-русски, дарили мне тепло и кров, надежду, веру и любовь!..

«Я прочёл две книжки тамбовского поэта (истинного славянина по духу; он украинец по рождению, но всю свою сознательную жизнь живёт в России), – писал в газете "Наедине" Александр Стрыгин, – и некоторые стихи перечитывал по нескольку раз – они захватывали меня именно глубинным смыслом, запрятым между очень простыми, на первый взгляд, деталями. Даже название первой прочитанной мной книги – "Я в России прописан..." – является как бы вызовом тем, кто пробует иногда поиграть на национальных чувствах. Этой заглавной мысли посвящён в книге целый венок сонетов, а сонет в поэтическом мире славится как "высшая математика стихосложения". Именно во втором сонете его книги есть строчки, написанные убеждённо и искренне, как клятва: "Мне кажется, я с ма-

лолетства знал: есть город посреди равнины русской..." Любовь к Тамбову, к тихой Цне есть мерило для состоявшейся поэтической судьбы Евстахия Начаса:

*И за Вороной снежные равнины
Похожи так на степи Украины...*

Так в душе поэта переплелись два самых близких ему края славянской земли – Украина и Тамбовщина».

Я от всего сердца благодарен Александру Васильевичу Стрыгину за эти слова. Хотя, бывало, слышал и другие высказывания. Как-то в застойные времена одна рафинированная дама мне сказала: «Я считаю, что украинцы должны жить на Украине». Эта фраза довольно больно ударила по душе, но я ответил: «России нас будет не хватать, представьте, что мы все уедем...» Такие моменты были, хотя очень и очень редко, к примеру, один тамбовский поэт всё мне повторял, что он никак не может понять, как это человек имеет две родины. Но это, как говорится, факт его биографии. Настораживает другое: недавно в кругу знакомых я покритиковал некоторые действия нынешнего правительства России. Вместо контраргументов мне бросили в лицо фразу: «Не нравится у нас – уезжайте к себе на Украину!» А в нынешние непредсказуемые времена слышать такое нелегко.

Мне порой бывает грустно на душе оттого, что некоторые деятели способствуют бегству Украины в Европу. Уж очень кому-то хочется, чтобы мы стали чужими. Надеюсь, что не станем. Я, конечно, никуда не уеду. Не хочу рвать корни, это очень опасно не только для растения, но и для человека.

Дом моего друга по Советской, 104, снесли. На его месте выросло монументальное красивое здание, вобравшее в себя архитектурные и инженерно-конструкторские новинки. Думается, что пройдёт время и завяжутся новые отношения между Украиной и Россией. Ведь у них одни славянские корни!

ГИМН ТАМБОВА

Нам сквозь столетья видится картина:
В ней Боборыкин посреди стрельцов,
Им покорились край почти былинный,
И крепость поднялась над Студенцом.

Будь славен, наш Тамбов, что стал судьбою,
С которою по жизни мы идём,
Наш город старьёй, мы горды тобою,
Наш город новый, ты наш мир и дом.

Здесь для Отечества служил поэт Державин,
Вершил дела для общего добра,
И этим был с народом солидарен,
И то была великая пора.

Как наши предки, все мы герб свой любим,
На нём над ульем три пчелы летят,
И, как они, здесь трудятся все люди,
Которые тебя боготворят.

Родной Тамбов, вокзалы, полустанки,
Как и сердца, давно ты покоришь.
Великий марш «Прощание славянки»
России ты и миру подарил.

Враг никогда в твоих пределах не был –
Твои границы крепче, чем гранит,
Их охраняют Цна, земля и небо,
И сам Господь веками их хранит.

* * *

*«Ещё дастся благодать –
Любить Россию...»*

Виктор Дронников

Мы будем внуков обнимать,
Мы боль осилим.
Бог даровал мне благодать –
Любить в России.

И целовать над звёздной Цной
Тебя родную.
Тамбов был слева в тьме ночной,
Лес – одесную.

Как и тогда, глядим и днесь
Мы друг на друга.
А то, что стал таким, как есть, –
Твоя заслуга.

Какое счастье – быть с тобой,
Моя ты Доля,
Идти дорогой столбовой
От поля к полю.

Степная даль, и ширь, и высь –
Неоглядимы.

Опять по осени зажглись
Костры рябины.

Берёзы рощами стоят
В нарядах белых.
Я рад, что Родина твоя
Меня пригрела.

Меня от вас не оторвать
И не осилить.
Бог даровал мне благодать –
Любить Россию.

СОБОРНАЯ ПЛОЩАДЬ

Снова снег, на Соборную площадь
К монументу мы нынче пришли.
Тишина, только ива полощет
Свои ветви в морозной пыли.
На берёзе высокой и белой
Проступают мазки черноты,
Словно кто-то рукой неумелой
Наложил торопливо бинты.
Кроны в небе – как вспышки салюта,
И над павшими снежная высь.
Они гибли в сражении лютом –
Стой, прохожий, и им поклонись!
Нашей памяти горькой блокаду
Разорвать невозможно кольцо...
Здесь я слышу боёв канонаду,
Здесь осколочный ветер – в лицо.
Здесь священная площадь Тамбова,
В карауле бессменном – дома.
Как сестра милосердия, снова
Эту землю бинтует зима.
Я стою с обнажённой душою,
И цветы обжигают ладонь.
И, похожий на сердце большое,
Здесь пульсирует Вечный огонь.

«ДУША НЕ УСТАЛА МОЛИТЬСЯ...»

*Памяти архиепископа Луки
(В.Ф. Войно-Ясенецкого)*

Судьба – это замкнутый круг,
И ноша под силу немногим.
Священник, великий хирург,
Служил он и людям, и Богу.
Себя осеняя крестом,
Он не был заложником грусти,
Всю жизнь свою шёл за Христом,
Как пастырь, как ссыльный, как узник.
Бойцов град свинцовый косил –
Война не жалела снарядов –
Лука у властей попросил
Дать право, чтоб встать с ними рядом,
Чтоб страшные боли унять,
На годы унять, не мгновенья,
Но прежде чем скальпель поднять,
Он долго стоял на коленях.
Спасал их не только от ран –
Ведь он останавливал горе,
Потом собирал прихожан
На службу в Покровском соборе.
С молитвою вера крепка,
Опора души и утеха,
А архиепископ Лука
От нас насовсем не уехал.
Стоит у больничных ворот –
Молиться душа не устала –
То крест, то вновь скальпель берёт,
Глядит на Тамбов с пьедестала.

УШАКОВ

«Святой Пётр», «Три святителя», «Троица» –
Имена кораблей-удальцов,
«Святой Павел», «Покров Богородицы» –
Литургический ряд налицо.
Ушаков совершал с ними плаванье,
Чтоб помочь несвободной стране:
Средиземноморская кампания –
Вызов тем, кто служил сатане.
Православные греки, ликуя,
Целовали андреевский флаг,
И победу эскадры такую
Будет помнить Россия в веках.
Помнить крепость на острове Корфу,

Помнить Рим – вечный город Земли,
Здесь Горацио Нельсону фору
Ушакова дадут корабли.
Будут выскочки рваться из кожи,
Ведь у бездарей зависть в крови,
Не прощают талантам вельможи,
Нет у них для талантов любви.
Пока жив был всеильный Потёмкин,
Жил и флот, где служил Ушаков
Богу, вере, России, потомкам,
Приучая к псалмам моряков.
Он берёт наше Чёрное море –
Рубежей южнорусских оплот.
Но обузой окажется вскоре
Для вельмож флотоводец и флот.
Примет «царская милость» – забвеньё
За свой подвиг на службе морской:
В Алексеевке, тихом именье,
Станет жить он с молитвой святой.
Его только монахи и видели
За молитвой вечерней порой.
Здесь, у стен Санаксарской обители,
Он найдёт свой последний покой.
Я над праведной скромной могилой
Головою седою склонюсь...
Боже, Боже, за всё нас помилуй
И спаси ещё раз свою Русь!

* * *

Вновь на буграх над Тулиновкой осень
Не пожалела охры на свой след...
Из-под земли там вышли корни сосен –
Их притянул к себе небесный свет.
А может быть, совсем другая сила
Им показала высь и облака,
Которая все сосны воскресила,
Чтоб здесь они шумели на века
И чтобы корни сосен обнажались,
Как жилы на руках у старика,
И их верхушки в небе отражались,
Чтоб было видно их издалека.
Сосновый бор накажет за беспечность,
Я еле удержался на ногах –
Споткнулся не о корень я, о вечность,
На осень заглядевшись на буграх.

ДЕРЕВО ЛЮБВИ

Все чудеса, как их ни назови,
 Наверное, причуда сил небесных...
 Есть в Тулиновке дерево любви –
 Дуб и сосна сошлись в объятьях тесных.
 Их корни под землёй переплелись,
 Когда весна переборолла стужу,
 Вдруг два ростка в один росток слились,
 Чтоб было легче вырваться наружу.
 В урочный час ростки те вознеслись
 И на песчаном уцелели склоне –
 Земля толкала, поднимала ввысь,
 Ствол был один, но две шумели кроны.
 Чередовали годы времена,
 Жизнь леса шла по замкнутому кругу,
 Туманов сыроватых пелена
 Нередко их скрывала друг от друга.
 Над ними ливни плакали навзрыд
 В предчувствии невиданной утраты,
 Набрасывали ветры на разрыв
 Свои лесоповальные канаты.
 Во мраке ночи и при свете дня
 Дуб и сосна сплетают свои кроны.
 Вокруг стоят деревья, как родня,
 А в небе солнце – Господа корона.
 На ветках – ленты, а в лесу – покой,
 Ведь дерево любви как Божья милость.
 Я прикоснулся к «дереву» рукой –
 И что-то вдруг во мне переломилось...

Валерию Аршианскому

Застыл декабрь в серебряной отраве,
 Душа моя ранимая грустит –
 Я с днём рожденья друга не поздравил,
 Но я надеюсь, он меня простит.

Он в Сумах подрастал, а я в Надзбручье,
 Но нас сроднил тамбовский чернозём,
 Его лесов былинные созвучья,
 На радугах повисший окоём.

Друг славою химерной не опутан,
 Идёт по жизни под свеченье вьюг,
 И не случайно сам Владимир Путин
 Давал ему однажды интервью.

При встрече улыбнётся добродушно,
 К своей груди большой меня прижмёт,
 Мужская дружба, если это дружба,
 Не требует особенных забот.

Находим мало, мы теряем больше,
 А он терял и близких, и родных.
 Так мир устроен: рвётся там, где тоньше,
 А бьёт судьба, как водится, под дых.

Я тоже с ней веду свой бой без правил,
 И мне всё чаще не хватает сил...
 Я с днём рожденья друга не поздравил,
 Но я надеюсь, он меня простил.

Сергей ЧЕТВЁРКИН

Сейчас ему было бы 58 лет. Инженер-океанолог, альпинист, поэт. К горькому сожалению, жизнь Сергея Четвёркина нелепо оборвалась, когда он едва переступил 30-летний рубеж.

С юных лет желание понять и проверить себя влекло Сергея в горы, обуревало стремление брать высоту за высотой как в жизни, так и в спорте. Альпинизм был для него не просто увлечением, тем более развлечением, хобби, а состоянием души, мерой мироздания и бытия на этой земле. Руководитель студенческой альпинистской секции Одесского гидрометеорологического института «Ирбис», скалолаз, кандидат в мастера спорта, он чуть

Серёжинны стихи

***

не погиб в 1980-м в Крыму, при свободном падении с 60-метровой высоты при прохождении скалолазного маршрута под Куш-Каёй. Голову спасла каска, остальное врачи собирали по частям в течение года. Казалось бы, всё, угомонись, довольствуйся равниной. Но Сергей, едва став на ноги, снова пошёл в горы... Выросли уже обе дочери, характером в папу в стремлении побеждать себя. А ещё у Сергея остались стихи. Он понимал, что над ними много надо работать, тщательно шлифуя, оттачивая каждую строчку – только такой короткой жизни для этого не хватило... Пусть же теперь там, где «нет алых роз и траурных лент», скромным обелиском будут его же стихи разных лет.

Перепутал всё дождь, дождь.
Альпинизм – это ложь и не ложь.
Сказка – правда для взрослых детей,
Ведь в горах проще жизнь и сложней.
Здесь живут миражи и беда,
И маршруты ведут в никуда.
Устаём так, что валимся с ног,
Но любой наш итог – не итог.
Кто-то ищет тепло и людей,
Кто-то чище тут стал и добрей,
И в туманностях метаморфоз
Место есть для тщеславья и роз.
Так от чьих-то деяний и слов
Веет жутью утроб ледников,
Тех, закрытых снегов пеленой.
Как обманчив их белый покой.
Отчего-то везде и всегда
Хлеб есть хлеб и вода есть вода.
Только жизни цена – не цена,
То копейка, то пропасть без дна...

* * *

Жизнь устроена хитро,
 Сколько круч и сколько троп
 Нужно нам преодолеть,
 А в итоге жизни – смерть?!
 За страданья и грехи,
 За романы и стихи,
 За стремленье к чистоте...
 Ложь ясна, а правда где?
 Да и так ли ложь ясна?
 Правда – жизнь, цветы, весна!
 Правда – смерть и ночи тьма!
 Ведь одна у нас сума,
 В ней мы атомы, мираж,
 То получишь, что отдашь...
 А любви небесный стыд?
 А возвышенность молитв?
 И терзания души...
 Это ложь? Иль просто жизнь?
 Нам себя не осознать?
 Жизнь не жить, а умирать?
 Нет, негоже уступать:
 Есть, болтать, жиреть и спать.
 Отрекись от суеты,
 В пониманье красоты
 И величия Земли
 Смысл и цель свою найди!

* * *

Одиночество неоценимо
 Безвозвратностью сомкнутых дней.
 Чёрно-белый в зернистости снимок,
 Искажённо твердящий о ней.

И недели ненужности вялой
 Истончают воздушный чертог:
 Их всё меньше в житейских провалах,
 Вечных женщин – души недотрог...

Я не знаю, её ли достоин,
 И не ведаю, как не любить.
 На одном острие мы весною
 Воспаряющих режущих бритв!

* * *

Ох, осенняя Одесса:
 Солнца ироничные поцелуи,
 Моря протяжные струи,
 Светлая грусть интереса
 К жизни, к женщинам.
 И старикам, и щенкам.
 Дышится легче.
 Уверенней жесты
 Морячков безусых.
 Каштанные люстры
 Коричневыми песо
 Рассыпаны под ногами.
 В привозном гаме –
 Осени шествие.
 И мне только двадцать,
 Есть повод смеяться
 С друзьями вместе.
 И, пляж обнимая,
 Прощаться до мая
 С солнцем Одессы...

* * *

Опять тоска нахлынула –
 Российская тоска.
 (Кончается дебилами
 Бутылочный оскал.)
 В бутылку не полезу я,
 Лишь горестно вздохну.
 А грусть – она полезная,
 Порой как добрый кнут,
 И объяснит, и выправит,
 Что так не удалось.
 За суетными «битвами»
 В душе копится злость...
 Шопеновой сонатою
 Я углублю печаль.
 Душевные анатомы.
 Сжимается спираль.
 Но будет распрямленье
 Осанки и мечты.
 И затрещат поленья,
 И рядом будешь ты.

* * *

В листвы переплетенье
В трепещущей глуши
Впечатанные тени
Доядерной тиши
И девственных покосов
Доядерных лугов.
Царил над миром посох
Из нынешних оков...

* * *

О красоте – ни слова,
Она без рамки слов.
Ко мне нисходит снова
В неясных ласках снов.
К чему пустые звуки?
Что будет – не вернуть.
Глаза – хирурга руки –
Живую режут суть.
Струится раздвоенье,
Приходят двойники
И заплетают вены
В лавровые венки.
Их шелест шепчет, скалясь:
«Побеги обруби.
От райских яблок завяжь –
Причина нелюбви...»

* * *

Твоя печальная улыбка
С вишнёвым привкусом весны.
Любовь неявленная зыбко,
Стесняясь, переходит в сны.
В себя бегу, где наши души
Живут друг другом и судьбой.
А сердце реже бьётся, суше,
И руки рвутся за тобой...

* * *

Дарил цветы, сжимая стебель,
Шипы вгоняя до костей.
Глаза синели тихим небом
На бледном личика листе.
Я не сказал «Прости». Нахмурясь,
С щеки слезу губами снял.
Кляня меня за ложь и дурость,
Пылал на розах жар огня.

* * *

Тишайше отвести
С щеки уставшей прядь
Бесчувственных волос,
Упавших на глаза,
И вздох перенести –
Сквозь сон не потерять,
Про то, что довелось,
Губами не сказать.
Издёрганы слова,
Корёжащие смысл,
Нарезаны серпом
Предутренней луны.
Любуюсь, виноват.
Мы снова родились
В смотрениии слепом
Миров любви иных.

* * *

Неужто мы не виделись так мало?
Не больше месяца. И виделись ли мы?
И судеб линии по вычурным лекалам
Разорваны, точнее – разъединены.
Не будь разлук – узнали бы мы цену
Противоречий слов, и глаз, и чувств?
Всё постоянное лишь внешне неизменно.
Светла возвышенностью нынче моя грусть.
Где ты, где дочь, где я, неугомонный?
Все порознь, но она связующим звеном
Наперекор погодам и препонам,
Как крошка-гном – волшебный милый гном, –
В своём сердечке маленьком и нежном
Соединяет нити наши две.
Она пока невинна и безгрешна.
И на её вопросы будет ли ответ?

* * *

***

Полюбите женщину, если ей за двадцать,
Подарите женщине (стоит ли стесняться?)
Первый ваш букетик, может быть, мимоз,
В нас весна забрезжит предвкушеньем гроз.

Я без тебя не смогу!
Не подыскать нужных слов,
Но не писать не могу,
Это – превыше основ!

Возлюбите женщину, ту, которой тридцать, –
Мать детей, хозяйку (стоит ли стыдиться?).
Одари бутонами несравненных роз –
Лепестки встревожатся бусинками слёз.

Ты улетела в весну,
Мне оставляя снега.
Верю в тебя лишь одну,
Как не сойтись берегам?

И в пору расцвета, когда минет сорок,
Будьте же с любимыми, с теми, кто вам дорог.
Свечи лет сгорают, тая, плачет воск.
Мир любви таинствен и всегда непрост.

Милый ребёнок, как всё
Стало и голо, и стыло.
Снова мы в сердце несём
То, что действительно было.

Сохраните юность ваших чувств прекрасных!
Мы с весны приходом отмечаем праздник
Тех, кто украшает жизнь одним лишь взглядом.
Дорогие женщины, будьте всегда рядом,

Новые струны звучат,
Губы запомнили губы.
Ты извини, если я
Был непонятным и грубым.

Хорошея с возрастом, веря в небылицы,
Будьте непривычными, вольными, как птицы!
Вечною загадкой суждено вам быть!
Как вас не бояться? Как вас не любить?

А из Одессы струна
Тянется к нам на Камчатку.
Под самолётом – страна,
Сны непонятны и сладки.

* * *

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Прости меня за глупость и упрямство,
Прости, что шёл к тебе не без потерь,
Что не всегда встречал словами «Здравствуй!»
Ты, как всегда, прекрасна!» И теперь,
Раскрепостивши нежность, убеждаюсь,
Что мне без вас стократно тяжелей.
Всё наносное нынче отпадает,
Хоть на крови замешан был тот клей.
Мы будем чище, лучше и душевней,
Разлуки будут, как же без разлук?
И среди тысяч, миллионов женщин
Ты у меня одна – любовь и друг!

...У Сергея был особый камертон души, настроенный на самое высокое звучание. Он торопился постичь всё самое лучшее и щедро поделиться с другими. Повышая уровень своих знаний, необходимых при морских прогнозах, постоянно вносил рациональные предложения. Играл в самодеятельном театре при гидрометцентре. Занимался любимым видом спорта — скалолазанием, тщательно оттачивая мастерство и обучая навыкам прохождения сложных маршрутов членов спортивного клуба альпинистов «Кутх» в Петропавловске-Камчатском. Он неустанно покорял вулканы и горные вершины. Пытаясь понять окружающий мир и своё предназначение в этом мире, упорно продвигался по пути духовного восхождения. Заочно окончил курсы английского языка в Москве, поступил

Проводы пятикурсников. Ленинская комната студенческого общежития ОГМИ. Нам грустно, а президиум... 1981 г.

во Владивостокский университет на факультет журналистики. Писал стихи и пытался – прозу, мечтал быть услышанным. Любил музыку Шопена и Бетховена, любил море и Айвазовского. Мечтал о далёкой северной станции «Восток». Он торопился жить и многое успеть. Любил людей, очень трепетно относился к друзьям и по первому зову всегда готов был прийти на помощь. Жалел бездомных кошек и собак,

подбирал раненых птичек. Мечтал о счастливой семейной жизни. Хотел, чтобы дочери выросли всесторонне развитыми гармоничными личностями. А ещё он мечтал о сыне...

...Любуясь усыпанным звёздами небосводом, мы выясняли наличие шеи и хвоста у Большой Медведицы. Театры, музеи, выставки, чужие города. Лыжные прогулки и термальные источники... Было спокойно, тепло и надёжно. Строились планы на будущее...

...Конечно, не вся жизнь была гладкой, как и разноцветная мозаика, которая состоит не только из ярких стёклышек, но в которой каждое стёклышко, даже тёмное, играет свою роль. Но память хранит только избранное и самое лучшее. Историю не повернёшь вспять, но сквозь время раздаётся эхо от камертона души Сергея. И пусть он будет счастлив в том, ином, мире доброй памятью любимых, детей и друзей.

Я благодарна всем, кто всё это время шёл рядом с нами, пытаюсь помочь, понять и сохранить светлую память. **А**

**С искренним уважением ко всем,
МАРИНА**

Владимир КАЗМИН

Это было в год тридцатилетия Победы. Кусты сирени, рассыпав белые грозди цветов, благоухали, сияли, словно застывшие слёзы прошлой беды, взметнулись к солнечному весеннему небу праздничным салютом. В центре шахтёрского посёлка возле клуба, у памятника солдатам, погибшим при освобождении Донбасса от фашистов, с самого утра собирались ветераны.

Играл оркестр...

Колонны школьников, шахтёров и всех остальных жителей Михайловки шли с красными знамёнами, транспарантами, цветами, воздушными шарами и флажками. Торжественно, весело и с огромным душевным теплом, в едином порыве народном, в едином восторге и благодарности к тем, кто отстоял свободу нашей земли, к тем, кто, не жалея сил и своей жизни, проливал кровь во имя будущего – этого светлого будущего мая...

* * *

– Пап, расскажи про войну...

– Собирайся на парад, война ты моя не-

путёвая, опять Надежда Павловна мне будет высказывать, что ты опоздал в школу. Ты хоть сегодня меня не подводи. И не вздумайте, когда будете идти в колонне, со своими дружками лопать шарики у малышей.

– Пап, а правда, что у немцев каски были с рогами?

– Самые главные рога у Гитлера были, но мы их обломали...

– Пап, а ты фрицев убивал?

– Вот ты достал с утра, прилип как баный лист: пап да пап, – сказал отец, поправляя на парадной гимнастёрке ордена и медали, затем серьёзно взглянул на сына:

– Ты мне скажи, Игорь, что вы давеча натворили в школе? Я же всё равно узнаю. Мать молчит как рыба, боится, что выпорю тебя. Рассказывай, не переживай, в честь праздника тебе индульгенция будет.

– Что за индуль... индульгенция такая, – испугался малый, – не-е, ты лучше выпори.

Отец рассмеялся и погладил сына по белобрысой голове:

– Можно и выпороть, но сегодня я тебе амнистию объявляю.

– Опять ты какие-то слова непонятные говоришь, – обиделся Игорь и, не решаясь рассказать отцу о школьном происшествии, хотел было уходить, но отец его остановил:

– Ладно, не пыхти. Говорю, я сегодня добрый, не трону. Что случилось у вас в классе?

Игорь сначала робко, а потом, видя спокойный настрой отца, всё веселее стал рассказывать о совсем недетском баловстве. Дело в том, что его дружок Федька притащил в школу ручную гранату «лимонку», смертоносный заряд был без запала, и опытный в этих опасных шалостях мальчишка спокойно пугал гранатой девчонок, а затем ему пришла дерзкая идея подложить «лимонку» в классный журнал учительнице по алгебре Валентине Васильевне. Она, как казалось балагуру, всех уже достала своими формулами и всегда пугала родителями или того хуже – директором.

– Вот он и решил тоже попугать училку, – рассказывал уже бойче Игорь.

– А чё это говоришь – он, а ты что, ни при чём? – спросил отец.

– Граната-то у Федьки была, они её в балке нашли с Валиком из 8-го «Б». Федька на стол «лимонку» подложил и журналом прикрыл. Когда Валентина Васильевна вошла в класс, я рядом с учительским столом стоял, вот поэтому она потом и подумала, что это я сделал. Она поздоровалась с нами и взяла журнал, а под ним граната, вот тут-то и случился с ней припадок, чуть было на пол не рухнула...

– Да, урок вы сорвали, черти, разве можно так шутить? Гранату где взяли? Опять в дьяковские балки ходили? Сколько раз я тебе говорил: опасная это игра – рыться в старых окопах! – хмуро улыбнулся отец, представляя, какой переполох устроили бесенята.

Каждый год с приходом весны, с первыми ручьями и ласковыми солнечными лучами, когда овраги и балки сбрасывали снежное одеяло, обнажался на отрогах Донбасса зверский оскал прошедшей войны. Земля в округе просто нашпигована железом. С каждым годом уходя глубже и глубже в толщу времени и грунта, гуляющая смерть прошлого иногда напоминала о себе оголившимся

ржавым боком мины или снаряда, а то и человеческими костями...

Здесь, неподалёку от шахтёрского посёлка Михайловка, у села Дьяково, осенью 1941 года разыгралось ожесточённое сражение. Танки фон Клейста фашистской группы армий «Юг» рвались к воротам Кавказа – Ростову. Конечно, с битвой под Москвой сражение на южном участке советско-германского фронта по своим масштабам несопоставимо, но благодаря мужеству и героизму русского солдата враг был остановлен под небольшим селом Дьяково. Если бы была отрезана Донбасская группировка Южного фронта советских войск, уже в 1941 году фашисты могли бы выйти к Волге и Кавказу. Здесь, как и на всех остальных участках кровавой жатвы, у каждого солдата были свои несколько метров родной земли, за которую он, вгрызаясь всем своим естеством, стоял насмерть...

– Ну и чем дело закончилось? – спросил отец.

– Потом нас всех директор к себе в кабинет согнал и стал пугать детской комнатой милиции, гранату отобрал и подзатыльников всем надавал... Потом за родителями отправил. А потом я боялся, что ты меня отдубашишь. Поэтому потом мамку попросил не рассказывать тебе, хотя я и не виноват...

– «Потом, потом» – заладил... Отдубасить тебя мало! Потом... Не виноват ты! В клуне патроны ржавые, в коробке под старым шифоньером, чьи я нашёл? Игорь, прекращай ерундой заниматься, мало тебе примеров: вон Сёмка Коротков безрукий ходит, сорокалетний мужик – и кому он нужен, инвалид? Вот так же мальчишкой лазил по балкам и попал под раздачу, тол вываривал из снарядов, ладно тогда, сразу после войны, этого добра было столько в округе, что люди боялись в лес по грибы ходить и коров по полям с опаской гоняли. А сейчас-то тридцать лет прошло, как отгремела окаянная. Одеты, обуты, голода не знавали, учитесь и радуйтесь жизни! Смотри, времена-то какие настали, хорошие времена! Страна наша великая и народ наш советский великий, труженик... Колька Скрипник у нас на шахте работает, чуть больше двадцати, а

уже на Героя Социалистического Труда метит. Вот с кого нужно пример брать!

Во дворе залаяла собака. На пороге дома нарисовался сосед Тимофеевич, при параде, в новом бостоновом костюме, на лацкане которого нашли своё место два ордена Красной Звезды, а с другой стороны его широкой груди в ряд сияли три медали «За отвагу».

– Николай, хватит чистить свои побрякушки, пошли, наши уже все собрались. О, и Игорь Николаевич здесь. Привет, герой, на парад идёшь? – Сосед крепко, по-мужски пожал руку мальчишке.

– Идёт, идёт, я ему тут лекцию читаю в честь праздника, – вместо сына ответил Николай.

– А чё натворил?

Николай пересказал Тимофеевичу школьную историю, сосед от души громко рассмеялся, приговаривая:

– Вот сорванцы, вот сорванцы, а учительница, говоришь, обомлела от страха? Вот сорванцы! Вот удумали, барбось!

– Ты ещё здесь? Шагом марш в школу! – прикрикнул на сына Николай.

В дом вошла мать. Статная, лет сорока пяти, женщина окинула взглядом мужиков.

– Красавцы, ну прям красавцы, хоть куда!

– Это правда, Любаша, хоть куда, хоть туда, хоть оттуда... Привет тебе категорический от меня и с праздником! – обнял Иван Тимофеевич Николаеву жену.

– Я торбу собираю на природу. Коля вчера мясо замариновал. После парада идёшь с нами на поляну в балку? Шашлычок пожарим на углях, – сказала Люба, освобождаясь от крепкой руки Тимофеевича.

– Не знаю, Люба, может, и пойду, после парада видно будет.

– Пошли, наши девчата из Ровенёк с мужьями приехать должны к обеду, компания будет весёлая, картошки спечём и в картишки поиграем.

– Пойдёт, пойдёт, никуда он не денется, – сказал Николай.

– Вы только после парада не нажритесь водочки, а то я вас знаю, сейчас встретитесь с друзьями – и понесётся душа в рай! Игорёк,

айда, я молочком тебя парным напою, и булочку слопай, а то до обеда проголодаешься. Пошли быстро, Федька уже пришёл, ждёт тебя.

Мать с сыном вышли из дома и направились в летнюю кухню. Николай, рассматривая себя в трюмо, пытался втянуть живот и защёлкнуть офицерский ремень.

– Ты когда, Коля, сбросишь эту гимнастёрку, неужто на костюме в шахте не заработал?

– Дорога́ она мне, Тимофеевич, и галифе, и сапоги хромовые, врос я в них. Вот только животик обвис, а надену форму свою дембельскую – и другим человеком себя чувствую, помолодевшим лет на тридцать...

– Ты, случаем, шинелку свою прострелянную из сорок четвёртого не припас? А то бы и её напялил...

– Знаешь что, друг мой сердешный Иван Тимофеевич, давай-ка по стопарику, за Победу! У меня здесь неприкосновенный, так сказать, запас есть.

Николай отодвинул книги в этажерке и вынул бутылку.

– Настоящий пятизвёздочный армянский коньяк! Это кума из Луганска на день рождения мне подсуетила. Держу на особый случай, не знаю, что они там, городские, в этой «коньяке» находят, но пить его и без закуски можно, тёплая, зараза, – нутро греет...

Друзья поздравили друг друга с Победой, выпили и обнялись...

* * *

Николай Иванович Воронцов семнадцатилетним юношей ушёл на фронт. Бросала его судьба по военным дорогам с осени сорок первого до лета сорок четвертого года, до наступления в Белоруссии.

Когда стратегическая наступательная операция «Багратион» вступила в свою завершающую фазу, стрелковая дивизия, в которой воевал Николай, была введена в прорыв из второго эшелона. Земля гудела от грохота разрывов и лязга гусениц танков, вот тут-то и достала его разрывная круп-

нокалиберная фашистская пуля, вырвала левый бок с четырьмя ложными рёбрами. Шинелька в скатке спасла тогда Николая Ивановича.

Почти три года на передовой обходила стороной солдатская беда Николая. Ни одной царапины, если не брать в расчёт лёгкие контузии от бомб и снарядов, что тысячами тонн сыпались на головы наших воинов; но они цеплялись за каждую пядь родной земли, отступали в крови и боли, а потом гнали врага в загривок, рвали фашистскую гадину в клочья.

«Заговорённый ты, Воронцов, – говорил Николаю комбат после очередного боя, – коль обошла тебя смертишка в первых боях, значит, жить будешь долго!»

Порой в их батальоне оставались считанные бойцы, не тронутые огненной плетью войны, а Воронцов был избитый, помятый, но целый.

С комбатом Егоровым Николай Иванович два года воевал, бывал в таких переделках, что, казалось, семь раз можно было остаться без головы. Отступал с боями до предгорий Кавказа, потом бил фашиста в родных донских степях, после освобождения Донбасса гнал немца до Днепра. Уцелел Воронцов и на Букринском плацдарме. После освобождения Киева остатки их батальона прошли по Крещатику уже без Егорова, при форсировании Днепра прямое попадание снаряда в плот, на котором был комбат с бойцами, разорвало его в щепки на глазах у Николая Ивановича... и упокоили холодные осенние воды великой реки души наших воинов.

Эта страшная картина кровавого фонтана днепровской воды с ошмётками тел, кусками плота и шипящей пены на всю жизнь осталась в сознании Николая Ивановича. Это мгновение в разных интерпретациях врывалось в тревожные кошмарные сны солдата, и, каждый раз просыпаясь в холодном поту, он видел страшный кадр смерти... Видел как наяву, снова и снова – сотни раз переживая малый кусочек своей большой солдатской судьбы, он понимал, через какое горе, через какую трагедию прошёл наш народ; и когда спрашивали его, что больше всего врезалось

в память ветерана, он отвечал, смахивая скупую солдатскую слезу: «Битва за Днепр...»

За форсирование Днепра Николай Иванович получил свою главную награду – орден Красного Знамени, хотя больше всего он дожил, как и многие простые труженики войны, первой, самой солдатской медалью «За отвагу».

И вот теперь в Белоруссии его несли санитары с разорванным боком. Воронцов, лёжа на носилках, понимал, что ещё живой. Он не помнил, как его выносили с поля боя, не помнил, как оказали первую помощь, но теперь он осознавал, что живой и выжить нужно, во что бы то ни стало нужно выжить...

В медсанбате врач, рассматривая огромную рану, приговаривал: «Были бы кости, а мясо нарастёт. Повезло тебе, солдатик, худоба и шинелька спасли. – Доктор, осторожно вынимая из раны инородные кусочки материи, фрагменты искромсанных рёбер и мелкие осколки разрывной пули, разговаривал, казалось, сам с собой: – Так, почка целая, так, что тут...»

Николай, проваливаясь в бессознательные скитания души, урывками слышал фразы военврача и санитаров, он не ощущал боли, потому что всё его тело было сплошной болью. «Срочно нужно отправлять его в госпиталь, множество мелких осколков от пули в кишках, может начаться перитонит, нужна срочная операция», – сказал доктор санитарам. «Ну, что там?» – в очередной раз очнувшись, спросил Воронцов. Врач, прикладывая огромный марлевый тампон к ране, ответил: «Жить будешь, солдатик!»

Николай простонал: «Мне бы попить, водички дюже хочется...» Доктор, обращаясь к санитарам, сказал: «Ну-ка, осторожно приподнимите его. – И, мотая широкий бинт вокруг живота, строго предупредил: – Ни в коем случае не давать ему воды. В госпиталь, срочно!»

Без малого восемь месяцев скитался Воронцов по госпиталям. Рана заживала очень долго, казалось отсутствие четырёх нижних левых рёбер. Рубец от хирургического скальпеля поперёк всего живота давно зажил и

стал рассасываться, а вот изуродованный бок Воронцова то и дело давал о себе знать, не хотел заживать.

«Как твоя рана, братишка?» – спрашивал одноногий сосед по палате. «Бывает рана, брат, что и шапкой не накроешь, так это про меня...» – отвечал Николай.

Фашистов громили уже под Берлином, когда Николай Иванович Воронцов стоял пред очами медкомиссии. Председатель что-то быстро писал в личном деле, а потом, подняв голову и внимательно посмотрев на солдата, сказал: «Вы комиссованы, товарищ Воронцов, отправляйтесь домой. Восстанавливайте Донбасс, в народном хозяйстве нужны рабочие руки...»

Завхоз госпиталя, имея симпатию к Николаю, выдал ему почти новенькую гимнастёрку, галифе и хромовые сапоги. Воронцов прикрепил на грудь ордена и медали и, распрощавшись с друзьями-товарищами, отправился из госпитальной Самары в родные донецкие степи.

Весна сорок пятого взорвалась буйным цветением и победным салютом. Николай устроился на шахту в механический цех слесарем. В конце сороковых повстречал свою суженую Любашу, женился, пошли детишки. Молодая семья обживалась, строили дом, денег не хватало, и Николай Иванович решил пойти работать под землю. Вот тогда он и подружился с Иваном Тимофеевичем, он был на шахте десятником добычного участка. Фронтвик-разведчик помог Воронцову устроиться в бригаду и определил Николая вагонщиком под лаву.

Вот так они и грузили антрацит добрый десяток лет, пока не рванул метан от искры высоковольтного кабеля. Их добычную бригаду бросили, как тогда говорили, «на прорыв», поднимать отстающий участок на одной из краснолучских шахт треста «Фрунзеуголь», куда входили и ровеньковские угольные предприятия. Передовая бригада взялась за дело основательно: навели порядок в забое, почистили конвейеры, подремонтировали технику, и пошла добыча. Но с подземной стихией не поспоришь!

Внезапно произошёл выброс газа, который скопился в забутах вентиляционного штрека. Силовой кабель под нагрузкой прострелил и поджёг метан: хлопок, взрыв! Огненная волна прокатилась по лаве, унося жизни шахтёров добычного звена. Николай, утопая в пыли и дыму, на откаточном штреке включился в самоспасатель. От бóльшей трагедии горняков спас водяной заслон, который погасил первый взрыв. Полиэтиленовые ёмкости с водой, подвешенные к арочной крепи на штреке, разорвались и накрыли пылеме-тановую волну. На их счастье и удачу всего крыла шахты второго взрыва не последовало. В это время десятник Иван Тимофеевич с молодым шахтёром Андреем были в нижней нише лавы, взрывной волной их выбросило на штрек. От удара головой Тимофеевич потерял сознание. Рядом с ним стонал Андрей. Под лавой погас свет. Воронцов нащупал отскочившую от взрыва каску и коногонку, включил лампу и подполз к товарищам. Тимофеевич пришёл в себя, прошептал: «Коля, звони диспетчеру...»

Из лавы повалил дым. Воронцов помог раненым друзьям включиться в самоспасатели. Николай поднял трубку шахтного телефона. Связь с коммутатором была. Он соединился с шахтным диспетчером. Последовала команда: всем оставшимся в живых выходить из-под лавы по откаточному штреку. Вверху очистного забоя начался пожар. Андрей был ранен легко, они с Воронцовым подняли десятника, обхватив его под мышки, и потащили Тимофеевича, он еле-еле передвигал ноги, но они упорно шли к уклону, к спасительной свежей струе воздуха. Четыреста метров штрека стали долгой дорогой к свету и жизни, а по пятам в клубях дыма за ними шла, приплясывая, смерть, от неё ещё нужно было уйти, и они смогли это сделать...

Трагедия на шахте унесла четыре жизни шахтёров, их хоронили всем посёлком. На траурном митинге председатель профкома шахты слово дал и Воронцову. Николай Иванович, немного смущаясь и смотря в бездну могилы, сказал: «Шахта – второй фронт. Земля вам пухом, братцы...»

Тридцать лет пролетело после войны, не заметил Николай Иванович, как и пенсию шахтёрскую заработал, в жизни Воронцова было много всего, но больше хорошего, так он думал. Особо радовался он сыну Игорьку. Дочери повзрослели, спорхнули, словно голубки, в жизнь замужнюю, теперь нужно поднимать позднего сынишку, ставить на ноги, давать образование. Хозяйство большое: корова, кабанчики, птица всякая и огороды... «Чёрт бы их побрал!» – так в сердцах выражался Николай, ухватившись за держак тяпки. Слава богу, жена хозяйственная досталась Воронцову, многое в их доме держалось на её хрупких плечах. Порой заглянет Любаша на веранду, а там Николай с газеткой на кушетке. «Коля, пошли кукурузу полоть», – звала она мужа. А он полушутя в ответ: «Восемь часов государству отдал, восемь часов на сон, восемь часов бодрствования... Всё по Конституции, имею полное право!» Люба не унималась: «Пошли, говорю, всё травую заросло, идол, птицу чем кормить будем?!» Николай Иванович нехотя, кряхтя, с трудом отрываясь от своего лежбища, всё же поднимался, сверкнув сморщенным большущим шрамом на боку, надевая рубаху, приговаривал: «Ладно уж, пойдём, не бурчи...» Люба, увидев отметину войны, к которой за двадцать пять лет совместной жизни так и не смогла привыкнуть, уже тихим голоском говорила: «Приляг, милый, я сама, чёрт с ней, с этой кукурузой...»

Так они и жили, можно сказать, душа в душу, до этого юбилейного мая...

* * *

– Давай, браток, ещё по одной, помянем друзей-товарищей, что не дожили до светлого дня, – сказал Тимофеевич.

Воронцов налил полные рюмки коньяку, и они молча, не чокаясь, выпили...

– Всё, Колян, вперёд, а то мне ещё с трибуны сегодня выступать. Парторг целную неделю по пятам ходил: «Тебе, Иваненко, партийное задание – выступить от фронтовиков на параде». Говорю ему, что не любитель я горланить в микрофон, а он прицепился, и

всё, делать нечего. Вот я и речь написал.

Иван Тимофеевич достал из кармана своего шикарного костюма вчетверо сложенный листок бумаги.

– На, Иванович, посмотри, может быть, ты что подскажешь?

– Лучше своими словами скажи, так вернее будет, не доверяю я бумажкам.

Друзья вышли на улицу. Праздничный майский денёк, разливаясь утренним светом, тонул в птичьём щебетании. Они шли к центру посёлка, и все прохожие на их пути почтительно здоровались с фронтовиками, даря тёплые улыбки, поздравляли.

На трибуне собрались самые заслуженные ветераны посёлка, среди них Воронцов и Тимофеевич были, пожалуй, самыми молодыми. С нескольких сторон на площадь подошли колонны школьников и шахтёров.

Начался митинг. Было видно, что Иван Тимофеевич перед своим выступлением волновался, он, ожидая очереди, то и дело заглядывал в бумажку, то разворачивал её, то снова сворачивал. Воронцов дёрнул его за рукав:

– Не дрейфь, разведка, говорю, своими словами скажи, – шепнул Николай на ухо Тимофеевичу.

– Что-то со мной сегодня неладное, как будто первый раз выступать буду, аж колени трясутся, – сказал Иван Тимофеевич, снова разворачивая свой заветный листочек.

– А ты просто поздравь с Победой, и всё.

– Не, Коля, нужно слова хорошие сказать, ведь я воевал в наших местах, мы в сорок первом здесь, под Дьяково, остановили немчуру, и Хусена Андрухаева я знал.

– Так вот о нём и скажи...

К микрофону пригласили одного из старейшин посёлка, Павла Павловича Зачиняева, участника Октябрьской революции и Гражданской войны.

Пал Палыч был местной, так сказать, достопримечательностью, его приглашали на все торжественные мероприятия. Сухонький девяностолетний старичок – говорун, не остановишь! Он мог часами рассказывать о революционных баталиях, о том, как брали Зимний, как защищали Питер от немцев,

как сражался с белоказаками. Но был у него главный козырь: Пал Палыч всегда заканчивал свои байки словами: «Я Ленина видел...» После этой многозначительной фразы он делал глубокую, просто театральную паузу и внимательно смотрел на слушателей своими маленькими, скрытыми под огромными седыми бровями старческими глазками. После слов «Я Ленина видел...» – как правило, он начинал свой красочный рассказ об исторической встрече с вождём мирового пролетариата. Те, кто первый раз слышал Пал Палыча, попадали под его невероятную энергетику, а старичок, видя, что его слова производят огромное впечатление на собеседников, заводился и рассказывал о революционных делах с ещё большим энтузиазмом. Пал Палыч часто менял сюжетную линию своей встречи с Ильичом: то он видел вождя на броневике, то в Смольном, то подкачивал Ульянову шины на его «роллс-ройсе», то к Палычу, когда он стоял в карауле, сам лично Ленин подходил и спрашивал: «Товарищ Зачиняев, как вы, одобряете наши первые советские декреты о земле и мире?»

Пал Палыч вошёл в роль практически соратника Владимира Ильича и порой уже сам начинал верить в то, что чуть ли не каждый день он гонял чай с вождём в грозном семнадцатом году.

Своё выступление революционер Зачиняев закончил пламенными словами: «С именем Ленина, с именем Сталина мы придём к победе коммунизма!»

К микрофону пригласили Ивана Тимофеевича. Иваненко развернул шпаргалку и стал читать, но запнувшись на первом же писаном предложении подготовленной речи, он засунул бумажку в карман, поднял голову и, смотря куда-то вдаль, поверх пёстрых краснознамённых колон демонстрации, сказал:

– Вы знаете, дорогие друзья, я не могу без боли в сердце ходить по нашим балкам, потому что их склоны щедро политы солдатской кровушкой. Мне пришлось воевать в здешних местах, мы остановили здесь танки Клейста, мы уже здесь, в сорок первом, приобрели непоколебимую уверенность в том, что слома-

ем хребет фашистской сволочи! Потому что непробиваемой стеной на их поганом пути встали такие люди, как Герой Советского Союза Хусен Андрухаев – адыгеец, но когда у него кончились патроны и его окружили гитлеровцы, крича: «Рус, сдавайся!», Хусен поднялся в полный рост и крикнул: «Русские не сдаются!» Он подорвал себя и врагов противотанковой гранатой и, подобно белому журавлю, взлетел к небу в вечность...

Иван Тимофеевич продолжал своё выступление, и над площадью воцарилась тишина, потому что перед собравшейся молодёжью был живой свидетель истории, которая разыгралась именно здесь, на их земле, именно такие молодые ребята, как они, стоящие в колнах со знамёнами, тогда, в сороковых, победили в самой страшной войне человечества.

Воронцов, слушая товарища, с гордостью смотрел в его широкую спину, на этот солдатский горб была взвалена тяжкая ноша великого лихолетья, но они выдержали всё, вынесли, выстояли, не сломились и не пали духом, расправились и воспарили над русской землёй-матушкой гордым соколом, витязем, ратником, воином...

* * *

Иван Тимофеевич Иваненко родился в 1920 году в Воронежской губернии. После десятилетки приехал в Донбасс поступать в горный техникум, но был призван в армию. Участвовал в финской кампании, брал укрепленную линию Маннергейма в составе новой сформированной 136-й стрелковой дивизии. После финской Иваненко получил отпуск. Весной сорокового приехал в Россошь к родным. Десять дней гулял солдат, потом отправился в родную дивизию, которая к тому времени была передислоцирована в Армению, здесь он и познакомился с младшим политруком роты Андрухаевым. Именно здесь, в Закавказье, и застала их Великая Отечественная война...

По частям и подразделениям дивизии прокатилась волна митингов и собраний. Бойцы и командиры по предложению Хусена

Андрухаева единодушно приняли резолюцию с просьбой направить их роту на фронт. Подобные воззвания были приняты на митингах всех частей и подразделений соединения. 20 сентября 1941 года дивизия поступила в резерв Южного фронта.

Иван Тимофеевич на всю жизнь запомнил первую кровавую стычку с фашистами в Запорожской области. Бой длился почти девять часов. Их стрелковый полк сломил сопротивление превосходящих сил гитлеровцев и с помощью других частей дивизии овладел селом Малая Белозёрка, пленив несколько сотен фашистских солдат и офицеров. Иваненко всматривался в лица пленных немцев, пытаясь понять, в чём же их превосходство, в чём их непобедимость? Вот они – жалкие, понурые лица, вот они – «сверхчеловеки». «Мы станем вас бить, гады, что тырса сыпаться будет...» – думал тогда Иван Тимофеевич, смотря на холёные и уже помятые морды фашистов.

В этом бою Хусен Андрухаев уничтожил из снайперской винтовки более двух десятков вражеских солдат и офицеров. В ходе боя гитлеровцы предпринимали яростные атаки и каждый раз откатывались с большими потерями. Андрухаев проявлял изумительную выдержку. Спокойно целясь, он после каждого удачного выстрела громко объявлял:

– Есть ещё один!

А в минуты затишья политрук говорил:

– Вот, друзья, видите, что значит снайперская винтовка!

Андрухаев создал в своей роте мощную группу снайперов, в неё вошел и Тимофеевич. Хусен, как непревзойдённый стрелок роты, проводил с бойцами тренировочные занятия.

Иван Тимофеевич хранил фронтовую листовку. Однажды Иваненко показал её Воронцову:

– Смотри, Николай, через всю войну пронёс я эту листовку – она стала моим талисманом.

Николай Иванович бережно развернул пожелтевшую бумагу и прочитал:

«Политрук 2-й роты 733-го стрелкового полка Хусен Андрухаев открыл боевой счёт фашистам, уничтоженным из снайперской

винтовки, и положил начало снайперскому движению Южного фронта...» Листовка заканчивалась призывом: «Воин-стрелок! Бери пример с инициатора снайперского движения младшего политрука Хусена Андрухаева! Становись снайпером. В бою не зевай, счёт врагам открывай!»

В октябре 1941 года дивизия вела упорные оборонительные бои на Днепропетровщине с войсками 1-й танковой мотомеханизированной группы генерал-полковника фон Клейста. В состав этой вражеской группировки входили элитные дивизии СС: «Викинг», «Адольф Гитлер», «Великая Германия».

В этих боях отважно сражались бойцы роты политрука Хусена Андрухаева, метко разили врага снайперы Николай Ильин, Василий Носуля, Владимир Решетов, не отставал от товарищей и Иван Тимофеевич Иваненко. Враг нёс большие потери, но силы были неравными. В начале ноября дивизия стала отходить на юг.

Они отступали под нудным осенним дождём, превратившим дороги в массу топкой и липкой грязи, избитые, голодные, но не побеждённые, они шли по донецким степям.

5 ноября 136-я стрелковая дивизия снова встретилась с отборными немецкими войсками Клейста на реке Нагольная. Основной танковый удар противника под селом Дьяково принял на себя стрелковый полк, в рядах которого сражались Хусен Андрухаев и Иван Иваненко. На позиции полка фашисты бросили танки в сопровождении мотопехоты.

Воины не дрогнули, они залегли в окопах, пропуская через себя стальные махины и встречая уничтожающим огнём вражескую пехоту, забрасывали фашистские танки гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Чётко работали снайперы. Иван Тимофеевич занял удобную позицию на небольшой возвышенности у края глубокого оврага. Здесь немцы поворачивали, объезжая естественную преграду, мотопехота была как на ладони, Иваненко из скрытой позиции метко бил по фрицам, укладывая одного за другим наступающих фашистов.

Получив подкрепление в танках и живой силе, ведя ожесточённый артиллерийский и

миномётный огонь, гитлеровцы стремились как можно быстрее прорвать оборону полка и выйти на оперативный простор. Но наши воины дрались, не щадя своей жизни...

Иван Тимофеевич увидел, как на левом фланге их участка обороны поднялись бойцы в атаку. Иваненко ещё не знал, что уже погиб командир роты и в атаку бойцов поднял политрук Хусен Андрухаев. Фашисты отрезали и окружили атакующих храбрецов. Ударил вражеская артиллерия, земля стонала от разрывов, и в этот час, как узнал потом Тимофеевич, и был совершён бессмертный подвиг отважного горца-адыга...

* * *

Иваненко продолжал свою вдохновенную речь с трибуны, пригодилась и заготовленная бумага, Иван Тимофеевич снова развернул свой «волшебный» листочек и прочитал:

– По всему Южному фронту прошла весть о подвиге Андрухаева. Представляя отважно-го орла из горного аула к высшей награде, командование отметило:

«8 ноября 1941 года в районе села Дьяково на 2-ю стрелковую роту наступало более 200 пехотинцев противника. Три их атаки мужественно отбил политрук Андрухаев. Враг тогда бросил новые силы. Пуля пробила Хусену щёку, но он не оставил поле боя, а продолжал мужественно сражаться, стойко держать оборону, смело разя фашистов.

Три раза противник окружал Андрухаева, но он отбивался. Кончились все патроны, отстреливаться было нечем. Враг же продолжал наседавать. Тогда Андрухаев взял в руки противотанковые гранаты и, подпустив поближе гитлеровцев, с возгласом: "На, возьмите, гады! Русские не сдаются!" подорвал себя и окружавших его фашистов».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1942 года младшему политруку Хусену Борежевичу Андрухаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

На следующий день, 28 марта, газета «Правда» писала: «Никогда не сотрётся па-

мять о подвиге доблестного сына советского народа младшего политрука Хусена Андрухаева, геройски погибшего в неравном бою с немецкими захватчиками».

Снайперской винтовке Хусена Андрухаева командованием фронта было присвоено его имя, и её вручили лучшему снайперу части Николаю Яковлевичу Ильину, а после его гибели – Афанасию Емельяновичу Гордиенко.

Теперь эта винтовка с перебитым ложем (№ КЕ-1729), к которой прикреплена табличка: «Имени Героев Советского Союза Хусена Андрухаева и Николая Ильина», хранится в Центральном музее Вооружённых Сил Российской Федерации. Она стала олицетворением боевого братства трёх воинов-снайперов, погибших на полях Великой Отечественной войны: адыгейца Хусена Андрухаева, русского Николая Ильина, украинца Афанасия Гордиенко...

– Слава советским воинам-победителям! – призывно выкрикнула ведущая митинга. И над шахтёрским посёлком раздалось протяжное и громкое «Ура-а!».

– Молодец, Ваня, выступил что надо, – слегка подтолкнул в спину товарища Воронцов.

Участники поселковой самодеятельности устроили на пороге клуба концерт. Председатель поссовета и директор шахты обеспечили полевой кулеш и боевые сто граммов для ветеранов. И закрутился, завертелся праздник народный...

Воронцов и Тимофеевич стояли за столиком и с аппетитом жевали кулеш.

– А ты знаешь, Коля, ходят легенды, что фраза «русские не сдаются» понравилась самому Сталину, Верховный подхватил её и частенько повторял, – не остывший ещё от своего выступления на параде, сказал Иван Тимофеевич.

– Наливай, Ваня, за Победу! Русские не сдаются!

* * *

Иван Тимофеевич Иваненко прошёл всю войну. После тяжёлых оборонительных боёв

в составе 136-й стрелковой дивизии и ранения, подлечившись в госпитале, попал в отдельную роту фронтовой разведки. Сражался на Брянском фронте. Брал «языка» перед началом Курской битвы. С боями прошёл от Днепра до Вислы, снова был ранен. Тимофеевич с иронией говорил: «Подпортил фриц мне шкурку, ударил сволочь финочкой под лопатку, чуть посильнее и повыше – и не с кем было бы выпить тебе водочки, Николай Иванович...»

Иван Тимофеевич весело рассказывал о смертельной схватке с фашистом, но тогда, в окопной грязи, было не до шуток. Здоровенный немец сопел, как боров, он заломил Ивана и ударил ножом. Если бы не старшина Цокоров, который успел разmozжить прикладом голову фашистскому бугаю, быть может, лежал бы он, Иван Иваненко, в том сыром окопе, в польской земле. Старшина вытащил Ивана на нейтральную полосу, где разведчиков ожидала группа прикрытия. Улыбнулась судьба тогда Ивану Тимофеевичу...

Победу Иваненко встретил в Берлине. Разведчиков отправили по домам в первой партии, пострадались бойцы за кровавые годы войны. Ехали весело, дембельские эшелоны встречали с цветами практически на каждой станции. Иван приехал домой в Россошь, но дома-то и не осталось, ни стен, ни родных: мать умерла в оккупации, отец ещё в сорок первом пропал без вести под Ржевом, старшая сестра где-то в Сибири затерялась, последнее письмо Иван от неё получил в сорок четвёртом, до ранения, и теперь остался он один-одинёшенек. И куда веселье победное подевалось...

Поклонился Иван руинам отцовского дома, поплакал на маминой могилке, хорошо, что соседка баба Варя указала, где упокоилась душа мамы Екатерины Петровны, и отправился со своим солдатским вещмешком в Донбасс.

Ох, сколько же таких семей было разбросано, разорвано, заживо зарыто на великих просторах русских!

Иваненко осуществил свою довоенную мечту – поступил в горный техникум в горо-

де Красный Луч. После окончания техникума приехал в Ровеньки и устроился десятником на михайловскую шахту № 28 «Венгеровка». Дневал и ночевал он на шахте, всецело отдаваясь работе. Было на кого равняться и у кого поучиться, тогда на всю страну гремели имена михайловских героев труда Егора Егоровича Петченко и Луки Голоколосова. Ходила в народе такая байка, что богатырь Лука Голоколосов смастерил из шахтного рештака себе лопату-грабарку и тем самым каждый год обеспечивал рекордную добычу, выполняя за двенадцать месяцев по пять годовых норм выработки. Байки байками, но Лука Тимофеевич Голоколосов, лауреат Государственной премии, внедрил скоростной метод нарезания лав и выполнял по четыре нормы за смену – это факт! Лука Голоколосов стал наставником Иваненко. Героические были люди!

Так и жил Тимофеевич бобылём в своей комнатухе общежития при школе ФЗО. В пятидесятых начались грандиозные комсомольские стройки новых шахт в Донбассе. «Луганскую-Комсомольскую» № 2 заложили на окраине Михайловки. За считанные годы новое угольное предприятие было построено, в 1957 году шахта вступила в строй. Иваненко перешёл работать на добычной участок шахты «Луганской».

Каждый раз, когда шёл на шахту, на утренний наряд, Иван Тимофеевич любовался восходящим солнышком, смотрел в степную даль – там, восточнее Михайловки, за семью грековскими буграми, возвышались дяковские высоты у реки Нагольной, и порой ему мерещились в утренней дымке фашистские танки, слышались разрывы и пулемётные очереди. Но, вдохнув широкой грудью свежего воздуха, Тимофеевич думал: «Нет, не зря мы кровь проливали. Нет, не зря... Ради этого рассвета, ради этой утренней тишины и пения соловья, ради земли нашей...»

Иван Тимофеевич попытался было устроить семейную жизнь, приглянулась ему Вера, телефонистка, но так ничего и не вышло, она ушла жить к маркшейдеру шахты. Тимофеевич снова полностью окунулся

в работу. Годы пролетали, словно перелётные птицы...

В начале шестидесятых Ивану Иваненко выделили отдельную квартиру, могли дать и раньше, но он всё пропускал свою очередь: «Семейным своя крыша над головой нужнее будет...» – говорил в профкоме Иван Тимофеевич. Так и жил он холостым да неприкаянным бобылём. Одна радость – в начале шестидесятых нашлась сестра. Иваненко почти четверть века искал её, куда только не писал, а нашлась Елена внезапно, просто каким-то чудесным образом нашлась, случайно. Иван Тимофеевич поехал с делегацией передовиков-шахтёров в Москву, после официальных мероприятий в Кремле, где вручали награды героям труда, донбасские ребята прогуливались по Красной площади, и здесь-то Тимофеевич и увидел родное лицо. До боли знакомая женщина стояла в очереди у мавзолея Ленина. Поверить в это было трудно, просто невероятно, но каким-то Божественным образом в многомиллионной столице людей, живущих в разных концах огромной страны, свела судьба, встретились брат и сестра. Время не смогло стереть родные черты, они узнали друг друга, и словно молнией прошибло их души, этот родной встречный взгляд вспыхнул неописуемым восторгом. Иван и Елена долго стояли обнявшись в самом сердце нашей Родины и плакали...

Иван Тимофеевич взял отпуск и поехал в гости к Елене в Оренбург, где она жила с новой семьёй. Первый муж её, фронтовик, спился, он так и не нашёл себя в мирной жизни. Елена осталась в начале пятидесятых с двумя детками. Она также искала Ивана, исписала кучу бумаг, но отовсюду приходили протокольные отписки: «Выбыл. Не числится...» и так далее. Тимофеевич проведаль племянников, познакомился с новым мужем Елены, и чуточку оттаяла душа разведчика, повеселел шахтёр. Теперь каждый год Иван Тимофеевич ездил в гости к своей сестрёнке...

* * *

– Ваня, ку-ку, ты чё энт, уснул, что ли? – хлопнул по плечу друга Николай. – Ты где летал, разведка? Говорю, пошли, а то Любаха в розыск подаст. На поляне с шашлычком помечтаешь.

– Я, пожалуй, на шахту схожу, вы там по-семейному, девчонки твои с мужьями, наверно, уже приехали, чего я буду болтаться промеж вас.

– Тимофеевич, какая шахта, праздник сегодня!

– Вторая смена – день повышенной добычи, встретить ребят надо. Ты иди, Коля, Люба заждалась, небось...

– Ну, ты даёшь, Тимофеевич, что за муха тебя укусила?

– Иди, Иванович, я вечером загляну, ещё по рюмахе дёрнем, иди, братан.

К столику, где стояли фронтовики, подошёл Игорь.

– Пап, дай двадцать копеек на мороженое.

– Тебе же мать целый рубль давала, что, уже спустил, бродяга? – Николай Иванович достал из кошелька жменю мелочи и протянул сынишке.

– Давай, ты тут долго не ошивайся, и переодеться нужно, если идёшь с нами на поляну.

– Ладно, я скоро буду, – крикнул мальчуган и растворился в толпе гуляющих сельчан у клуба.

Тимофеевич направился в сторону шахты, а Николай пошёл домой. По дороге Воронцов встретил хмельного старичка Зачиняева, который, семеня старческими ногами, что-то бурчал себе под нос. Николай Иванович подхватил революционера под руки:

– Пал Палыч, давай доведу до дому, а то, не дай бог, грохнешься ещё где...

– Шашки наголо! Шашки наголо! Я Ленина видел! – кряхтел старик, но поддался крепкой руке Воронцова. – Ты уж доведи, Коленька, меня, а то что-то меня совсем сморило...

* * *

За клубной кочегаркой собралась гурьба мальчишек, играли в «простенок». Цокая медяками о стену, дотягиваясь растопыренными пальцами до заветной монетки, ребята были так увлечены своим занятием, что, казалось, пали из пушки – им было бы всё равно, азарт поглотил подростков. Игорь, сжимая в ладошке заветные копейки, подошёл к мальчишкам.

– Раздобыл деньгу? – спросил друг Федька. – Я последние пятнадцать копеек проиграл. Валик в ударе сегодня, ободрал всех, собака!

– Федя, может быть, лучше мороженого купим? – предложил Игорь.

– Не бойсь, сейчас отыграемся!

Мелочь быстро у них закончилась. Довольный собой паренёк Валентин, который был на пару лет старше остальных ребят, хлопнул по набитому деньгами карману:

– Тренируйтесь, босотва!

– Валик, займи копеек сорок на мороженое, – попросил худенький мальчуган друга.

– Ты, Шуня, мне уже должен, как земля колхозу. Ладно, беги в буфет. Купишь две бутылки ситро и мороженого на всех, – отсчитывая деньги, выбирая медяки достоинством поменьше, сказал Валентин. – Мину пойдём взрывать...

Шура Соколов обрадовался и втрипрыжку умчался в буфет.

– Какую мину? – спросил Игорь.

– Самую настоящую, – ответил Валик.

– Я же тебе говорил, Игорь, – обернулся к другу Фёдор, – что мы в балке, на берегу речки, кроме «лимонки» две миномётные мины нашли. Мы с Валиком их спрятали в посадке за шахтой на песках. Пойдём с нами мину взрывать.

– Не, Федька, я с родителями в балку собрался.

– Пусть идут, успеешь, мы бахнем в честь праздника, а потом придём на поляну, кстати, и мои родаки тоже собрались на природу, – сказал Федя.

– А где же мы её рванём? – спросил Игорь.

– Там и рванём, чуть подальше к ростовской трассе отойдём, в костёр и – огонь по батареям! – чувствуя свою власть над младшими ребятами, сказал Валентин.

Из-за угла появился Шурик, который принёс четыре пачки мороженого и ситро.

– Всё, вперёд, за мной, – подал команду друзьям Валик.

Мальчишки пришли к тайнику, где лежали две 82-миллиметровые мины, одна была без взрывателя, а вторая, притаившись, грелась на весеннем майском солнышке, наконецник её взрывателя от влаги и времени поржавел, и, как казалось мальчишкам, эта пузатая железяка не представляла опасности.

– Игорь, Федька, собирайте дрова, костёр палить будем, – сказал Валентин. – Только мне кажется, не взорвём мы их. На прошлой неделе мы с Генкой Пузиковым часа два костёр жгли, но так и не рванула, зараза, такая же миномётная была. Мы её в балке Бирючке нашли, в речке. Эти тоже на берегу были, пропали, наверное, от времени...

– Что это тебе, колбаса, что ли, пропали, завонялись, скажи ещё, – рассмеялся Шурка.

Валентин поднял мину и повертел её в руках:

– Пропали, говоришь? Шуня, бойся, лови! – хотел попугать дружка Валентин и безумно бросил мину в его сторону. Шурка Соколов инстинктивно отпрыгнул, и в это мгновение раздался взрыв...

Зловещее раскатистое эхо полетело над песками, посадкой и грековскими буграми, полетело в сторону шахты, в сторону дяковских кровавых военных высоток, ворвалось горечью дыма и пыли в небо, ворвалось страшной бедой в посёлок...

Игорь сначала никак не мог понять, что случилось, он лежал на песчаной земле, ещё не чувствуя боли, запах тротила окутал его, он смотрел широко раскрытыми голубыми глазами в безоблачное небо. Игорь попытался встать, и тут-то горячей волной невыносимой боли пронзило всё его тело, ноги были иссечены осколками, непослушная левая рука висела плетью. Федька, который был дальше всех от эпицентра взрыва, прихрамывая,

подошёл к Игорю, в его бедре также торчал осколок. Он склонился над другом и сквозь слёзы прошептал: «Игорёк, Игорёк...»

Небо поплыло в глазах Игоря, и наступила кромешная темнота, он потерял сознание. Федя, окинул взглядом убийственный пятак донской степи: рядом лежал Валентин с пробитой головой, из которой блестящей струйкой вперемешку с кровью текла какая-то жидкость, Шуня с разорванным животом всем телом судорожно дрожал, из-под окровавленной рубашки вывалились внутренности...

Потрясённый этой адской картиной, Фёдор нечеловечески взревел и, теперь уже не чувствуя боли, в горячке побежал в сторону шахты. Он бежал по степи и кричал так, что казалось, этот мальчишеский крик был громче всех разрывов Великой войны, этот крик пронзал пространство и выворачивал наизнанку всю суть бытия!

Иван Тимофеевич сидел в нарядной участка. Вдруг он услышал какой-то шум в шахтном вестибюле. Тимофеевич вышел из нарядной и увидел лежащего на кафельном полу окровавленного Федьку. Вокруг раненого уже собралось много народа, из медпункта прибежала медсестра. Фёдор шептал пересохшими губами: «Там, в посадке, там, в посадке, на песках, там ребята, мина...»

Иван Тимофеевич сразу понял, что случилось непоправимое, случилась страшная беда. Он быстро, собрав всю свою волю в кулак, дал команду: «Мальчишку – в медпункт! Диспетчер, скорую! Двое за мной! Ирина, сумку с медкомплектom, бегом!»

Они бежали по степи к посадке. Тимофеевич, инстинктивно выбирая самый короткий путь к месту трагедии, спотыкаясь о кочки и камни, бежал так, словно в атаку на врага, он бежал, и в голове его блуждала одна-единственная мысль: «Только бы остались живы, только бы остались живы...»

Ребят нашли быстро, они лежали кружком, раскинув в стороны руки. Сколько раз Иван Тимофеевич видел в своей жизни на войне такие кровавые картинки, привыкнуть к такому невозможно, но это же была не вой-

на, поэтому видеть истерзанные тела было ещё страшнее, чем на войне, тем более это были дети...

Тимофеевич подхватил на руки младшего Воронцова: «Игорёк, Игорёк, жив?»

Мальчишка застонал. Иван Тимофеевич крикнул запыхавшейся медсестре: «Перевязывай, быстро!» По полю уже пылила «Скорая помощь». Иван Тимофеевич Иваненко, фронтовик-разведчик, стоял около убитых Валентина и Шурки Соколова и плакал...

* * *

Играл оркестр...

На школьном дворе, у двух красных гробов, собрались практически все жители посёлка. Все, от мала до велика, стояли с поникшими скорбными лицами: кто-то рыдал, кто-то, просто опустив голову, стоял, не понимая, почему такая несправедливость настигла семьи убиенных. Мальчишки погибли от ржавой мины, от этого страшного отголоска войны, который ворвался в мирную жизнь шахтёрского посёлка. Валентина Пронина и Шуру Соколова понесли на руках по улицам Михайловки.

Их несли, словно солдат, погибших в бою, погибших нелепо, трагически, но погибших всё от той же страшной войны, которая и через тридцать лет не унималась, стонала, хохотала и ещё была жива... Иван Тимофеевич шёл рядом с Николаем Ивановичем Воронцовым, крепко сжимая ему руку. Они шли, понимая это, они шли, шли, шли... А

В ОЖИДАНИИ ТРАНСПОРТА Я ТОПАЛАСЬ НА КОНЕЧНОЙ ОСТАНОВКЕ «ДИНАМО». ПРОМОЗГЛЫЙ МАРТОВСКИЙ ДЕНЬ (БЫВАЮТ ТАКИЕ В НАЧАЛЕ МЕСЯЦА) КРОШИЛ МЕЛКИМ СНЕГОМ ВПЕРЕМешКУ С ДОЖДЁМ. ПОД НОГАМИ – МЕСИВО, НАСТРОЕНИЕ – ПОД СТАТЬ. «ЭХ, ХОРОШО БЫ СЕЙЧАС ОКАЗАТЬСЯ НА ЗЕЛЁНОМ ЛУГУ...» – ПРЕДСТАВИЛА Я МЯГКУЮ ТРАВКУ, ЦВЕТОЧНЫЙ ЗАПАХ, ЛАСКОВОЕ СОЛНЫШКО... ВЗДОХНУЛА И ШАГНУЛА В ОТКРЫВШУЮСЯ ДВЕРЬ АВТОБУСА. ОН-ТО И ПРИВЁЗ МЕНЯ К ПОРОГУ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ, ГДЕ В ТОТ ДЕНЬ, ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО РЕМОНТА ЗДАНИЯ, ОТКРЫВАЛАСЬ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ЧЛЕНА СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ, ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР ИМЕНИ РЕПИНА, ТОГДА ЕЩЁ ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РСФСР, ЮБИЛЯРА НИНЫ СЕРГЕЕВНЫ БАЛАГУРОВОЙ.

ДИАЛОГ ХУДОЖНИКА СО ЗРИТЕЛЕМ

«В горнице моей светло» – первое, что пришло на ум, когда я шла через зал навстречу автору, на ходу оглядывая экспозицию: васильково-ржанные поля, нежно-розовые пионы, гортензии, жёлтые бубенчики, флоксы, сон-трава, натюрморты крестьянского быта, распушённые ветром берёзовые ветки, на-

ливные ранние яблочки... – лето царствовало в балагуровской «горнице». И с каждым шагом на душе становилось светлее и радостнее. Ай да Нина Сергеевна, как это она расцветила зал, ай да женщина-праздник! Не помню, кто назвал её так на вернисаже, но это же истина! При жизни художницы её палитра

украшала-освещала областные, региональные и более масштабные выставки, в горницу-мастерскую Балагуровой с удовольствием хаживали коллеги по творческому союзу, друзья, а ими становились многие, кто был знаком с Ниной Сергеевной и её мужем, тоже известным человеком, заслуженным художником РСФСР, скульптором Сергеем Ефимовичем Лебедевым. Но и когда она ушла из жизни, её праздник остался с нами: гобелены – в фондах Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства в Москве, в галерее и краеведческом музее Тамбова, музеях городов нашей области, ткани – в Ивановском художественном музее, Загорском государственном историко-художественном заповеднике, живописные произведения с трепетом приняты хранители названных местных музеев. Конечно, её живопись, графика, полученные от автора как дар или купленные по случаю на выставке-продаже Тамбовского творческого союза, есть в частных коллекциях. Увы, я не из числа коллекционеров. Однако в моём личном архиве есть голос Нины Сергеевны – записи диалогов, сделанные при подготовке радиопередач для Тамбовского радио – радио России «Тамбов». Для меня эти записи сродни художественным коллекциям. Вот и предлагаю «пройтись» по звуковому ряду в моём пересказе.

В Тамбов Нина Сергеевна приехала из края ивановского ситца уже известным художником-прикладником: за создание высокохудожественных образцов тканей на Ивановском хлопчатобумажном комбинате, где она дослужилась до старшего художника, Балагурова награждена Государственной премией имени И. Е. Репина. Её веселые ситцы и сатины выделялись на выставках и ярмарках советского текстиля за границей.

А художница буквально не вылезала из командировок по стране, изучая колорит национального рисунка, создавая ткани с украинским, казахским, грузинским орнаментом. Но её любовью оставался русский текстиль: нарядные кумачовые ализариновые сатины и ситцы, изысканность мильфлёров (мелкие цветы на каком-либо фоне), пышная узорчатость мотивов турецкого огурца. Лучшие тек-

стильные рисунки – ситцевое многоцветье – сложные и чёткие, гармоничные, изящные, колористичные.

Нина Сергеевна в разговорах не хвасталась своими успехами. Достижения её творчества были любимой темой искусствоведов, а мы – зрители – приглядывались, прислушивались, вникали и любовались. Кстати, не только её работами, а к тому времени творческие интересы мастера – это и ткани, и гобелены, и монументально-декоративное искусство, и живопись. Так вот, любовались и внешностью художницы, во всяком случае автор этих строк: в городе ли, на выставке увижу её и украдкой рассматриваю сочетание узора, цвета русской юбки и кофты, шали или платка, янтарных или коралловых бус, серёжек, перстней. Не припомню Нину Сергеевну в современной городской одежде. А юбки и блузы свободного, сельского покроя не портили её осанистой фигуры. Признаюсь, в своих нарядах Нина Сергеевна напоминала мне русскую барыню. Не барыньку, а статную, величавую барыню. Но обсуждать эту тему было не принято, даже если микрофон выключен.

...То, что переселение из Иваново в Тамбов неизбежно, она поняла в первый же приезд, когда в окошке низенького домика увидела занавески из своей ткани. Аж сердце зашло. То был хороший знак. Ведь художнику важно не только устройство личной жизни, но и продолжение творческой.

В Тамбове она раскрылась как мастер гобелена. «Урожай», «Хлеб», триптих «Изобилие», «Земля Тамбовская», «Память» – не просто подобранные к месту жительства названия. В них глубокие сюжеты о щедрости и изобилии даров русской природы, каждая композиция – поэтический образ: мотив раскрытых ладоней колосьев в «Урожае» или осеняющие крылья полотенца в «Хлебе»...

До капитального ремонта областной библиотеки имени Пушкина в зале на четвёртом этаже висел её роскошный гобелен «Весна», вытканый в сине-зелёной гамме: сквозь ветви просматривался красивый девичий лик в цветочном венке. Вот она, молодость, весна, счастье! Но обращаться с произведением

искусства тоже ведь искусство, которое дано лишь специалистам. И гобелен со временем убрали от греха подальше в хранилище, доживать своё время. А вот в моей памяти он остался аллегорией весны...

Ткать гобелены – работа тяжкая, издавна ею занимались только художники-мужчины. Эмансипация внесла коррективы. Но не случайно же творческая тропа привела Балагурову к этому искусству: повторяю, родом она из Иваново, где испокон века ткали холсты. На всю жизнь запомнились Нине мать и бабушка за прялками.

Так и сложилось – Тамбовское отделение Союза художников получило художника своеобразного поэтического созерцания, «семи-десятницу» (переехала она в начале 1970-х) Нину Сергеевну Балагурову.

Когда не стало хватать сил на гобелены, она вновь вернулась к живописи и продолжила поиск цвета.

– Часто бывает, художник работает в одном каком-то цвете, – поясняла она. – Трудно сказать – почему, это неисповедимо. Кто-то ведёт художника, а кто? Иногда поставишь натюрморт, сделаешь один, второй мазок, и тебя уводит в другой цвет. Я начинала с коричневой палитры. А потом заболела светлой. Решила светлую пастельную гамму довести до белого цвета. И кажется, достигла, чего хотела. Насытилась и потянулась к более густому цвету. Я ведь цветовик, дано мне это, наверное, свыше. Если в тебе нет чувства цвета, никакая академия не поможет... Я всю жизнь ищу гармонию цветовой гаммы.

Не люблю сиреневый цвет, а жёлтый – прекрасен, – продолжала моя собеседница. – Жёлтый очень люблю – цвет трудолюбия, в нём столько оттенков. Видите – жёлтые бубенчики, по цвету ни один не похож на другой...

Нина Сергеевна потянулась к картине, словно хотела погладить любимые цветы, и улыбнулась.

Меня завораживали голос, жесты рассказчицы, и я, зная её дар поэтизировать свою живопись, прошу рассказать историю какой-нибудь работы.

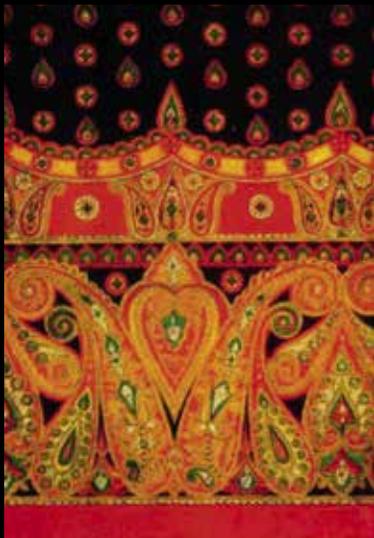
Как-то на академической даче поехала она с Сергеем Ефимовичем искать пейзаж. Набредли на село Терпигорево, затерянное в летних духмяных полях. Красотища! Приют дала пожилая крестьянка. Накануне Троицына дня попросила она убрать избу к празднику. Нина развесила между фольговыми иконами берёзовые ветки, старинные полотенца. Утром проснулись – всё сияет-горит в солнечных лучах. Нина – к холсту. Пока писала, в комнату тихонько зашли соседки, а потом разговоры потекли о молодости, романах и радостях жизни. В праздник вспоминалось только хорошее. Так и родилось название – «Преданья старины глубокой, или Троицын день».

Почему-то в деревне ни у кого не было иконы Николая-угодника, и художница по памяти выткала небольшой гобелен в голубоватых тонах с изображением святого. Бабушки с удовольствием наблюдали, как работает Нина Сергеевна, украдкой крестились, от радости прослезилась. Позже, на выставках, где участвовала эта работа, Балагурова вспоминала тихое очарование первых зрительниц.

Академические дачи – творческие базы, обитель вдохновенного труда художника. Нет большего счастья, чем заполучить творческую путёвку. Сенеж, Старая Ладога, Переславль Залесский, сама Академичка имени Репина были в её жизни. После первой же поездки муж, разбирая холсты, одобрительно сказал: «А ты изменилась...» И это было очевидно.

Постепенно, но не случайно зарождался цикл «Крестьянский натюрморт». И ещё одна история – «Дверь в житницу».

– Этой житнице 150 лет. Я любила её неизменно! Когда дожди шли – писала в ней. И вот поставила натюрморт: вернулись люди с покоса, прислонили к стене косы, грабли. Наверху, на стене, уздечка висит, значит, лошадка в хозяйстве была. Внизу расстелила красный платок с черникой, принесённой из леса. Рядом поставила крынку с молоком, только что из погреба достали. Сейчас будут ужинать, – поясняла Балагурова свой замысел. – Позвала бабушек посоветоваться – правильно ли? А они в ответ: «Нинушка, а так и было».

Полевые цветы. 1978

Гортензия, подсвечник
и голубая ваза. 1996

Вечерет, 1979

Цветущий сад. 1979

Зелёные яблоки и колокольчики. 1997

Фёдоровский монастырь. Переславль-Залесский. 1990

Свеча горела на столе... 1993

– Раньше крестьяне ничего не выбрасывали и всякую утварь держали на чердаке. С того чердака я и «питалась»! И всё, что вы видите – косы, грабли, прялку, чугунок, короба, – всё оттуда. И обязательно совет держу с бабушками – не наврала ли чего в своей композиции. Они всплеснут руками: «Нинушка, а так и было! Откуда это у тебя?»

...Рассматриваю «Жёлтые бубенчики». Фон для цветов – композиция, составленная автором, – достоверная картина крестьянского житья-бытья. Так и было!..

– Хм, откуда, – я усмехнулась, – да Нинушка-то из крестьянского сословия.

А Нина Сергеевна кивает головой:

– Гены сказались...

– Интересно, что теперь на том чердаке...

– Да изба-то сгорела.

– Как же так?

– Такие страсти разыгрались... Муж из ревности подпалил дом. Запер дверь. Сам сгорел и жена... полдеревни выгорело... Так что не только у итальянцев классические трагедии бывают.

Когда издали смотришь на галерею балагуровских работ – пестрят цветы, буйствуют краски. А приблизишься – что ни холст – литературный опус: «В горнице моей светло», «Всё васильки, васильки, васильки, как же их Оля любила», «Свеча горела на столе...»

– Хочется писать по стихам, – признавалась Нина Сергеевна, – я ведь сначала в педагогический техникум поступала. Зазывали меня туда. Но всё получилось иначе. Я когда пишу, думаю не только о цвете. Надо чтоб было внутреннее содержание.

Русская художница Нина Балагурова поклонялась русскому ржаному полю с русскими васильками. Очередная «академичка» заканчивалась, и Нина на прощанье пошла прогуляться в поле, а там такая синь от васильков – мимо не пройти. Нарвала охапку. Прибежала в столлярку (мастерскую) схватила первый попавшийся холст. Поставила букет прямо в ведро и в чугунок, сзади фартучек прикрепила, ситец прикинула. Натюрморт готов.

– Зову академиков. Они: «О-о-о, это невозможно писать, очень сложная компози-

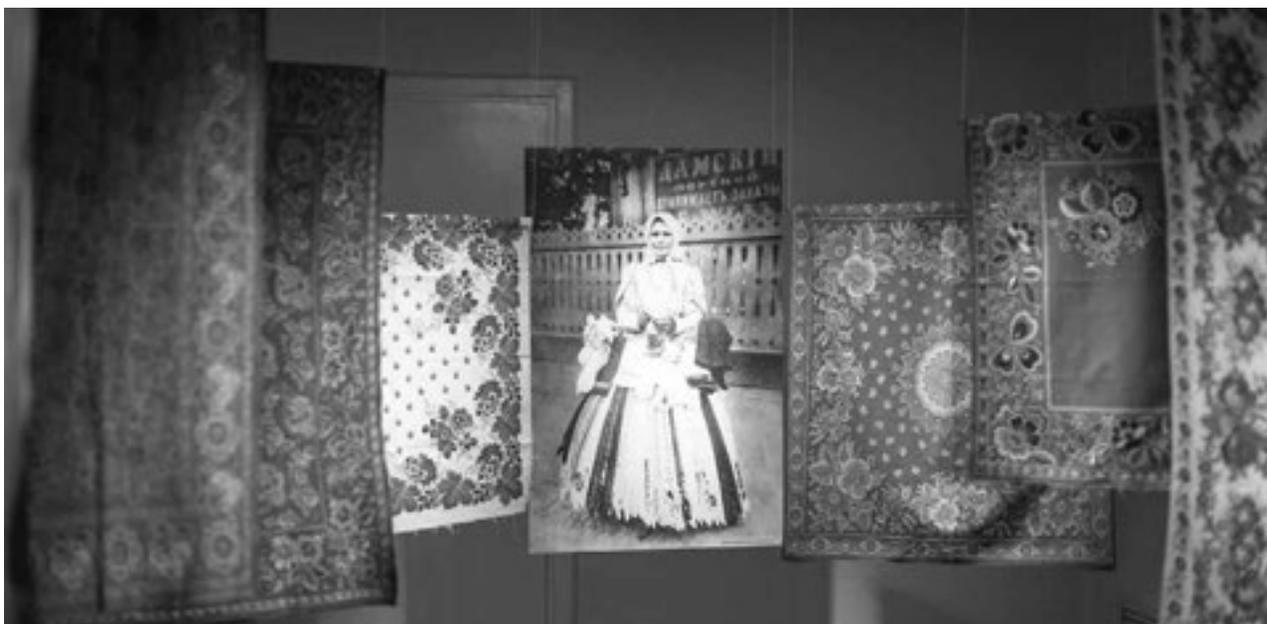
ция. И в цветовом решении...» А я написала. Опять приходят. Смотрят – ну и что?! И оставили меня ещё на месяц за хорошую работу. А мои «Полевые цветы» очень много выставок прошли, с большим успехом. Работа в мастерской висит, я её не продаю. Это как визитная карточка.

Среди прочих талантов у Балагуровой было врождённое чувство композиции. Поразила меня юбилейная выставка, когда она достала из сундука оставшиеся ивановские запасы сатинов, ситцев, задрапировала ими стены большого зала картинной галереи, подобрала к ним работы. И на оригинальном фоне развесила всё самое любимое. Оттеночное сочетание простенков и самих произведений – потрясающее. Вот он, художник-колорист!

– Двум художникам трудно ужиться вместе, это давно известно, – рассказывала Балагурова, когда речь зашла о Сергее Ефимовиче. – У нас бывало по-всякому. Наверное, выручала разножанровость. Конечно, спорили на прогулках, советовались, вместе планировали, на пейзажи ездили. А вот ушёл Серёжа и всё это унёс, я теперь почти не гуляю. В год его 70-летия решила сделать выставку. Она получилась камерной, потому что главные хранители его монументальных работ – краеведческий музей и картинная галерея – ничего не дали. Тогда я собрала всё, что было у меня в мастерской – малую пластику, знаменитого «Дядю Пашу», автопортрет «Раздумье», другие станковые портреты, графику, живопись, он ведь по первому образованию живописец...

Экспозиция «Свеча горела на столе...» получилась очень трогательной: на круглом столике стояла зажжённая свеча, на подставке разложены стеки скульптора, золотая роза – творение его рук. По периметру пространства – гипсовые отливки. В витринах – множество предметов, о существовании которых мало кто знал, они-то и стали эксклюзивными экспонатами, пробудили столько воспоминаний!

В день рождения, 29 августа, Сергей купил огромный арбуз, – улыбается Нина Сер-

геевна, – народу в мастерскую набивалось, шум, смех, говорили тосты, пели романсы, опять спорили, радовались летним дарам природы-матушки, веселились от души. Сергей Ефимович наслаждался этим весельем друзей.

Были в нашей жизни и моменты творчества. Он заканчивал скульптурную композицию из дерева «Арженские птичницы». Устал безумно, просто безумно, говорит: «Нина, что-то ещё надо сделать, что-то ещё, а я не найду нужный резец...» Времени до открытия выставки оставалось в обрез, он из мастерской приходил чуть ли не за полночь. Я его обедами кормила прямо возле скульптуры. Пыталась как-то подсказать, в общем, трудно всё шло. Зато результат отличный: его композиция «Арженские птичницы» в фондах Третьяковской галереи хранится.

А как-то он по заказу Пушкинской библиотеки делал бюст поэта Пушкина, и не получались кудри. Стеки летели во все стороны, он кричал: «Как эти чёртовы кудри делаются?!»

– Ну давай я попробую. – Взяла стек, он в ответ: «Нет, не так, ты ничего не понимаешь в искусстве!» Кончилось тем, что Пушкин с моими кудрями остался...

На августовской выставке 1999 года по случаю 70-летия художника С. Е. Лебедева возник вопрос, есть ли в Тамбове улица его имени. Лет шесть как скульптора не было в

живых, а в центре города на Октябрьской площади с мая 1970 года стоит монумент «Вечная слава», над которым скульптор работал с архитектором А. С. Куликовым, на крутом берегу Цны возвышается памятник писателю С.Н. Сергееву-Ценскому, учреждения и здания города украшены мемориальными досками, экспозициями, бюстами прославленных земляков – всё авторские работы скульптора С.Е. Лебедева.

Нина Сергеевна, взглянув на ещё горевшую выставочную свечу, печально улыбнулась.

– Мы, художники, уходим, а наш след – наш труд – остаётся. Жаль, конечно, что имена художников, работавших для города, не вписались в его географию, жаль.

Мне тоже искренно жаль, что «прочтение» магнитофонных записей прижизненных встреч с народным художником России Ниной Сергеевной Балагуровой заканчивается на грустной ноте, и тем не менее «печаль моя светла», как светел след художника Н. С. Балагуровой в её неповторимых гобеленах, трепетных пейзажах, крестьянских натюрмортах. Постепенно у красок появляется патина времени, они словно сцепляются, колорит меняется, становится драгоценным. Праздник остаётся с нами. **А**

Лариса ШМЕЛЁВА

АРТ-ПРОЕКТ БОРИСА ХОХОНОВА

«100 ПОРТРЕТОВ, ИЛИ УКУСИТЬ ВРЕМЯ ЗА ПЯТКУ»

Моё поколение – это поколение людей, родившихся в одной стране, переживших её крушение и более или менее благополучно проживающих по сей день в совершенно другом государстве. Уже только этим мы интересны.

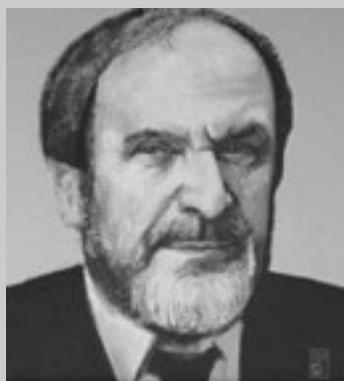
Но жизнь вообще штука конечная, и жизнь человека в том числе. Ещё 30–40 лет, и поколение уйдёт навсегда. Что останется? Память о делах, свершениях, поступках... Эта память также имеет свои границы.

Есть в нашей жизни область, неподвластная времени. Это мир идеальных форм, куда входят и математика, и поэзия, и музыка, и физика, и философия, и, естественно, изобразительное искусство (вообще основная задача изобразительного искусства – это создание реальных моделей идеальных форм).

В самом деле, КВАДРАТ, он и в Африке для фараона был квадрат, и в России для Малевича (и не только для него), и для наших прапрапраправнуков на Марсе тоже останется квадратом. То есть для квадрата, как и любой другой идеальной формы, время статично (вообще его просто нет, ибо время – это изменение форм). Значит, для меня, живого человека, существует способ УКУСИТЬ ВРЕМЯ ЗА ПЯТКУ – создать идеальную форму (её модель), имея отправной точкой форму реальную, живую, да хотя бы себя самого, то есть попросту написать автопортрет, а для моего поколения – ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ – довольно большое число портретов, например 100, одиночных и групповых, за относительно небольшой для жизни государства срок. И если один портрет – это один снаряд, выпущенный художником из пушки искусства в броню вечности, то 100 портретов – это уже система залпового огня... И то, что не сможет пробить один снаряд, с лёгкостью взломают сто. А

Николай ЧЕРБАЕВ

Домик одинокий

Домик одинокий на краю села,
В нём жила когда-то дружная семья:
Муж, жена и дети – восемь человек.
Простоял на свете этот домик век.

Невелик тот домик, с сенями, крыльцом,
Крыша под соломой, с окладным венцом.
Изгородь простая: жерди да столбы.
Раскустились клёны прямо до избы.

Вился здесь когда-то над трубой дымок,
На заре пел песню бойкий петушок.
Наполнялся домик запахом блинов,
Полон был веселья, детских голосов.

На лугу с рассветом вжикала коса
И ложилась мягко с травами роса.
Дружно, всей семьёю навивали стог,
Стар и млад трудились, сколько кто как мог.

И душою молод домик был тогда,
Разве мог он думать, что придёт беда?
Разве мог узнать он, что настанет день
И с ним рядом будет лишь от клёнов тень.

Многое он видел на своём веку,
Годы уходили каплями в реку.
И уплыли годы вёснами с водой,
Поросли тропинки сорной лебедой.

И склонил тот домик крышу над травой,
И дымок не вьётся над его трубой,
И не тянет в окна запах от блинов,
И не слышно больше детских голосов.

Только клён листвою от ветров шумит
Да калитка сада жалобно скрипит.
Одинокий домик доживает век,
По ночам вздыхает, словно человек.

ЧЕХОВ. «ТРИ СЕСТРЫ»

ЭТИМ СПЕКТАКЛЕМ МДТ ЗАВЕРШИЛ СВОЙ 120-Й ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН. А ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ, КАК ЗАВЕРИЛА ДИРЕКТОР ТЕАТРА ГАЛИНА ПОПОВА, СОСТОЯТСЯ В ПРЕДСТОЯЩЕМ НОЯБРЕ.

Какой же шекспировской силой таланта надо было обладать Антону Павловичу Чехову, чтобы пьеса «Три сестры», написанная ещё в 1900 году, до сих пор – почти 120 лет! – не исчезала из репертуара не только театров России, но и ближнего, дальнего зарубежья, оставалась желанной, востребованной зрителями. Почему? Трудно сказать. Но, наверное, прежде всего потому, что сумел автор драмы дать ответ на многие наши сокровенные молчаливые вопросы, от житейских до философских. И больше века спустя побуждает замечательный русский писатель и драматург всецело доверяющего ему зрителя решать свои проблемы, не оставаясь с ними один на один, а сопереживая происходящему на сце-

не вместе со зрительным залом, где все равны, все замирают в ожидании чуда...

Как выяснила руководитель литературно-драматической части нашего МДТ Нина Андреева, эту пьесу – «Три сестры» – тогда ещё Театр братьев Полянских ставил на заре прошлого века, вскоре после её выхода, 24 января 1902 года. Спектакль не понравился «средней публике». Рецензент той поры приписывал неуспех всецело плохому исполнению ролей, когда «...не удалось воспроизвести оттенки страданий и недовольства жизнью каждого отдельного героя драмы».

Но, видимо, не в игре актёров было дело. Чехов, отказавшись от традиционной и для своей предшествующей драматургии борьбы

персонажей по поводу какого-либо отдельно взятого события, создавал новую художественную структуру, структуру новаторскую, где зерно не в локальном конфликте, а в приглашении персонажей к сверхмощному микроскопу, сквозь линзы которого они могут укрупнённо рассмотреть и оценить себя, своих ближних, всё окружающее общество, за которым – страна, Россия...

«Пришло время, – говорит Тузенбах, – надвигается на всех громада, готовится здоровая сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку». В отличие от прежней драматургии (к примеру, «Дяди Вани») герои Чехова теперь уже порывают со старым миром не только духовно, а и практически, начиная искать пути к новой жизни. Не все. Но наиболее значимые.

Они совершенно разные, хотя и одинаково хорошо воспитанные, образованные дети покойного генерала Прозорова – сын, Андрей Сергеевич, и три дочери, три сестры – Ольга, Маша, Ирина. Достижение счастья в жизни и гармонии в себе каждая видит по-своему: для одной это неистовое желание «В Москву! В Москву!», когда побег как спасение от удушающего мещанства, бездуховности, бессмысленного существования. Для другой это благородный труд у себя в губернском городе, работа кем угодно – учительницей, почтовым служащим, строителем. Лишь бы получать удовлетворение от полезного дела и приносить радость людям. Для третьей символ счастья – устроенная семейная жизнь в доме с пышущим самоваром и плотно закрытыми форточками, благодаря чему не доносится в тихие покои недовольный шум и гам улицы...

Режиссёр-постановщик пьесы, она же и её музыкальный оформитель, давний друг Мичуринского театра москвичка Гульнара Галавинская в содружестве со столичными мастерами – сценографами, художником-постановщиком Евгением Шутиным, хореографом Артуром Ощепковым – сумела выстроить необыкновенно добротный спектакль, где игра каждого актёра – наслаждение для зри-

теля, а для самих артистов это несомненный профессиональный взлёт, творческое достижение, новая ступень роста.

Органичен Андрей Прозоров в исполнении артиста Павла Чистякова, персонаж, на который Чехов делал особую ставку, вкладывая в него свои нелёгкие, непростые размышления обо всей интеллигенции той поры. После женитьбы на вначале тихонькой невесте, ставшей затем визгливой, истеричной дамочкой (противные перепады её настроения классно передаёт актриса Евгения Воронова), Андрей Сергеевич полностью отчуждается не только от сестёр, но и от смелых своих юношеских мечтаний, порывов, идей и надежд... Нет, он вроде бы на словах ещё хочет что-то изменить, исправить, куда-то уехать. Но куда, если уже глубоко засосала праздная необременительная жизнь, ничегонеделание, разве что эпизодическое посещение земской управы, где он кем-то там числится, ещё карты и карточные долги, часто болеющий сын Бобик, самодурка-жёнущка...

По-иному видят окружающий мир, офицерское сословие, всю ту среду военных, в которой они выросли и состоялись как личности, Ольга (актриса Ольга Чернышова), Маша (Наталья Попова), Ирина (Элеонора Морева), одним словом, «ТРИСЕСТРЫ» как единое целое, что и подчёркивает слитным написанием в программке к спектаклю видящая их именно так режиссёр Гульнара Галавинская. Взаимоотношения молодых женщин, девушек с батарейным командиром Вершининым (фильгранно выводит эту роль артист Иван Дол-

гий), нежно любящим их и при жизни, и после смерти родителей доктором Иваном Романовичем Чебутыкиным (отметим мастерское исполнение отрешённого от реалий происходящего врача заслуженным артистом России Яковом Волговским), заносчивым бретёром, злым насмешником, дуэлянтом Солёным (без нажима, достоверно вырисовывает его гнилое нутро артист Эльдар Касумов), учителем гимназии, мужем Маши Фёдором Кулыгиным (как всегда, динамичен в показе мужского характера артист Сергей Дубровский) – это настоящее стремление любой ценой порвать с пошлостью мещанства, жить светло и чисто... Но потери – моральные, нравственные, даже физические – на этом пути, пусть не у них, а у окружающих – неизбежны. Вот и гибнет на нелепой дуэли, затеянной штабс-капитаном Солёным, безумно влюблённый в одну из сестёр барон, поручик Николай Тузенбах, исполнение роли которого молодым актёром Андреем Зобовым – пластичным, неожиданно прекрасно танцующим, очень точно понимающим предложенные обстоятельства, – за-

служивает самых высоких оценок! Втянут в кабалу безволия Андрей Прозоров, попавший под начало любовника своей жены... И всё же идущие достигнут цели!

«...Через двести-триста, наконец тысячу лет, – дело не в сроке, – настанет новая счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для неё живём теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим её – и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье», – произносит главный монолог спектакля настоящий русский офицер подполковник Александр Вершинин, для которого родное место отнюдь не обязательно Москва, а любая река, воздух, простор России, где можно дышать полной грудью. Жить – значит работать, творить. Вот ключ к счастью. Его передаёт нам через века мудрый человек – доктор Антон Павлович Чехов. Спасибо, доктор! **А**

Валерий АРШАНСКИЙ,
заслуженный работник культуры РФ.
Фото Дарьи КУРАНОВОЙ

ФИЛЬМ ПРОСТ, КАК ВСЁ ГЕНИАЛЬНОЕ, НО И ОДНОВРЕМЕННО СЛОЖЕН. ЭТО ПЕРВЫЙ ПАРАДОКС КИНОКАРТИНЫ «ИЕРЕЙ-САН. ИСПОВЕДЬ САМУРАЯ».

ПРОСТ ОН ПО СЮЖЕТУ. СЮЖЕТ ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ИНТЕРЕСНЫЙ, ОДНАКО НИКАКИХ ЧЕРЕСЧУР МУДРСТВУЮЩИХ ЗАКАВЫК ЗДЕСЬ НЕТ. НО ДАЖЕ В СВОЕЙ ПРОСТОТЕ ОН МНОГОГРАНЕН. В ФИЛЬМЕ «ИЕРЕЙ-САН. ИСПОВЕДЬ САМУРАЯ» ТРИ СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, ТРИ ПРИТЧИ, ОСНОВАННЫЕ НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ, ПЕРЕПЛЕТЕНЫ В ОДНО ЦЕЛОЕ И СОСТАВЛЯЮТ САКРАЛЬНУЮ ТРИЕДИНУЮ ГАРМОНИЮ, А В ИТОГЕ И ВОВСЕ СИНЕРГИЮ – ГАРМОНИЮ БОГА И ЧЕЛОВЕКА.

Первый сюжет – о судьбе главного героя фильма, японского православного священника Такуро Накамуры (в крещении отец Николай), которого сыграл... нет, не сыграл, а по-настоящему ПРОЖИЛ замечательный актёр Кэри-Хироюки Тагава.

Сюжет от о. Николая. Будучи японцем по происхождению, но православным пастырем по духу, отец Николай невольно спровоцировал вражду между двумя кланами якудза, к одному из которых принадлежал его брат, вступив на улице в защиту девушки от хулиганов. В ходе столкновений на почве мести начинают гибнуть ни в чём не повинные люди, ранен сам отец Николай, и правящий архиерей решает перевести Накамуру в глухой российский приход, пытаюсь

как спасти самого батюшку, так и прекратить войну кланов. Отец Николай смиренно принимает такое послушание и приезжает в Россию в отдалённое село Глубокое. Далее православный японский мир отца Николая сталкивается с русской действительностью, в которой есть всё – и любовь, и ненависть, и личные драмы обитателей села, и продажность полицейских, и беспринципность жаждущего наживы местного дельца, и пьянство, и разруха, и православная вера, сначала дремлющая где-то внутри, загнанная и сжатая в комочек обстоятельствами, но потом восставшая ото сна и побеждающая любые трудности.

Теперь другая линия и другой фильм. История от обитателей села Глубокое.

Село в российской глубинке, можно сказать, заброшено. Почти все жители покинули его в поисках пёстрой жизни больших городов, но несколько семей осталось. Каждая семья – отдельная история и отдельная трагедия. Вот бывший спортсмен, спившийся после травмы и винящий весь мир в своей неудаче. А вот переехавшая из города семья, в которой муж, когда-то воевавший в горячих точках и выброшенный за борт жизни большого города, теперь пытается разводить кроликов в деревне. Здесь же и семья, в которой болью и особой любовью является Макарка, местный недоразвитый парень, безобидный и добрый. Все в этой деревне живут одним днём, кое-как, постоянно ругаясь и «не просыхая». Точнее, мужики не просыхают, а женщины вынуждены на своих плечах нести не только всё хозяйство, но и пьяные обиды своих мужей. Символом пустоты в душе и поселившегося там хаоса является наличие в деревне разрушенного православного храма. Да, храм есть, но он разрушен. Это точно так же, как в душе у селян: Бог есть, но Он оттеснён, изгнан в такие дальние уголки. А так как свято место пусто не бывает, то на месте Бога в душах селян пируют бесы, о чём постоянно твердит герой Петра Мамонова – бывший охотник Шатун. Так бы безрадостно и беспросветно было бы и дальше, но вдруг в селе Глубоком появляется странный батюшка-японец на деревянных колодках вместо обуви. Для жителей Глубокого отец Николай стал мессией, которого послал Господь для вразумления и врачевания душ. Причём душ не только селян, но и самого отца Николая, а также продажных полицейских и даже главного беса – местного «бизнесмена» Нелюбина (Иван Охлобыстин).

Местные жители пережили разлад, вражду, смертельную опасность, пожар, вооружённое нападение банды отморозков, нанятых Нелюбиным. Но потом словно пелена спала с глаз обитателей Глубокого, и сначала кротость и смирение отца Николая, помноженные на железную волю самурая, начали словно магнитом притягивать к себе людей, а потом самопожертвование японского батюшки сплотило людей вокруг общей беды, искренняя вера проснулась, и Господь проявился посреди прихожан разрушенного, но ожившего храма. Японский священник и обитатели Глубокого нашли сами себя и друг друга, обрели угасшую было веру, и теперь, после победы Духа и Любви над злом, в брошенную деревню начали приезжать люди. Чтобы жить.

Третья сюжетная линия – линия зла, которое сначала торжествовало победу над природой, над душами людскими, но потом, встревоженное появлением японского батюшки, сначала всячески искушало его, но, не имея успеха, начало бросаться на него в бесильной злобе помешать промыслу Божию. Хоть и в глубинке, но всё-таки посреди России зло отчаянно и безоглядно идёт на любые мыслимые и немыслимые нарушения закона и жестокости, лишь бы сломить дух священника и его паствы. Жестокости эти настолько сильны и бесчеловечны, что наизнанку выворачивает даже видавших виды продажных местных полицейских, и они отступают. Не смирился только бес Нелюбина. Последняя атака зла на деревню очень показательна: сея вокруг свинцовую смерть и огонь, вооружённые до зубов отмороженные наёмники не могут ничего сделать. Вроде бы они действуют хитро, коварно и предельно жестоко, но все

их бесчинства разбиваются о невидимое, но явное заступничество Божие. И то, что в конце битвы поверженного и растерянного (как же, ведь он был на миллион процентов уверен в победе!) персонажа Нелюбина оставляют в живых, – последняя капля, добившая его: он не замечает боли, он растерян, он раздавлен, он повержен, он побеждён тем, что нельзя потрогать и что не стреляет пулями – заступничеством Божиим над жителями села Глубокого. Видно, что он ошеломлён и, быть может, стоит на пороге того, чтобы осознать, что его от бездны спасла Любовь Божия, неведомым образом появившаяся ниоткуда в сердцах конченных и никчёмных, по его мнению, людей. Значит, и для него не всё потеряно? Если вспомнить, что первым человеком, попавшим в рай, стал разбойник, то...

Ценность фильма прежде всего в том, что очень доходчиво и наглядно показано: «Царствие Божие внутрь вас есть». Есть множество прекрасных документальных фильмов о подвижниках православной веры, много книг, в которых сияет людям пример веры и благоче-

ствия. Но, к сожалению, мы ленивы, и не всем понятно повествование святых и о святых, а некоторые вообще опускают руки, делая вывод: «кто они, а кто я, я так не смогу», поэтому художественный фильм, снятый на понятную всем тему, очень и очень важен. Если же он снят так, как «Иерей-сан. Исповедь самурая», то есть на одном дыхании, интересно, просто и вместе с тем очень глубоко и умно, то это крайне важное событие не только в кинематографе, но и в жизни всей страны. Точнее, в жизни всех людей.

Фильм о нас. Прямой и жёсткий. Но добрый и дающий светлую надежду. Его можно сравнить со скальпелем хирурга, делающим болезненный надрез, но лишь только с целью излечить, а не причинить боль и навредить. Посмотрите этот фильм, а потом на себя... Разве мы, как герои начала фильма, не вертимся так же в суете, погрязая глубже и глубже в страстях и проблемах и отыгрываясь за логически следующие по нашим поступкам неприятности на своих близких людях? А нужно всего лишь остановиться, перевести

дух и вспомнить, что мы суть образ Божий, и вспомнить о бесценном даре, данном нам Господом просто так, из Любви к нам. И тогда, очистив душу покаянием и страданием (как жители села Глубокого в фильме), мы, обратясь к Богу, получим такую помощь, что никто и ничто в мире не сможет причинить нам зло. Именно это наглядно показано в фильме «Иерей-сан. Исповедь самурая». Именно поэтому это православный фильм в самом полном смысле этого слова. Это фильм-притча. Это фильм-проповедь. Это фильм-миссия.

Конечно же, эта картина не заменяет ни храма, ни молитвы, ни чтения святых отцов, но если этот фильм будет у каждого в коллекции, его можно периодически пересматривать, решая ту или иную жизненную ситуацию. Он одёргивает, дисциплинирует, направляет на правильные мысли и, соответственно, поступки.

Первый парадокс фильма, как говорилось вначале, – предельная простота и одновременно глубина повествования. Вторым же парадоксом фильма является то, что фильм, пронизанный Духом, живёт своей жизнью! Его и запрещали, и записывали в санкционный список, и срывали финансирование, но фильм, как оживший и одухотворённый организм, сам помогал своим авторам. Надо отдать должное создателю, организатору и вдохновителю фильма «Иерей-сан. Исповедь самурая» генеральному продюсеру Любви

Калинской в том, что она, человек верующий и деятельный, чутко прислушивалась к таким сигналам свыше. В результате фильм не только вышел в прокат, но и начал совершать явные чудеса.

Одним из таких светлых чудес стала поддержка создателей фильма патриархом Московским и всея Руси Кириллом и крещение в православие актёра Кэри-Хироюки Тагавы. Посмотрите фильм – и вы поймёте, что это не пиар-ход и не временный порыв души. Нет, это осознанный серьёзнейший шаг, возможно, самый важный в жизни человека, выросшего в совершенно других традициях. Это мы можем легкомысленно называть себя православными только потому, что мы русские, но на самом деле зачастую и перекреститься не умеем, а для японца, да ещё не в юном возрасте, это откровение, это изменение всей жизни. Поэтому это правда. Вот какой силы этот фильм!

СМИ назвали фильм «Иерей-сан. Исповедь самурая» «событием федерального масштаба». Это и так и не так. Не так потому, что это событие не укладывается в рамки Российской Федерации, как слова Христа «Царствие Божие внутри вас есть» не укладываются в человеческое сознание, а Сам Господь Бог не укладывается ни в какие рамки и является всеобъемлющей, чистой и всепобеждающей Любовью. **А**

Александр ДОБРОДОМОВ

ДОРОГА В НЕБО

Сегодня уже никто не спорит, что Мичуринск – город с прочными авиационными традициями. Здесь в 1952 году размещался одноимённый учебный авиационный полк (ныне – учебная авиационная база), с 1957 года действует крупный машиностроительный завод, продукция которого используется в современной авионике. А в начале прошлого века горожанам был хорошо известен студент К. К. Мягков, который с помощью слесаря построил аэроплан собственной конструкции. Согласно дошедшим до нас описаниям, летательный аппарат был конусообразной формы, длиной в две с четвертью сажени, с одним закрытым местом в середине. В движение он должен был приводиться «сжатым в цилиндре бензином». К сожалению, неизвестно, совершил ли отважный конструктор пробный полёт над двенадцатью колокольнями Козлова. Да это, пожалуй, сегодня не так уж и важно. Главное, что благодаря таким энтузиастам, коих по стране сотни и сотни, страна

смогла встать на крыло настоящего воздухоплавания.

И вот спустя чуть более века традиция построения летательного аппарата тяжелее воздуха, заложенная некогда в Козлове, неожиданно получила своё продолжение...

...В просторном цехе, пахнущем свежей сосновой стружкой и столярным клеем, над верстаком склонился невысокий седой мужчина. По соседству расположились аккуратно стянутые струбцинами элероны, лонжероны, шпангоуты – будущие элементы диковинного летательного аппарата. Игорь Евгеньевич Штанько – уроженец Мичуринска, идеей построить собственными руками планер увлечён давно. Пожалуй, эта увлечённость, а также неистребимая убеждённость в верности избранного пути и помогли ему найти единомышленников – генерального директора Мичуринского завода «Прогресс» В. Ф. Горлова, члена совета директоров В. А. Дмитриева,

заместителя технического директора этого же предприятия, депутата Тамбовской областной Думы А. В. Дмитриева, а также многих других. Однако построение планера для Игоря Евгеньевича не самоцель. Сверхзадача его долгосрочного проекта – предоставление молодёжи альтернативного досуга, воспитание у ребят любви к труду. Ведь что греха таить: многие из нынешних 12–14-летних пацанов ни разу не держали в руках ни напильник, ни ножовку. А работа с деревом как раз и предполагает аккуратность, внимание и усидчивость. Конечно же, в век пластика и нанотехнологий этот строительный материал выглядит несколько архаично, зато гарантирует достижение главных целей, сформулированных энтузиастом, – массовости и доступности.

– В целом, – рассказывает Игорь Евгеньевич, – планеры делятся на учебные, спортивные и экспериментальные. На сегодняшний день нами заложено два учебных летательных аппарата модификации БРО-9, эксплуатация которых не требует парашютной подготовки, сертификации, а также получения разрешения на полёты. Летают они на высоте до 100 метров, и этого горизонта вполне достаточно для их освоения.

Не без гордости Игорь Евгеньевич демонстрирует уже собранные и ждущие лишь обшивки специальной термоусадочной тканью главные элементы планера: гондолу, где совсем скоро расположится планерист, хвостовую ферму, а также стабилизаторы рулей направления и высоты. Доставить такую конструкцию к месту взлёта можно в разобранном виде на обычной «Газели». Запуск производится при помощи специальной лебёдки: при разгоне всего до 40 км/час планер, повинаясь законам термодинамики, уже способен подняться в воздух.

– Изучив технические характеристики планеров БРО-9 и БРО-11, – вступает в разговор заместитель технического директора «Мичуринского завода «Прогресс» А. В. Дмитриев, – я пришёл к выводу, что и такие простые на вид планеры имеют право на существование. Мало того, нам удалось найти очень интересную по оригинальности и простоте

конструкции немецкую модель планера SG-38. Примечательно, что до Великой Отечественной войны все военные лётчики люфтваффе проходили первичное обучение на планере именно такого типа. Благодаря вездесущему Интернету в Германии мы нашли клуб, члены которого занимаются постройкой аналогичных летательных аппаратов тяжелее воздуха, списались с ними и вскоре получили чертежи, а также разрешение на постройку планера SG-38. На сегодняшний день у нас есть вся необходимая документация, изготовлена и часть деталей.

– Мы приглашаем в наш клуб ребят, которые либо мечтают получить первичные навыки для полётов, либо хотят заниматься постройкой планеров, то есть творчеством, – подводит итог нашей непродолжительной встречи И. Е. Штанько. – Готовые планеры (своеобразный конструктор для подростков), технологию их производства, чертежи мы готовы передать в школы, центры дополнительного образования, интернаты. Так ребята смогут постигать азы столярного дела, развивать пространственное мышление, а пробные полёты помогут понять основы термодинамики.

В годы советской власти планерным спортом в стране в основном занимались местные клубы ДОСААФ. На постсоветском пространстве их осталось немного. Ближайший из таких клубов расположен в городе Усмани соседней Липецкой области, на его базе проводятся даже чемпионаты России по планерному спорту. Последний, кстати, завершился недавно – 12 мая. А до этого на протяжении двух недель сильнейшие планеристы страны состязались в воздушной гонке, прошедшей в небе над Липецкой, Воронежской и Тамбовской областями.

Быть ли Мичуринску городом планеристов – вопрос пока открытый. Во всяком случае, все желающие, заинтересовавшиеся предложением местных энтузиастов, могут связаться с ними по телефону 8 (910) 659-70-68. **А**

Михаил БЕЛЫХ

*На снимке: И. Е. Штанько с деталью будущего летательного аппарата.
Фото автора*

Любите жизнь и живое...

Извечна мечта человечества о земной благодати. «Благо-дать», то есть творить добро, жить в мире, защищать и спасать жизнь и всё живое. Но мучителен для человечества вопрос: как это сделать, что нужно для этого?

В первой половине XX века самый пражославный писатель Иван Шмелёв в автобиографической повести «Лето Господне» предложил читателям своё понимание осуществления заветной человеческой мечты о благодати. Его герой, имея большое хозяйство, многочисленных работников, не только заботится о хлебе насущном для своей семьи, но и старается воспитать сына в духе праведности, совестливости, доброты, внимания к людям, исполняя Божий завет любить жизнь и всё живое на земле и тем самым внося свою лепту в земную благодать.

В ином эстетическом, содержательно-трансформированном виде оживает та же идея служения благодати земной под пером нашего современника Валерия Семёновича Аршанского, великолепного мастера малого жанра – рассказа.

Рассказ – один из лаконичных, коротких по своему объёму литературных жанров, но в руках писателя-мастера обретает безграничные возможности по содержанию. По мысли Л. Леонова, писатель должен событие «уложить в объём зерна». Бывает так, что рассказ таит в себе даже романские возможности.

Вспомним рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», когда судьба рядового солдата Андрея Соколова стала отражением судьбы защитников Родины, самой Родины и всего советского народа в героические и трагические годы Великой Отечественной войны. В рассказе Алексея Толстого «Русский характер» национальный дух, его красота, персонафицирован в одном герое Егоре Дрёмове,

изуродованном фашистскими снарядами так, что не узнали его даже мать с отцом, но сохранившем главное – заботу о других, умение держать свою боль в себе, не обременять своими страданиями родных и близких.

Ошеломляет читателя масштаб мирознания и осмысления земного преступления и наказания (болевого проблемы великого классика Ф. М. Достоевского) в рассказе юного ещё тогда, в 20-е годы XX века, Леонида Леонова «Деяния Азлазивона». Он повествует о шайке разбойников на дороге, убивавших малых и старых, не щадя ни женщин, ни детей. Главарь шайки однажды, убивая женщину, проколол икону, висевшую на её груди. Святой, избражённый на иконке, стал ночью являться убийце. Наваждение измучило преступника, и он решил со своими бандитами покаяться и отмолить грехи. Писателя интересует путь к покаянию и спасению разбойников. Оказывается, путь-то к спасению был несправедливым. Разбойники молились день и ночь, но тут же совершали непристойные поступки. В итоге дьявольская сила Азлазивона поджигает чашевку, в которой и погибают разбойники.

Леонов в небольшом по объёму рассказе поставил проблему исключительной актуальности и для наших дней, когда после атеистической советской эпохи наше Отечество повернулось к Богу. Не этот ли рассказ, пролежавший под запретом 80 лет и увидевший свет в журнале «Наше наследие» в 2001 году, подвинул Валерия Аршанского озвучить ту же проблему спасения и пути к нему в наше время в рассказе «Нагой разбой не боится»?

На вопрос, что человеку нужно, тот же Леонов отвечает устами героя пьесы «Золотая карета», возвратившегося с Великой Отечественной войны контуженного, потерявшего жену и дочь полковника Берёзкина: «Челове-

Художник Екатерина Крицкая

ку не надо дворцов в сто комнат и апельсиновых рощ у моря. Ни славы, ни почтения от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой... и дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет чёрный хлеб счастья».

А что нужно во время общего бедствия героине рассказа Аршанского бабе Нине? Всего лишь козочка Ксюша, её любовь, её счастье.

Баба Нина – одна из героинь в галерее созданных писателем характеров, которые по праву могут вписаться в ряд чеховских, гоголевских, распутинских образов. Это и Симка Стреляный (герой одноимённого рассказа), и баба Дуся («Нечётный путь»), и многие другие.

Сущность своих героев писатель нередко раскрывает в критических ситуациях. Так, в рассказе «Нагой разбоя не боится» повествуется о стихийном бедствии. В селении Милославка, расположенном вдоль реки, с полями изобильными, лугами сочными, лесами дремучими, на одном берегу случился пожарище. И это бедствие вот-вот перенесётся и на другой берег. «Неужели погибнет всё это чудное природное богатство и не будет самой Милославки?» – слышится тревожный вопрос из сердца самого автора. Горе сельчан стало болью писателя. Так подчёркивается единение людей

перед общей болью, страданием, бедствием.

Вся ответственность за спасение селения легла на плечи председателя сельсовета Канапухина. Это скромный, молчаливый, деловой человек. Чувствуется авторская большая симпатия к своему герою. Ему бы руками работать, считает писатель, а не языком. Чиновников интересует прежде всего оформление бумажных отчётов и меньше всего – дело. Канапухин же – человек дела, ответственный за свою Милославку, за её жизнь, за жизнь своих людей.

Всё предпринимается руководителем сельсовета для спасения жителей; выделяется автобус, чтобы вывезти население. Однако народ ждёт последнего слова отца Серафима, не желая покидать родную Милославку.

Мучительные душевные терзания испытывал отец Серафим, глядя в напряжённые в ожидании его ответа глаза толпы. Ему советуют белого голубя бросить в пламя, однако священник считает это бессмысленным предрассудком: погибнет живая душа безрезультатно. Он же, отец Серафим, единственный был надеждой на их спасение. Но у отца Серафима не было ни слов успокоительных, ни доводов спасительных. Вся его надежда – глубокая вера в милосердие Божие. Он стоял отрешённый от всего и всех, смотря в небо, крепко сжимая в руках крест, в душе моля Бога. Оттуда, с высоты небесной, ждал отец Серафим спасения и благодати.

Однако автору недостаточно упования только на волю Божью. Писатель требователен прежде всего к самому человеку. Мастер создания выразительных и многозначительных ситуаций вводит в сюжет рассказа о горе целого селения, всеобщем бедствии, казалось бы, частный случай в судьбе его героини Нины.

Данная ситуативная деталь – второй компонент в дополнение к молчаливой символической фигуре отца Серафима, без них, по замыслу автора, не может снизойти с неба спасительная благодать.

Оказывается, у Нины осталась дома любимая козочка Ксюша. Это единственная отрада, родственная живая душа женщины. Ближе и дороже никого у неё больше нет. И Нина решила, рискуя собственной жизнью,

спасти свою любимицу. Она покидает собравшихся и бежит за козочкой, пытаясь преодолеть высокую каменную ограду. Но её догоняет председатель сельсовета.

Слово Аршанского многоаспектно. Он умеет в одном мыслительном потоке соединить драматическое и комическое, глубоко личностное и всеобщее. Так, в данной ситуации Нина, далеко не молодая женщина, должна преодолеть на своём пути к козочке каменную преграду, но сделать это ей крайне трудно. Всё это происходит в присутствии председателя сельсовета, который пытается остановить женщину в её порыве бежать. Канапухин убеждает, предупреждает Нину об опасности не вернуться вовремя, ведь автобус уже подан для спасения людей. Но Нина непреклонна, она пытается разжалобить Канапухина.

«Володечка, милай, не сердчай, голуба, но куды же я без Ксюхи? – причитала, давясь крупными, каждая со сливу, слезами баба Нина. – Ни детей, никого у бабки нет, одна козочка. И той погибнуть в огне? Тогда нехай и я тута угорю, ехайте вы без меня к своей матери...»

Нина всё-таки бежит. Козочка почувствовала хозяйку, в свою очередь бежит ей навстречу. Нина слышит дорогой для неё голосок. Сцена встречи двух близких живых душ выписана автором трогательно: человек и животное, но какое взаимопонимание, какая взаимная радость. Автор утверждает мысль о родстве всего живого на земле, имеющего живую добрую душу. Свою радость каждый выражает по-своему, как может. Нина, стоя на коленях, обнимает козочку, приговаривая:

«Ксюшечка моя желанная, Ксюшечка моя родненькая, – гладила растроганная баба Нина шершавыми руками и целовала лобастую, костистую башку приземистой, жеманящейся для вида носительницы молока целебней коровьего. – Малышунечка ты моя любименькая, никому теперь тебя не отдам!»

Козочка же лижет языком Нину, как бы целуя в знак благодарности. Причём автор наделяет козочку характером человека: она гордая, независимая, с чувством собственного достоинства. Для этого использует такие фольклорные элементы, как внутренняя речь

сказочного героя: «Ага, знаю я ТЕПЕРЬ ваши песни. Пой, ласточка, пой, любо слушать...» – иронизирует любимица Нины.

Состоялось счастье встречи двух живых душ. Спасение козочки в рассказе обретает расширительный смысл.

Не заметить двух художественных деталей – отца Серафима, смотрящего в небо, с зажатым в руках крестом, и встречи Нины с козочкой – значит не понять авторского замысла, авторского решения проблемы. Эти две детали – ключ к разгадке тайны спасения человека. Авторская разгадка этой тайны: благодать сойдёт на землю только при глубокой вере в Бога (отец Серафим) и действенной любви к жизни и всему живому (Нина).

Как только Нина возвратилась с козочкой Ксюшей, начался страшный ливень, загорелся пожар, и люди были спасены, не покидая родную Милославку, благодаря единению двух святых сил – веры и любви.

Удивительна сила таланта Валерия Аршанского, если он будничное, сугубо личностное способен наполнить смысловой объёмностью, выходящей за пределы земного, поднимаясь в высшие тайны, сокрытые во многом от мучительных человеческих раздумий и исканий.

Как-то М. Горький отметил, что язык – это первоэлемент литературы. В рассказе, как и во всём творчестве Аршанского, подкупает удивительная языковая палитра. Здесь и литературная авторская речь, и народные пословицы и поговорки, диалектная речь, выразительные реплики в диалогах, полилогах и т.д.

Редкого дара и композиционное мастерство. Герои отличаются своей естественностью, неподдельностью, настолько визуально и психологически убедительны, что читатель видит каждого зримо и сам становится как бы соучастником происходящих событий. Писатель так строит своё произведение, будто берёт за руку читателя и ведёт его в изображённое им событие. **▲**

Валентина МАТУШКИНА,
кандидат филологических наук,
доцент

КРАЙ НЕПУГАННЫХ МЕДВЕДЕЙ

ИНОСТРАНЦЫ РАНЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ РОССИЮ СТРАНОЙ, В КОТОРОЙ МЕДВЕДИ ХОДЯТ ПО УЛИЦАМ. ОТЧАСТИ ОНИ ПРАВЫ, ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О КАМЧАТКЕ. РЕДКО ГДЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ СЕЙЧАС КОСОЛАПОГО МИШКУ, ЗАТО КАМЧАТКА – КРАЙ НЕПУГАННЫХ МЕДВЕДЕЙ. ВОЗЛЕ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ, РАЗВРАЩЁННЫЕ ДАРМОВОЙ ПИЩЕЙ, ОНИ ЯВНО ПРЕДСТАВЛЯЮТ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА. В ДИКОЙ ПРИРОДЕ ИХ ПОВЕДЕНИЕ ДОВОЛЬНО АДЕКВАТНОЕ. НО ВСЁ РАВНО ЗВЕРЬ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ (ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ В ЦИРКЕ, КОТОРЫЙ ВЫСТУПАЕТ В НАМОРДНИКЕ), И С НИМ СЕБЯ ВЕСТИ НАДО ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНО.

Камчатский медведь – самый крупный среди бурых. Кормовая база здесь для него богатая. А сытый медведь, как и человек, неагрессивный.

По долгу службы я почти каждое лето провожу на Паланском озере на севере Камчатки. Небольшая времянка геологов находится в самой глуши лесной чащи. Сюда меня доставляют вертолётном, и я три-четыре месяца провожу рыбохозяйственные исследования с целью изучения биологии, оценки запасов и прогноза добычи промысловых рыб. Кроме меня и диких животных обычно здесь никого нет, для связи с миром – старенький радиоприёмник.

КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН?

Выбираюсь на своё озеро. В день мимо меня проходят по пять-шесть медведей. Они ещё не заматерелые, только ушли от матери к самостоятельной жизни. У крупных самцов на реке есть свои участки (как и у людей), и они там жируют. А эти ещё не утвердились в жизни и шарахаются по берегу озера в поиске чего-либо съедобного. Камни ворочают, корешки грызут. Когда обследовал территорию, очень удивлялся: кто это камни ворочает? А оказалось, медведи. Под камнями больше влаги, и там скапливаются всякие жучки и червячки. Вот перевернёт глыбу и полако-

мится. А потом дней через пять опять её выворачивает. В лесу-то пускай себе ворочают, что хотят, но они же и по моей поляне шаркаются. Вот и решил я показать, кто в доме хозяин. Как увижу идущего берегом медведя, набираю камней, прячусь за углом дома и жду, подпуская свою добычу метров так на двадцать. С диким криком выскакиваю из-за угла и швыряю в него камнями. Медведь в ужасе убегает. Зверь-то он зверь, но в мозгу откладывается, что вот на этой поляне есть хозяин. Таким образом, я то с одной стороны отпугну косолапого, то с другой. А потом медведи, идущие вдоль озера, не доходя до моей поляны, делают крюк лесом и опасное для них место обходят стороной.

Такой же эффект имело воздействие на медведиц с медвежатами. Обычно с ней бродят по лесу два-три медвежонка (рукавичками их называют, потому что они такие по размеру, как рукавички. Удивительно, что медведица весом 400 килограмм рождает 400-граммовых медвежат). И тут я подумал: чего это я ору до хрипоты, как ненормальный. Решил поменять тактику. Подпустил медвежью компанию поближе. Выхожу из своего укрытия и спокойным, но строгим голосом говорю: «Так! И что это мы тут делаем?»

Реакция зверя была одинаковой: что орал я, что спокойным тоном говорил. Всё семейство удалилось восвояси и больше меня не тревожило.

СТРАШНЫЙ ДВУНОГИЙ ЗВЕРЬ

В один из заездов на уже ставшее родным озеро постоянно возле меня проходили два молодых медведя-близнеца и ещё один повидавший многое в жизни седой медведь. Близнецы от матери откололись, но ещё держались вместе. Моё знакомство с ними произошло при таком стечении обстоятельств. Неожиданно узревши медведя на моей поляне, я был возмущён такой его наглостью. Среди белого дня разгуливать у меня под носом! Как обычно, я с дикими криками выскочил из-за угла и начал в нарушителя швырять камнями, чтобы ему неповадно было. Како-

во же было моё удивление, когда в сторону кедрачей побежал не один, а два медведя. А второй выскочил с перепугу метрах в семи от меня из-под куста жимолости. Я его сразу не заметил и даже испугаться не успел, и медвежья болезнь меня не посетила, чего не скажешь о медведях.

Лирическое отступление. Медвежья болезнь. От неожиданности и страха у медведя срабатывают мышцы желудка. И всё, что он ел, выбрасывается в окружающую среду. Такой след непереваренной пищи может тянуться на десятки метров. Кстати, грядку, которую я содержал на озере, удобрял медвежьим навозом. Эффект тот же, что и от коровьего.

Всё-таки порядок в своих владениях я навёл. И те же близнецы, и седой мишка обходили меня стороной. В один не очень прекрасный день (шёл проливной дождь) я сидел в своей избушке на курьих ножках и что-то мастерил. Привлёк меня посторонний шум. Смотрю в окно и вижу, как по кромке озера, шлепая косолапыми лапами, несутся скачками мои крёстные близнецы и седой. Проскакали всю территорию в довольно интенсивном темпе, потом бег замедлился, и перешли на шаг. Дальше близнецы продолжили свой путь вдоль озера, а седой ушёл в лес.

Я сразу дорисовал такую картинку: дождь, сыро, обходить лесом мою поляну им лень. И вот они объединились только на этом коротком участке. А дальше каждый пошёл своим путём. Седой (а он постарше был) втолковывал близнецам: «Вот на этой поляне есть страшный двуногий зверь, который орёт непонятно что и кидается камнями. А погода-то препаршивая, лесом пробираться неохота. Давайте быстро-быстро вместе пробежим это страшное место. С тремя-то ему трудно будет справиться».

НУ ЗАЧЕМ ТЕБЕ МОЯ МОРКОВКА?

Конечно, медведи – самые колоритные представители фауны. Но можно ещё многое рассказать об утках, росомахе, орланах, да и собаках, которые там присутствуют и являются участниками многих историй.

В 1996 году я только начал осваивать Паланское озеро. С оказией (был попутный борт вертолёта) забросили меня туда в начале июня. Озеро ещё не вскрылось ото льда, и даже в конце поляны возле кедрача был снег.

Мой напарник егеря должен был подойти числа 20-го июня. Меня это устраивало. Я в то время практиковал методику Поля Брэгга «Чудо голодания» и «ушёл» в 10-дневный голод. Ничего там сложного нет. Ничего не ешь, пьёшь только воду. А так как это было не в первый раз, то всё и совсем легко. Для выхода из голодания с собой завёз кучу овощей: капусту, морковку, свёклу, репу. И чтобы это добро не пропало, я сложил его в 30-литровый бак и зарыл в снег. Я же бывший лавинщик и знаю, что температура в снегу 0°. На протяжении этих 10 дней я неоднократно с любовью называл эти овощи в кастрюле «моим холодильником». Есть совсем не хотелось. Но срок выхода назначен. Вот решил: вечером полезу в свой холодильник, достану капусту, немного нашинкую и отварю. Это и будет первая пища. Горсть варёной капусты и водичка от неё.

Ну а пока в ожидании 17.00 сеточку ремонтирую. Солнце светит, травка зелёная, птички поют. Красота! Посмотрел я в сторону своего холодильника, а там медведь копается в снегу. Видно, учуял мои овощи.

Я подал голос. Думал, крикну, и он убежит. Но не тут-то было. Медведь так и продолжал своё гнусное дело. Решил я давить на совесть:

– Миша, ну зачем тебе капуста, морковка? Ты же их в жизни не ел.

Косолапый даже ухом не повёл. И вот думаю: сожрёт и попортит медведь все мои овощи, и что мне делать? Как я буду выходить из голода? А по методике, чтобы выйти из длительного голода, нужно осторожно начинать с лёгкой пищи. Нет. Так просто я ему не отдам своё добро. А что же делать? Буду биться. Я взял топор и решительно пошёл в сторону медведя. Он пару раз оценивающе посмотрел в мою сторону, продолжая корябать кастрюлю (а я, как предчувствовал, накрыл крышкой ручкой вниз). Нос-то чувствует, да зуб

неймёт. Крышку-то он поддеть не может. Расстояние уже было метров 10–15. Мишка ещё раз на меня покосился. Наверное, подумал: этот чужак точно будет рубиться до конца – и решил ретироваться. Я забрал свою кастрюлю с овощами и больше таких холодильников не устраивал.

РЕДКИЙ ТРОФЕЙ, ИЛИ ОТВЕТНАЯ АТАКА

В этом году на озере было не так, как всегда. На поляне базировались мои знакомые, которые занимаются охотой. Народ приезжает, чтобы убить и увезти трофеи – медведя, снежного барана. Но если раньше в основном были иностранцы, то теперь свои. Были москвичи – за бараном, из Томска двое – за медведями (год гонялись по Сибири, чтобы добыть медведя) и из Санкт-Петербурга, отец и сын. Сыну-то 13 лет. А у отца странная мечта. Он хотел, чтобы в его загородном доме стояли три чучела медведей. Ну прямо по Шишкину «Утро в сосновом лесу». Всю эту братию привозили и увозили вездеходом. Ещё были два егеря и два коряка с лошадьми. Вот всю эту ораву я мужественно кормил (лошади сами паслись). Был поваром. Естественно, за материальное вознаграждение. Продуктов – изобилие. Приготовить проблем не составляло. За бараном уходили в горы на четверо суток. С медведем попроще. Выезжали лодками на нерестилище в верховье речки. И их там тьма и даже больше. Через сутки возвращались. Уже на месте выдывали черепа и шкуры. Через десять дней вся эта братия схлынула, оставив мне одному продуктовых запасов на год, правда, спиртного не на такой длительный срок. Вообще-то я не сторонник убийства животного без крайней необходимости. Но как только все уехали, меня медведи затерроризировали. И будь у меня из чего стрелять, я бы точно стрелял. Чтобы поугагать.

Первый звоночек прозвенел на следующий день. Вернулся с рыбалки. Смотрю, мостик через ручей разрушен. Сам мостик привязан к дереву (чтобы водой не смыло при высоком уровне – всё же я гидролог). А к

мостику привязан и утоплен в воду мешок, в котором остатки барана (своеобразный холодильник). Вот медведь и таскал этот мешок, пока не надоело.

На рыбалку (пять минут лодкой) я ездил каждый день. Мне нужно было сделать биоанализ 100 кижучей. Ловил спиннингом. Привозил домой и дома уже возле ручья ковырялся. Отходы производства (внутренности) скидывал в закрытую ёмкость, а на следующий день выкидывал в озеро на глубину. Так же поступал с некондиционной рыбой (уже с изменениями). Та, что была серебряная, шла в закрома родины в виде солёной, вяленой, сушёной. Вот после такого анализа всё, что не пошло в дело, я сложил в мешок, а там было и штук пять кижучей, связал и оставил до утра. Утром мешок бесследно исчез. Ни следов, ни обрывков. Такое ощущение, что медведь взвалил его на плечо и унёс.

Я выбросил остатки барана. Мешки сполоснул и повесил возле ручья на тальничек. После рыбалки из-за дождя делал биоанализ под навесом возле дома. Начала трещать сойка. Обычно она так подаёт сигнал об опасности, что кто-то есть рядом. Я глянул в сторону ручья. Там копошился мишка. На мой окрик он ускакал, но захватил с собой полиэтиленовый мешок (потом я его нашёл в ста метрах). Начинало темнеть, и, слушая приёмник, я почти уже отправился в царство Морфея, как вдруг услышал за окном треск. Метрах в десяти от избушки медведь что-то искал в костре. Этого ещё мне не хватало, и я, схватив фальшфейер, выскочил на улицу. На мой крик медведь отбежал метров на двадцать, встал на задние лапы и начал настороженно смотреть на меня. Я зажёл фальшфейер и бросил в его сторону, как гранату в фашистов. Впечатлившись резким грохотом, зверь удалился.

Утром обнаружил следы присутствия медведя с другой стороны. Возле ручья был перевёрнут бидон (молочная фляга) с водой и заброшен в ручей. Наверное, содержимое не понравилось. А в лодке не обнаружил свой любимый спасжилет. Он был из полипропилена, и я любил на нём сидеть за мотором.

Ну зачем он ему нужен, этот спасжилет? На всякий случай потом начал убирать из лодки спиннинг и сумку с рыболовными снастями.

Днём ещё один мишка появился. После окрика удалился в кедрч.

На следующий день вернулся с рыбалки. Замыл лодку. Вечером берегом шла медведица с двумя медвежатами с явным намерением продолжать погромы. Подпустил поближе и как закричу:

– Скотина, отдай жилет!

Медведи убежали.

МИШКА-МОТОРИСТ

Этот случай произошёл, когда я только начал осваивать Паланское озеро. Завёз я туда японский мотор – 7-сильный Tohatsu. Вообще-то он на резинку, но я его поставил на дюральку. Хорошая штука. Лёгкий, надёжный и расход горючего минимальный. Да и в скорости не проигрывал «Вихрю», если один человек в лодке. Мотор поставил, а сверху мотора ещё надел чехол тёмно-синего цвета с надписью «Tohatsu».

Мои сельскохозяйственные работы дали

В ОДНО УТРО Я ОБНАРУЖИЛ ОТСУТСТВИЕ ЧЕХЛА НА МОТОРЕ. ЧЕХОЛ БЫЛ ИЗОДРАН В КЛОЧЬЯ И ВАЛЯЛСЯ НА ГЛУБИНЕ. К ТОМУ ЖЕ БЫЛА ПОГРЫЗЕНА РУЧКА ГАЗА И, САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ, ОТ МОТОРА ОТСОЕДИНЁН БЕНЗОБАК. ЧТОБЫ ЭТО ПРОДЕЛАТЬ, НУЖНО ОТЖАТЬ ШТУЦЕР. ДАЖЕ ЗНАЯ ОБ ЭТОМ, Я НЕ ВСЕГДА МОГ СРАЗУ ОТСОЕДИНИТЬ. А ТУТ МИШКА ПРОЯВИЛ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ.

Утром из лодки утащили ещё один резиновый надувной жилет. Но, видимо, чем-то не понравился и валялся рядом с лодкой. А вот сачок нашёл метрах в пятидесяти. Правда, целый. И ещё из-под перевёрнутой старой лодки медведь выковырял (другого слова не подберу) сумку со снастями. Змейку на сумке зверь не открыл, так просто прокусил. Теперь я поверил Виктору (егерю), который хотел мне показать, куда он спрятал незарегистрированный карабин. Это была старая берёза, трухлявая внутри. Тогда, не обнаружив карабин, он сказал:

– Медведь утащил.

Я хмыкнул и, конечно, не поверил. Думал всё: как бы не так.

Мотор стал заводить, смотрю – ободранная уплотнительная резина между крышкой и мотором. Хотел, наверное, к двигателю докопаться. Вечером рядом с лодкой разжёл костёр, чтобы запах дыма отпугнул медведя, а мотор посыпал перцем. Ежедневно снимать и уносить мотор – удовольствие не из приятных. Пару дней было тихо. А потом заштормило. Да так, что десять дней на лодке и выйти было невозможно. Медведи в это время тоже ослабили свой пресс.

уже первые результаты. На грядке полезла редиска, укроп и другая зелень. Я с умилением каждое утро осматривал и отмечал прирост зелёной массы.

В одно утро я обнаружил отсутствие чехла на моторе. Чехол был изодран в клочья и валялся на глубине. К тому же была погрызена ручка газа и, самое удивительное, от мотора отсоединён бензобак. Чтобы это проделать, нужно отжать штуцер. Даже зная об этом, я не всегда мог сразу отсоединить. А тут мишка проявил сообразительность. И каким было моё возмущение, когда на грядке на нежных всходах я увидел следы этого наглеца!

Проходит пара дней. На улице пасмурно, дождик. Я чем-то занимаюсь в доме. В окно вижу, как медведь мостится на камнях, потом залез в озеро и поплыл. Я поначалу думал, что он рыбу ловит. Потом смотрю: да нет, плывёт. Курс держит на мыс с полным желанием переплыть заливчик. Я стал анализировать. А чего это он плывёт? Почему берегом не идёт? Так он, наверное, меня боится? А чего это он боится? Так это, наверное, тот гад, что погрыз мотор и потоптал мою грядку?! Точно он! А теперь и глаз боится показать.

Я вышел на улицу, свистнул. Медведь повернул голову в мою сторону и с большей энергией начал перебирать лапами. Всё. Точно он. Никаких сомнений. Я даже и не знал, что буду делать. Захватил в лодку колун и двинулся наперерез медведю. Успел его перехватить, а что дальше делать? Колун, конечно, не понадобился. Но мне хотелось выместить на нём всю свою злость за медвежьи происки. Я взял весло, не то чтобы нанести ему травму, а просто стукнуть. Короче, разок я плашмя стукнул его веслом по башке. Так на реке Оби, я видел, расправлялись с теми, кто чужой перемёт вытягивал.

Мотор работал исправно, и лодка была на ходу. Так что я ничем не рисковал. Вполне удовлетворённый, я вернулся в избушку и даже стопочку накатил из своих запасов по такому случаю. Впоследствии хотел создать «Клуб бивших медведя веслом по голове». Но так как таковых больше не нашлось, эту идею пришлось оставить.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН... С ВЕРТОЛЁТОМ

Обычно с медведями сталкиваешься или на своей поляне, или их лицезрешь из лодки. В том и в другом случае чувствуешь себя уверенно, хозяином положения. На поляне подашь голос, и он уходит. Зачем ему связываться непонятно с кем, когда пищи и так в достатке. На лодке то же самое. Только услышит мотор – и уходит с горизонта.

За многие годы было только два случая, когда медведь реагировал по-другому. И это при том, что в сезон при желании можно наблюдать до ста особей (если считать с медвежатами). В день, когда я делаю большую съёмку, насчитываю штук тридцать.

Медведь лежал на берегу (главное, на тропинке, где я хожу, когда на озере шторм). Было тихо. Я – на лодке. Увидев зверя, подплыл поближе. А медведь как лежал головой на своих лапах, так и не прореагировал на мои выходки. Я и кричал на него, и мотором ревел, и гайками в него швырял. Короче,

обезьянничал. А он лежит себе и маленькими злыми глазками, налитыми кровью, меня буровит. Так он и не двинулся с места. Хорошо, что шторма не было и я был в лодке, а не на тропе.

А вот ещё один случай. Я был в лодке за работой. В это время прилетел вертолёт с нашими сотрудниками. На подлёте они увидели лодку в озере и не пошли на посадку, а полетели вверх по реке. Из вертолёта хорошо было видно кучку медведей, рыбачивших на песчаной косе. Услышав шум пропеллера, косолапые стремглав помчались в кусты. Остался один крупный медведь. Пилоты всё ниже и ниже опускали вертолёт. А медведь и не собирался убегать. Поднявшись на задние лапы, он передними пытался зацепить за колесо вертолёта. Решил вступить в схватку. Пилоты отступили...

ЛЕТАЮЩИЕ КОСОЛАПЫЕ

В лесу чувствуешь себя уже не таким хозяином положения, как на своей поляне. Это уже не моя территория. Потихоньку осторожничаешь. У медведей научился. Вот они увлечены собирательством ягоды, например. Ковыряется себе, потом поднимается на задние лапы, осматривается вокруг, принюхивается, прислушивается и опять за своё.

Так и я поступаю. Вот только у человека нюх слабый, так что почти его не использую. Зато на всякий случай примечаю дерево, на которое смогу забраться при необходимости.

Однажды в походе за грибами я попал в такую ситуацию. Там ряд увалов, на которых с одной стороны деревья, а с другой – одни грибы. Вот на таком голом месте на меня вышла медведица с двумя медвежатами. Вариант не самый хороший, если не сказать покрепче: медвежата опасны тем, что они любопытны и ещё не могут оценивать ситуацию. Я стою с пакетом грибов на совершенно голом склоне. А в мою сторону бегут медвежата, а в отдалении тревожится медведица. Рядом спасительного дерева нет. Бежать до деревьев нельзя, чтобы не спровоцировать агрессию, да и медведи быстрее бегают. Ну нож у меня есть, фальшфейер. Но это уже при лобовой стычке нужно применять. Медведица начинает мне угрожать. Поднимается на задние лапы и рычит. Малышня бежит на меня. И мне больше ничего не пришло в голову, кроме как копировать поведение медведицы. Я был выше по склону. И вот я поднимаюсь на цыпочки, поднимаю руки над головой (чтобы показать, что я тоже немаленький) и тоже рычу в ответ. Уж не помню, сколько раз пришлось рычать и вскидывать руки, но, наверное, матуха что-то донесла своим рыком медвежатам. Не добегая до меня, они свернули в сторону, а за ними их мать. Вы бы видели, как летел медвежонок, поддетый по пятой точке лапой медведицы за непослушание. А говорят, медведи не летают. Летают-летают, только низенько-низенько. Сам видел... **А**

Иван СИРОТЕНКО

Фото автора

ЗИНАИДА КОРОЛЁВА

Прозаик, поэт, член Союза писателей России, родилась в городе Свердловске 25 мая 1941 года. В 1959 году семья переехала в Тамбов. После окончания Московского кооперативного института Зинаида Алексеевна работала на тамбовском заводе «Электроприбор». Здесь в многотиражной газете был опубликован её первый рассказ. Позже, когда Зинаида Королёва стала заниматься в литературном объединении «Радуга» под руководством известного поэта Семёна Семёновича Милосердова, её рассказы и стихи начали публиковать городские и областные газеты, общероссийская газета для инвалидов «Надежда». Два года подряд (в 1999 и 2000 годах) Зинаида Королёва была победителем творческих конкурсов, проводимых этой газетой. В последние годы особенно активизировалось творчество Зинаиды Королёвой: её произведения опубликованы в двухтомнике «Тамбовский писатель – 2009», в «Тамбовском альманахе», в новых книгах.

Почук

День медленно, нехотя уступал место подкрадывающейся ночи. Сумерки незаметно сгустились. И вот в один миг потемнело, всё вокруг как бы скрылось.

Софья Николаевна не любила это время суток: в темноте она ощущала тревогу, предчувствие беды. Но тут зажглись уличные фонари, и она спокойно задёрнула шторы, села в кресло, включила настольную лампу на журнальном столике и взялась за вязание.

Маленькая Сонечка уже давно спала в своей кровати, а её старшая сестра Люба всё ещё ворочалась в постели, пыхтела, вздыхала. Вдруг она села и позвала бабушку:

– Бабулечка, миленькая, хорошенькая, не хочу я спать. Ну ни крошечки, ни капелюшечки. Пожалуйста, расскажи мне сказку.

Софья Николаевна отложила вязание, сняла очки и укоризненно посмотрела на Любу, которая сидела на диване с распущенными волосами, в ночной пижаме, голубоватые цветочки которой оттеняли голубизну её широко открытых больших глаз в пушистом оперении ресниц. Софья Николаевна улыбнулась, пересела на диван к Любе и тихо спросила:

– Что же тебе рассказать, детка?

– Самую главную сказку. – Люба придвинулась к бабушке и прижалась к ней.

– Это какую сказку ты считаешь главной?

– Ну как ты не понимаешь, бабушка, – самую главную, жизненную сказку.

– Это какую же? – Чёрные густые брови Софьи Николаевны взметнулись вверх, и она с удивлением смотрела на Любу. – Придумает же такое – жизненную. Где ты только такое услышала?

– Как это – где? Мне молодая бабушка – баба Надя – сказала.

– Интересно, что же такое она могла тебе сказать? Какую сказку она назвала главной? – Софья Николаевна лихорадочно вспоминала сказки, которые она рассказывала когда-то своей дочери.

– Она сказала, что ты знаешь сказку о том, как ты её нашла и о всей нашей жизни. А это же главная сказка, правда, бабуля? – Люба доверчиво заглядывала в погрустневшие и задумчивые бабушкины глаза.

– Да, детка, это самая главная моя сказка. Только поймёшь ли ты? Не заснёшь? – Но Софья Николаевна уже не ждала ответа. События давно минувших дней нахлынули на

неё, и ей надо было с кем-то поделиться, кому-то рассказать всё. А более благодарного и внимательного слушателя, чем правнучка Люба, ей не найти. И она начала свой рассказ.

– Было это очень и очень давно, когда я была моложе вашей мамы Веры. Я познакомилась с молодым офицером...

– А как ты познакомилась? – перебила Люба и тихонько толкнула её в бок.

– О, это интересная история. Мы с подругой были в парке, там и встретились.

– Вы пришли туда одни? И вы не боялись, что вас заставят нюхать травку или насильно увезут в машине?

– Тогда было другое время, и о наркоманах мы не знали. Их, вероятно, было мало, так же, как и машин. Вам, современным, нас трудно понять.

– Какое хорошее и интересное было время. Прости, бабушка, я не буду больше перебивать. Рассказывай, что было дальше.

– Весь вечер мы гуляли по парку. Шутили, смеялись. Он был похож на сказочного принца: стройный, с пышной русой копной волос, голубоглазый весельчак. Ему очень шла форма. Он понимал это и был в ударе: он только что получил петлички – «кубари» – после окончания училища. Тогда погон не было... А потом он проводил нас домой. На второй день мы с подругой спорили: кто из нас ему понравился, показывая друг на друга. После третьего свидания я получила от него письмо с признанием и предложением стать его женой. И я должна была ответить ему только «да» или «нет».

Когда он вошёл к нам в квартиру, то я громко крикнула «Да!» и от страха, что он засмеётся надо мной, заплакала. Он подхватил меня на руки и закружил по комнате.

– Бабуля, а поцеловать-то тебя он осмелился? – Из любопытства девочка вылезла из-под одеяла, глазёнки её озорно заблестели.

– При всех? Ну что ты, только руки. Это было потом, когда остались одни. Через неделю мы расписались и уехали в его часть в приграничный городишко на берегу большой реки. Там и родилась наша Натэлла.

– Это баба Надя была?

– Да, она. Натуся такая хорошенькая росла, точь-в-точь как наша Сонечка.

– Ну да?! – недоверчиво протянула Любаша. – Баба Надя такая...

– Такой она стала позже, – не дала ей договорить Софья Николаевна. – Ты слушай, а то не буду рассказывать.

– Слушаю, слушаю я. – Люба покрепче прижалась к бабушке.

– Мы жили тогда весело, дружно, – вздохнув, продолжила Софья Николаевна и поправила одеяло на девочке. – Да, Любушка, тогда люди были намного добрее и умели радоваться любой мелочи. Были, конечно, и подлецы – без них не было бы доносов, не было бы и войны, а каждая война озлобляет людей, оставляет неизгладимые рубцы в людских душах. Поэтому некоторые люди, в основном слабые духом, становятся чёрствыми. А в то время ещё не было той жестокой войны, и все радовались мирной, спокойной жизни. Знаешь, когда Натусе исполнилось пять лет, то отец принёс ей живой подарок – маленького щеночка овчарки.

– Такого, как наш Рекс? – поинтересовалась Любаша и посмотрела на собаку, безмятежно развалившуюся на коврик у Сонечкиной кровати. Услышав своё имя, собака тотчас приподняла голову и вопросительно посмотрела в их сторону, как будто спрашивала, что им от неё нужно. Софья Николаевна тоже посмотрела на собаку, как бы сравнивая с той, довоенной, и вновь вздохнула.

– Похожий, только моложе был. Но за полгода он хорошо подрос, с Натуськой были неразлучны, как два ребёнка-одногодка. Она его Натом назвала. Бывало, зовёшь её с улицы, а он первый прибегает. Говорю ему:

– Ты чего примчался? Где твоя хозяйка? Веди её.

Он покрутит головой, соображая, как ему поступить, и убежит, а через какое-то время тащит за подол платья сопротивляющуюся Натусю. Столько смешных историй было с ним! Но всё это кончилось в один страшный день – началась война.

Всех нас, женщин и детей, погрузили на катер и повезли до железнодорожной стан-

ции, чтобы отправить в глубь страны. Дело было к вечеру. Грузились в спешке, и взять с собой ничего не успели. Я всё переживала, во что мне Натусю одевать. А через час налетел на нас самолёт, сбросил бомбу, и очутились мы в воде. Барахтаемся, мечемся, ищем своих детей. Но в том водовороте мало кому повезло – слишком прожорливой оказалась водная пасть.

Очнулась я на берегу – кто-то помог выбраться. Мало оказалось спасшихся пассажиров с катера. Я каждый кустик обшарила в надежде, что Натуся жива. Сутки вылавливали трупы и складывали в общую могилу – там рядом деревня была, жители помогали. А потом дошли до моста, он уцелел при налёте, и начался наш крестный ход: война долгой оказалась, и каждому предназначено было нести свой крест.

После войны я перебралась поближе к тем местам и устроилась работать в райцентре. Каждую годовщину ездила в ту деревушку на общую могилку – говорили, что позже туда ещё кого-то хоронили. Разумом я понимала, что Натуси нет в живых, а сердце не хотело мириться с этим. И в церкви молилась о ней как о живой.

В очередной раз я собиралась ехать, но заболела, провалялась месяц в больнице и не попала на годовщину. Зимой такая тоска на меня налетела – места себе не нахожу. Какие-то тревожные сны снятся, а проснусь – ничего не помню. И вот на её день рождения собралась я в дорогу. А тут на счастье мост достроили, а то всё на лодке переправлялись. Поехала я на попутной машине. Доехали до моста, а она возьми да и остановись – сломалась. И решила я сократить путь и перебраться через реку по льду наискосок.

Спустилась я к реке и не знаю, как мне выйти на лёд: кругом снега по пояс. Шагнула вперёд и чувствую, что под ногой вода и я проваливаюсь. И в этот момент кто-то налетел на меня и сшиб с ног. Подняла я глаза и вижу огромную собачью голову, а поодаль стоит пожилой, с седой бородой мужчина, протягивает мне руку и говорит:

– Ты что, дочка, утонуть решила? Тут же полынья!

Вытащил он меня. А собака скулит и то побежит вперёд, то вернётся к нам. Хозяин усмехнулся:

– Верный, ты что, гостью в дом зовёшь? Молодец, ей обсохнуть надо, а то сразу в сосульку превратится.

Пошли мы по тропинке: собака впереди бежит, а мы за ней. И вдруг собака исчезла, как сквозь землю провалилась. Я остановилась. А мужчина прошёл вперёд и меня подбадривает:

– Не бойся, дочка, иди за мной. Мы в землянке живём.

Спустились мы в землянку, а там темно, только свет исходит от железной печурки. Мужчина заправил керосиновую лампу, и я осмотрелась: помещение было просторное, по стенкам стояло несколько топчанов, а возле одного, на котором кто-то лежал, стоял самодельный стол. Собака скулила возле этого топчана, пытаясь лизнуть в лицо лежащего. Пёс подбежал ко мне, ухватил за полушубок и потянул к топчану. Хозяин прикрикнул на него:

– Не балуй, Верный! А ты, дочка, давай разоблачайся: скидывай с себя одежду, обувь и поближе к огню садись, а то простуда быстро влезет в тебя, а выгнать оттуда не так легко. Вон внучка моя подхватила её, лихо манку, неделю уж как мается. Вот ходил за медичкой, да не застал.

Я сняла полушубок, спасающий меня от лютых морозов ещё с военной поры, валенки, набухшие водой, и поставила их на тёплые кирпичи у чугунной буржуйки. Мои ноги так заледенели, что не чувствовали тепла. Я стала их усиленно растирать. Хозяин подал мне меховые самодельные тапочки – ноги окунулись в пушистый мех, и от этого тепла во всём теле появилось блаженство. Сзади послышался шорох, и, обернувшись, я увидела, как Верный тащил в угол мою походную сумку. Меня осенило, почему он меня тащил, – от сумки пахло медикаментами, как и от моей шубы. Я подошла к топчану – там лежала девочка с изуродованным перекошенным лицом. Поверх серого солдатского одеяла была наброшена солдатская шинель. Подошёл старик, бережно приподнял её за плечи, напоил тёплым травяным отваром и вновь уложил. Он горестно качал головой:

– Какая беда-то – жар не спадает. Сгорит она, не выдержит организм, сгорит.

Девочка шевелила губами, что-то пытаюсь сказать. Я соображала, чем помочь ей. Мой взгляд упал на ведро с холодной водой, и мгновенно пришло решение – обёртывание! Я повернулась к старику:

– Мне нужна простыня или большая тряпка.

Старик поспешил в угол, где стояли ящики, чемоданы. Из самого большого чемодана он достал голубоватую простыню и протянул мне. Я удивлённо посмотрела на неё – такое постельное бельё я видела в Германии. Хозяин заметил моё удивление.

– Это нам в наследство от немцев вместе с блиндажом досталось. Думал, что Надейке в приданое пойдёт, а оно вон как оборачивается. – Он отошёл к стене, на которой висел маленький образок, и стал что-то шептать. Высокий и очень худой, ссутулившись, он то протягивал руку к иконе, то неумело крестил себя. Мне стало жаль его, как будто это был мой отец.

Смочив в холодной воде и туго отжав простыню, я с трудом стащила мокрое, прилипшее к телу девочки старенькое платице, быстро обернула сложенной в два слоя простыней и укутала в свой полушубок, да ещё набросила одеяло. Девочка перестала метаться, затихла. Старик заволновался:

– Ты что же это с ней сотворила? Застудила мне внучку! Как я без неё жить буду?

– Не волнуйтесь, отец. Так температуру сбивают. Я всю войну прошла с госпиталем. Да и так же лечила свою дочку. Доверьтесь мне и успокойтесь. Она теперь часа два будет спать, а вы меня чаем попоите, а то я ещё не отогрелась – в кузове машины холодновато было ехать.

– В кузове?! Да как же ты совсем не окоченела? – сокрушался хозяин. – Ты садись к печурке, а я стол пододвину сюда. – Он передвинул стол, поставил на него большой алюминиевый чайник, солдатские алюминиевые кружки.

– Пей, дочка, отогревай душу, – улыбнулся хозяин, подавая мне полную кружку травяного настоя. – Тут и душица, и мята, и

зверобой. А душица – это душевная травка. Меня Иваном Кузьмичом зовут. А ты к кому в наши места приехала? – Кузьмич улыбался глазами, и лицо его преобразалось, в нём появлялась святость.

– Мне в Ершовку надо. А зовут меня Софья Николаевна.

– В Ершовку? Уж не на братскую ли могилку?! Ваши все летом туда приезжают.

– Да, туда. Летом болела, а потом работа не отпустила. У дочки день рождения завтра. Вот тоска и пригнала меня сейчас.

– Да-а, тоска – штука вредная, с ней трудно бороться. Меня вот Надейка спасает: подойдёт, подержит ручонки на плечах, и вся усталость, хворь уходят.

С топчана послышалось тихое: «Ма...» Кузьмич поспешно встал и шагнул туда. Он нежно гладил девочку по лицу и тихо приговаривал:

– Спи, моя радость, спи, моя золотая рыбка. И маму твою найдём, правда, Верный? – обратился он к собаке, которая стояла передними лапами на топчане и лизала девочку в щеку. Старик прищипнул на неё:

– Цыц ты, не мешай ей спать, сон всю болячку выгонит из неё. – Он отогнал собаку и сам сел к печурке, помолчал немного, а потом философски произнес: – Ты только подумай, Николаевна, какая силища у природы: даже после разрыва пуповины связь матери с дитём так и остаётся. Бывает так: бросит мать ребёнка, а тяга к ней остаётся на всю жизнь. Не к отцу, а к матери. И когда кто-то говорит, что не вспоминает мать, – не верь им, они лукавят. Вот моя Надейка девять лет живёт без матери, а не было ни одной ноченьки, чтобы не позвала её. Только два слова и может говорить, но какие! «Ма» и «На». Значит «мама» и «Надя». Так и зову её Надейкой.

Я удивлённо смотрела на него.

– Да-да, не может она говорить. От страха это у неё.

Что-то тревожное шевельнулось в моём сердце, но мне было так тепло, так спокойно в этой землянке рядом с добрым и умным стариком, с этой несчастной девочкой и всё понимающей собакой, что не хотелось даже шевелиться. Казалось, что пришёл конец всем

бесконечным поискам, нескончаемому потоку писем, отсылаемых во все детдома. Такое блаженство я испытывала только до войны, когда муж приходил со службы и Натуська садилась на диван между нами и читала новую сказку – уже с четырёх лет это у неё прекрасно получалось.

– А как же вы оказались в блиндаже, Иван Кузьмич?

– Война растреклятая подняла всех с мест и разбросала по всей матушке России. С соседнего района шли мы, да жене занеможилось дюже, вот и остановились мы в доме, который стоял на этом месте. Паромщик со своей жинкой тут жил. Пошёл я в посёлок раздобыть немного харчей, своих-то не успели взять. И только ушёл, как слышу стрельбу у реки. Я назад. Подхожу – в хате немцы, а рядом с оградой лежат паромщик с жинкой, моя жинка с нашей донюшкой и внучкой. Остолбенел я. А фриц суёт мне в руки лопату и орёт: «Шнель арбайт, шнель!»

Закопал я их под деревом и дал дёру от туда, чтобы самого не прихлопнули. Дошёл до камышей и слышу – собака скулит. Я тихонько-тихонько подкрался и вижу неподвижную маленькую девочку, всю в свежих шрамах. А собака сидит рядом, лижет её раны и поскуливает жалобно.

При этих словах сердце моё замерло, хотелось спросить, во что она была одета, но я боялась спугнуть надвигающееся на меня счастье. Рядом с собой я почувствовала тёплое дыхание – это собака села у моих ног. Я погладила её по голове, тихонько шепнула:

– Нат, какой же ты верный и надёжный друг.

Собака положила свою лобастую голову мне на колени и от удовольствия зажмурила глаза. Иван Кузьмич удивлённо произнёс:

– Это ж надо, как вы нас расположили к себе: и я разговорился, а уж Верный совсем ошалел. Он же никого к Надейке не подпускает.

– Что же было дальше, Иван Кузьмич? – Мне хотелось знать всё до мельчайших подробностей.

– А что дальше? Дождались мы темноты и перебрались в деревню – добрые люди приютили нас. Надейку подлечили. А когда немцы ух-

дили, то деревню ту спалили, вот мы и перебрались в этот блиндаж. Так и живём тут. Деревня отстраивается, а мы – стар да мал – сидим и не рыпаемся. А что дальше будет – одному Богу известно. Вот только бы нам эту хворь победить. А Надейка-то, никак, проснулась? – Старик встал.

Я тоже поспешила к топчану. Девочка не спала и с любопытством смотрела на меня. Я просунула руку под шубу – простыня была сухая и не горячая.

– Кузьмич, во что переодеть её?

– А вот рубаха солдатская, она ей в самый раз. – Он подал большую длинную белую рубаху.

Я стала развёртывать девочку. На теле моей Натуси были две родинки, и мне хотелось найти их у Нади. Но у неё на правом плече на месте родинки был большой шрам, а вот на груди родинка была. Сомнений не было – передо мной сидела моя Натуся.

Мне бы закричать, броситься целовать её – именно такой я представляла встречу с моей малышкой. Но я видела взрослую девочку с израненной душой – не испугать бы её ещё раз. Я прислонила девочку к высокой соломенной подушке, укрыла одеялом.

– Тебе посидеть надо, чтобы в лёгких не было застоя. Давай поупражняемся с тобой в надувании шариков. Набери больше воздуха и дуй через губы.

Я хотела показать, как это сделать: глубоко вздохнула... и в этот момент Надя стукнула меня по щекам своими худыми ручонками и громко, счастливо засмеялась. Она обняла меня так, как могут это делать только дети – как будто приклеиваясь к тебе или втираясь в твою плоть. Мы так долго сидели молча. В тот момент я поняла, что самое великое счастье – это когда ты рядом с дорогим тебе человеком и понимаешь его без слов.

Софья Николаевна посмотрела на притихшую Любу, потрогала её торчащий из-под одеяла носик – та пошевелилась.

– Бабулечка, а что было дальше?

– А дальше была другая сказка.

– И рассказывать её будем мы, – послышалось от двери, в проёме которой стояли баба Надя и мама Вера. **A**

«...20 лет.
Как уже много!!!»

Юрий Владимирович Фролов

Фроловы – простая тамбовская семья из рабочего посёлка. Мать, Надежда Юрьевна, – начальник химической лаборатории на заводе «Первомайскиммаш», отец, Владимир Иванович, работал там же, а затем устроился слесарем в местный ЖКО. Их сын Юрий с детства отличался общительностью, умением дружить.

Став школьником, учился увлечённо, интересовался химией, биологией, историей и географией, усиленно занимался спортом. Особенно любил путешествовать, Донецк, си-

бирские и близлежащие города привлекали и манили его.

Юра любил природу, постоянно бывал в лесу, на речке, был заядлым рыбаком, сам плёл сети и в любой мороз спешил на зимнюю рыбалку, помогал родителям на даче. Проводя время в гараже, подолгу ремонтировал мотоцикл. Увлекался фотографией.

Десять классов окончил с похвальной грамотой, после мечтал продолжить образование в институте, но бесплатно поступить не получилось, а платное образование в те трудные времена семья не могла себе позволить. И всё же неудача с поступлением не сломала паренька, и он стал учиться в Мичуринском ПТУ, а получив специальность мастера по ремонту радио- и телеаппаратуры, пошёл работать на завод электриком и в последующем не раз вспоминал свой трудовой опыт.

Ноябрь 1993 года. Юрий Фролов призван в армию. К службе он был подготовлен и физически, и морально: выносливый, спортивный и приученный к дисциплине, Юрий легко переносил тяготы военной службы. Провожая его в армию, родители были уверены, что трудности не сломают сына, он всё преодолет. Пять месяцев новобранец обучался в учебном подразделении внутренних войск в дивизии им. Дзержинского, по его окончании получил звание младшего сержанта.

Частые письма домой скрашивали службу. Добрые, простые письма, в которых с тёплыми словами Юрий обращался к своим родителям.

«Привезли бы клубнички, а? Клубнички охота, прямо мрак и вишенки тоже! Как там моя дача? Одна картошка наверное? Как насчет посылки, нужна фотобумага, пленка. Посылаю вам фотки...»

«Жалко будет расставаться с друзьями в учебке! Договариваемся после армии встретится. Приеду поеду в турне по армейским друзьям. Везде зовут к себе; в Рязск, в Самару, в Нижний Тагил, и то зовут».

«Уже начинаю задумываться о жизни после армии. Куда идти работать? Как жить. Или жениться сразу? (шутка) Хотя есть на ком».

В январе 1995 года часть отправили в Чеченскую Республику.

«Привет из Чечни. Хотелось сохранить в тайне от вас, что нас отправляют в командировку, не получилось, меня из-за нее и в отпуск то не отпустили, но ничего уже совсем чуть-чуть и скоро домой».

«Погода здесь нормальная, я уже забыл, что такое (бушлат) зимняя куртка, но очень много грязи. Здесь говорят в начале марта уже сажают картошку, так что я две весны буду встречать».

Всего немногим больше месяца прослужил Юрий Фролов в городе Грозном. 25 февраля он погиб в составе отряда спецназа «Русь».

Нелепая, страшная смерть как отражение того, что в то время происходило в стране. Всё просто не поддаётся никакому объяснению, ни тем более здравому смыслу.

«У меня всё нормально. Не успели приехать с картошки начались КШУ (командн. штаб ученья). Не спали 2-е суток, вообще глаз не сомкнули с 29 по 1. 2 окт. поехали на службу. 3 и 4 тоже были там. Ну наша задача Белый дом. 2 числа ничего особенного не было, прошла демонстрация где-то 10 тыс человек. То, что говорят и показывают по телеку фигня... когда 4 числа вокруг Белого дома образовали «живое кольцо» нам тут же раздали патроны, думали всё опять война... 5 числа опять мой экипаж подняли в 4-00 поехали опять в тот же колхоз за капустой...»

В одно зимнее туманное утро отряд специального назначения отправился в разведку. Бойцы поднялись на возвышенность...

Дальнейшее описывает газета «Красная звезда»: *«...отряд морской пехоты применил взрывное устройство повышенной мощности, не обеспечив максимальную дальность пуска...»*

Этим «взрывом повышенной мощности» и накрыло высотку с бойцами...

В этом же газетном сообщении написано:

«Главное управление командующего внутренними войсками МВД РФ выражает соболезнование семьям подполковника П. Зайцева, подполковника О. Калона, старших

Шапошников Кирилл Арефьевич – войсковой старшина. Подхорунжий 2-го Хопёрского полка Кубанского казачьего войска.

ХОПЁРСКИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК

ХОПЁРСКИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ СТАРЕЙШИХ ПОЛКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И СЛУЖБЫ ОТЕЧЕСТВУ ОН ВНЁС ВЕСОМЫЙ ВКЛАД НЕ ТОЛЬКО В ИСТОРИЮ РОССИИ, НО И В ИСТОРИЮ ВСЕГО КАЗАЧЕСТВА. АВТОР ОДНОЙ ИЗ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЕЖЕМЕСЯЧНОМ ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ВЕСТНИК», ОТМЕЧАЛ: «В ИСТОРИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ЕСТЬ ТРИ ОСНОВНЫХ МОМЕНТА: ИЗ НИХ ПЕРВЫЙ – ЭТО СФОРМИРОВАНИЕ ХОПЁРСКОГО ПОЛКА И ЗАТЕМ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЕГО НА МОЗДОКСКУЮ ЛИНИЮ, ВТОРОЙ – ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА КУБАНЬ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЙСКА И, НАКОНЕЦ, ТРЕТИЙ – СЛИЯНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЙСКА С БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ КАВКАЗСКОГО ЛИНЕЙНОГО...»

Как мы видим, Хопёрский полк по праву считается старейшим и стоит в основе Кубанского казачьего войска, и это для казаков Верхнего Дона и Хопра – предмет гордости за славных предков.

История Хопёрского полка начинается с возникновения хопёрских казаков («верховских», «чигов»), живших в междуречье Верхнего Дона, Вороны, Хопра, Бузулука и Медведицы. Первые письменные источники о хопёрских казаках относятся ко временам Золотой Орды, в актах Московского княжества упоминались христиане Сарской и Подоль-

ской епархии, живущие в пределах Червлёного Яра: «по Великую Ворону возле Хопор, до Дону по караулам» — «народ христианский воинскачина живущий, зовомии Козаци». Здесь мы видим упоминание казаков как «народа христианского», который живёт по воинскому порядку. Несуверенное казачье государство (вассал Золотой Орды) в пределах Червлёного Яра объединило тюркские (берендеи), славянские (вятчи) и финно-угорские (мещеры и мордва) общины с военно-демократическим общинным управлением. Церковные события Никонской реформы стали причиной заселения

казачьего государства сотнями старообрядцев вместе с семьями. Образ жизни и крепкая вера старообрядцев стали ярким примером не только в хозяйственной деятельности, но также и в воинском служении. Казаки-раскольники в своём большинстве стали зажиточными и состоятельными, дисциплинированными и исполнительными. Отвага и смелость в бою, пренебрежение к лени и праздности, дисциплинированность, исполнительность, ответственность перед Богом, семьей и общиной были яркими чертами казаков-раскольников. Рискуя собственной жизнью, они приходили на помощь казаку-собрату независимо от того, к какой вере он принадлежал. Так закладывалось знаменитое «казачье братство» и казачье самоуправление.

Хопёрцы отличались от «низовых» донцов не только одеждой и говором, но и характером. Это определяло их отношение и к государству, и к другим казачьим образованиям. В 1650 году, пытаясь отделиться от Войска Донского, хопёрские казаки основали укрепленный городок Рагу, который был разрушен по приговору Войска.

Передача исконных хопёрских земель на левом берегу Дона для нового сформированного проправительственного Острогожского слободского казачьего полка вызвала негодование хопёрских казаков, что и стало причиной поддержки восстания Степана Разина.

Генерал В. Г. Толстов, казак станицы Темужбекской, написал историю Хопёрского полка. Вот выдержки из его книги:

«Находясь на главном тракте Москва – Азов, район Хопра был давно известен свободолюбивым натурам соседних губерний. Сюда просачивались недовольные порядком люди Тамбовского Воеводства, а в 1669-м году одно время осел здесь и сам Степан Разин...»

В 1695 году в составе русской армии под командованием генерала П. Гордона хопёрские казаки принимали участие в осаде Азова. Этот год результатов не дал, и турецкая крепость не была взята. Только на следующий год хопёрцы вместе с донцами в составе войска боярина А. С. Шеина внезапным ударом, проявляя необычайную удачу и отвагу, захватили два бастиона с пушками и удержива-

ли стратегически важные пункты в обороне крепости. Азов был взят, и это стало началом создания Хопёрского казачьего полка. По завершении Азовского похода хопёрские казаки были отпущены по домам.

1696 год стал новым периодом истории Хопёрского казачьего полка. Из местных казаков была сформирована Хопёрская команда, и так началась государева служба. Казаков Хопёрского казачьего полка разместили по слободам Алфёровка, Красная, Пыховка и Градская.

В 1705 году хопёрцы составили половину двухтысячного отряда донцов, который по приказу атамана Филиппова был отправлен для усмирения мятежных стрельцов в Астрахани.

Во время Северной войны Хопёрский казачий полк был включён в состав русской армии, принимал активное участие почти во всех крупных операциях вплоть до 1717 года. Принимал участие в военных операциях за Ливонию, в Польше и Галиции.

Особым событием в истории хопёрских казаков является участие в Булавинском восстании 1707–1708 годов. Во время подавления бунта было казнено более 7 000 казаков, а первые поселения казаков были сожжены и разорены.

Казаки, которые принесли повинную царю, были прощены, и их отправили на войну со шведами. Старухи, бабы с «малыми робятками», старые и немощные, собрав пожитки, разбрелись по другим донским городкам.

В 1716 году на Хопре возведена была Новохопёрская крепость, которую заселили уже вольными малороссами – черкасами, а также посадскими охотниками. Поселенцы крепости получили в вечное владение сенокосные и пахотные земли, угодья бывших Пристанского и Беляевского казачьих юртов.

Начиная с 1731 года, с воцарением Анны Иоанновны, хопёрские казаки встали на довольствие, стали получать жалованье и провиант, тем самым получив поддержку от правительства.

В 1774 году хопёрские казаки действовали против пугачёвских отрядов в Воронеж-

ской губернии. Две сотни казаков наводили порядок и исправно выполняли поставленные перед ними задачи.

24 апреля 1777 года Екатерина II подписала указ о создании Азово-Моздокской линии укреплений для защиты южных рубежей Российского государства. Хопёрские казаки были вынуждены двинуться на Северный Кавказ, покидая родные края. На Кубани и Куме хопёрцы начали обустраиваться, создавая казачьи станицы с укрепленными пунктами на рубеже новой границы, где были постоянные набеги соседей-черкесов. В ходе становления и укрепления рубежей, военных действий и преобразования подразделений образовался Хопёрский полковой округ Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска, а сам старолинейный полк стал уже гордо именоваться Хопёрским Её Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны конным полком.

Хопёрцы приняли участие не только в освоении и укреплении рубежей российской государственности на Северо-Западном Кавказе, но и в создании всех последующих казачьих формирований правого фланга Кавказской линии. Хопёрцев заслуженно называют «старожилами» Кубанского края, среди них немало бывших представителей «тамбовского воеводства» и уроженцев тамбовских земель.

Хопёрцы, обосновавшиеся на Азово-Моздокской линии в 1778–1781 годах, ещё до появления черноморцев на кубанских землях познакомились и со степным кубанским правобережьем, осваивали и осматривали ущелья и горы Черкессии под руководством известных администраторов и военачальников конца XVIII века П. С. Потёмкина, С. А. Булгакова, П. А. Текелли, Ю. Б. Бибикова, Н. И. Германа, И. В. Гудовича.

В Кубанском казачьем войске Хопёрский полк признан старейшим. На основании приказа по военному ведомству № 106 от 28 марта 1874 года начало всего Кубанского казачьего войска должно было считаться по старейшему из его полков – Хопёрскому. Это подтверждалось Сенатским указом от 2 июня 1724 года, размещённым в первом

Генерал Врангель (сидит в центре) в 5-й Хопёрской сотне 1-го Сводного Кубанского полка на самой высокой точке прокладываемого казаками шоссе в Болгарии – перевале Бесна Кобыла – 1750 м

издании Полного собрания законов Российской империи, где указывалось, что казаки, живущие в Новохопёрской крепости, «...были в походе под Азовом и на разных баталиях шведских...». Датой основания Кубанского казачьего войска был окончательно утверждён 1696 год.

Хопёрские казаки принимали участие в схватках и сражениях Хопёрского полка в годы Кавказской и Русско-турецкой (1877–1878) войн. В годы мирного времени уже 1-й Хопёрский полк стоял в Кутаисе, в сердце прекрасной Грузии. Перед началом Великой войны 1-й Хопёрский полк был переименован в 4-й Хопёрский полк Кавказской кавалерийской дивизии. В составе этой дивизии полк провёл всю войну, сражался в Персии, совершил 800-вёрстный марш от Джульфы, проходя через Тавриз по южному берегу Урмийского озера, и вошёл в Турцию. В ходе Великой войны хопёрские казаки участвовали в боях

в составе четырёх пластуных батальонов и трёх кавалерийских полков.

События 1917 года привели к тому, что в начале января 1918 года 1-й, 2-й и 3-й Хопёрские полки были расформированы. Казакам расформированных полков пришлось с трудом возвращаться домой из Галиции, Персии и Турции. На территориях, где установилась советская власть, казакам пришлось нелегко, тем более что к новой власти казаки относились с осторожностью и враждебно. В истории были случаи, когда хопёрские казаки поднимали восстания и принимали участие в рейдах по освобождению казачьих земель от большевиков. К сожалению, освобождённые станицы и города недолго были свободны от «советов». В связи с разногласиями в верхах главного командования попытки создания независимых казачьих частей привели к поражению казачества в Гражданской войне. Часть казачества покинула родные земли, уе-

хав на чужбину, а часть осталась в дорогах их сердцу станицах и хуторах. Многие из оставшихся испытали на себе репрессии, тюрьмы и боль потери близких. Так закончилась многолетняя история легендарного Хопёрского полка.

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ХОПЁРСКОГО ПОЛКА

1. Полковое знамя Георгиевское с надписями: «За отличие в турецкую войну и в делах, бывших против горцев в 1828 и 1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году» и «1696–1896», с юбилейной Александровской лентой. Пожаловано 8.09.1896.

2. Восемь Георгиевских серебряных труб с надписью: «За переход с боем через Кавказский хребет в 1877 году». В 1-й, 2-й, 3-й и 6-й сотнях. Пожалованы 6.01.1879.

3. Четыре Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За отличие при подавлении возстания в Дагестане в 1877 году». В 4-й и 5-й сотнях. Пожалованы 6.01.1879.

4. Знаки отличия на головные уборы с надписью: «За отличие в 1854 году». В 1-й полусотне 1-й сотни. Пожалованы 30.08.1856.

5. Знаки отличия на головные уборы с надписью: «За отличие в 1855 году». Во 2-й полусотне 1-й сотни. Пожалованы 30.08.1856.

УРЯДНИКИ
Витаврусинский и Хопёрский Казачья полков.

Игорь МАРТЫНОВ,

войсковой старшина, заместитель
атамана Тамбовского отдельного казачьего
общества

КАЛАБИНА МЕЛЬНИЦА

СЕГОДНЯ ЭТО СЛОВСОЧЕТАНИЕ ЗНАКОМО УЖЕ СОВСЕМ НЕМНОГИМ ЖИТЕЛЯМ МИЧУРИНСКА И МИЧУРИНСКОГО РАЙОНА. А ВЕДЬ В ПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ ЭТИ ДВА СЛОВА БЫЛИ ХОРОШО ИЗВЕСТНЫ. НЕДАЛЕКО ОТ СЕЛА РАНИНО, В ДВАДЦАТИ КИЛОМЕТРАХ ОТ ТОГДАШНЕГО КОЗЛОВА, БЫСТРЫЕ ВОДЫ ЖИВОПИСНОЙ РЕКИ ИЛОВАЙ КРУТИЛИ МОЩНЫЕ МЕЛЬНИЧНЫЕ ЖЕРНОВА, ПЕРЕМАЛЫВАВШИЕ ЗЕРНО, КОТОРОЕ ВЕЗЛИ СЮДА СО ВСЕЙ ОКРУГИ...

Своим звучным названием мельница обязана трём братьям, елецким купцам Калабиным. Именно они в конце XIX века решили вложить свои кровные в развитие нового дела – мукомольного. Размол муки во все времена бизнес доходный. Чем был вызван их интерес к нашим местам, теперь можно только гадать. Доходное дело братья начинают, правда, не с нуля. Мельниц в этих местах – десятки. Братья модернизируют одну из таковых – старинную водяную мельницу – и уже к 1890 году оснащают её 45-сильным паровым двигателем. Паровая тяга – сезонная альтернатива, зимой, когда река скована льдом, жернова вращает пар. На новом производстве трудится девять рабочих. Только за год объём произведённой продукции составляет 3,5 тысячи рублей. Для сравнения: хорошая корова стоит около 100 рублей, а кавалерийского рысака продают за 150–250 целковых. Об этом рассказывает в своей книге писатель Михаил Белых.

В 1909 году выходцы из Елецкого уезда основывают в Козлове торговый дом «Братья

Калабины». Каждый из компаньонов вносит капитал по 10 тысяч рублей. Деловой размах елецких предпринимателей пока что охватывает только Козлов и близлежащие города. Их бизнес-план не ахти какой амбициозный – торговля хлебными, мучными, бакалейными, колониальными и другими товарами, а также помол разного зерна. Но постепенно производство расширяется: кроме мельницы близ Ранино, братья открывают мукомольное производство в селе Устье. Здесь в 1909 году появляется паротурбинная мельница, оснащённая водяным и паровым двигателями в 110 сил. На выходе – ржаная мука и пшеничная крупа. Прибыль растёт, в год они зарабатывают более 300 тысяч рублей.

Один из братьев, Алексей, кроме бизнеса, занимается и общественной деятельностью. С 1907 года он заседает в городской Думе, работает в биржевом комитете, городской публичной библиотеке, попечительских советах Козловского коммерческого училища и Николаевской богадельни с сиротским отде-

лением. Ему же на Вознесенской улице (ныне Революционная) и в Гостином ряду принадлежат два магазина, в которых он торгует мукой собственного производства.

НИЖНЯЯ МЕЛЬНИЦА

Но одним из краеугольных камней их семейного бизнеса можно считать так называемую Нижнюю мельницу на Иловае (кроме калабинской мельницы рядом работала ещё одна, им не принадлежавшая). Вскоре на противоположном высоком берегу появляется красивый двухэтажный дом. Его нижний каменный этаж с точки зрения архитектуры ничем особо не примечателен – типичный кирпичный короб. Чего нельзя сказать про второй – бревенчатый. Карнизы здания и контуры балкона украшают великолепная многоярусная резьба, ажурные фризы и пилястры. Просторный балкон – главное украшение особняка и самая нарядная часть фасада. Все шесть его опорных колонн несут ещё и декоративную функцию, они изящны и элегантны. Часть окон с плавными закруглёнными линиями рам выходит на берег и мельницу. Рядом с домом – пристройка, в которой проживают обслуга и рабочие. Одновременно это ещё и небольшой постоянный двор для мужиков, приезжающих сюда с телегами зерна и уезжающих с готовой продукцией – отличной калабинской мукой. Левая угловая часть дома – летняя резиденция хозяев. Вернее, хозяйки, дочери одного из братьев помещицы Юлии Николаевны Калабиной.

Николай Калабин, как и положено настоящему купцу, человек широкой души. Мельницу и дом он дарит своей дочери Юлии. Зимой барыня изволит проживать в Ельце, а летом приезжает сюда. Места здесь и впрямь удивительные: вековые дубовые леса и корабельные, словно с полотен Шишкина, сосновые рощи. Река, бегущая вдоль них, своим норомом и течением похожа на горную.

БЕЛЫЙ КОРДОН

Со временем резиденция получает негласное название – посёлок Белый Кордон. Здесь у Калабиной два дома. Стены одного из них побелены известью, отсюда и столь поэтическое название. Барыня, кроме мельницы, содержит лошадей, скотину, пекарню. Жизнь в этом живописном месте крутится, словно колесо мельницы, ровно и без остановок... Однако пауза всё же произойдёт – в 1917-м. Как и многие люди её круга, Калабина всего этого лишится. После семнадцатого года её вчерашние соседи, местные мужики, барыню из дома выселят, заодно освободив «чуждый класс» от оков капитализма в виде драгоценностей и прочей ненужной ей теперь мишур. В конце 20-х годов она переедет жить к своему бывшему кучеру в соседнюю деревню. Роман случится недолгим, всего-то пару лет, а финал этой истории окажется предсказуемым и грустным: вскоре мадемуазель будет ходить по окрестным деревням, прося милостыню, а потом отправится в сталинские лагеря. Перековка будет длительной – почти 18 лет. Оттуда она выйдет лишь после войны и ненадолго вернётся в эти места. Затем след её потеряется... Надо сказать, что, по воспоминаниям тех, кто знал Юлию Калабину в былые времена, она отличалась необычайно добрым нравом и щедростью. Когда в барском доме пекли хлеб, она угощала им людей, приглашая к себе в дом. Говорят, проезжая по деревне, она бросала мелочь бежавшим за экипажем детям...

По законам пролетарской эпохи барский дом и мукомольное производство национализуют, однако запаса прочности последнего хватит ещё на десяток лет. Всё закончится к 1930 году, как раз к началу сталинских пятилеток. Калабина мельница перестанет работать, система шлюзов придёт в упадок, река пробьёт себе новое русло. Потеряет былое великолепие и барский дом, в нём поселятся жители близлежащих деревень. От былого останутся только воспоминания. Да и зерна, которым всегда славился край, год от года становится всё меньше и меньше. Прио-

ритеты поменялись: страна то воюет за идеи и революцию, то, громя храмы и особняки, организует колхозы и прокладывает каналы на далёком севере...

Красоту калабинских пейзажей успевают оценить и местные художники новой эпохи. Один из них – Сергей Варсонофьев – в 1930 году пишет акварелью картину, на которой, словно на открытке, изображены мельница, плотина со шлюзом и барский дом на высоком берегу. Это пасторальное изображение – единственное оставшееся на память потомкам.

ТУРБАЗА

Надо сказать, что попытки спасти лесную усадьбу были. В 60-е годы прошлого века дом переводят на баланс Всесоюзного НИИ садоводства (ВНИИС) имени И. В. Мичурина. Здесь по инициативе руководства института организуют турбазу для своих сотрудников. Место подходящее и по меркам красот средней полосы России необычайно живописное.

Сам облик узкой и глубокой долины Иловая необычайно колоритен. Тут, в двадцати километрах западнее Мичуринска, на поверхность выходят известняки Лебедянского горизонта верхнего девона. Русло реки каменистое. Это сегодня некогда чистойшая вода Иловая загрязнена, на поверхности постоянно плавает мутная мыльная плёнка. А в те годы дно спокойно просматривалось на трёхметровой глубине. Река, по воспоминаниям местных жителей, буквально кишела рыбой.

МИЧУРИНСКИЕ РЕСТАВРАТОРЫ

С 1964 года в течение нескольких лет в бывшем барском доме трудится бригада рабочих, возглавляемая работником ВНИИС Петром Ларшиным. Успевают восстановить деревянные кружева узоров под крышей, отремонтировать парадное крыльцо и кровлю. Остатки оригинальной резьбы (часть сохранилась и до сих пор) и пара дореволюционных фотографий особняка помогают Петру Фёдоровичу воссоздать недостающие эле-

менты и оригинальный облик здания. Турбаза работает до середины 80-х годов. В наступившую очередную эпоху перемен в стране до усадьбы никому нет дела, а всесоюзный НИИ не в силах содержать здание. Его решают продать. Ларшин попробует купить то, что кто-то ещё называет турбазой, кто-то – барским домом. Он хочет восстановить усадьбу в первоизданном виде. Но руководство ВНИИС ему отказывает. В итоге то, что могло бы быть памятником истории архитектуры, не достается никому. Позже, в девяностые годы, её кто-то всё же покупает, пытаясь обустроить здесь охотничий дом, но задумка не увенчается успехом. От усадьбы остаются только развалины и заброшенная в этом месте река...

Такова незавидная и печальная судьба одного из красивейших когда-то мест Тамбовщины. Наряду со снежковской усадьбой в Турмасово Калабина мельница могла быть одним из главных символов Мичуринского района. Местом, куда бы с удовольствием и неподдельным интересом приезжали сотни туристов и отдыхающих, увозя с собой яркие воспоминания о часах или днях, проведённых здесь, на берегу Иловая. Вся надежда теперь на новых Калабиных, тех, кто, зарабатывая капитал, сможет возродить часть нашей истории. Истории страны и тех людей, которые сами того не ведая, вписали в неё свои славные имена... **А**

Вадим ГРАНИТОВ

Фото автора и Петра ЛАРШИНА

МЕЛЬНИЦА В ЛЕСУ

Сергей Клычков. 1912 год

Льётся речка лугом, лесом,
А в лесу волшебный плёс,
Словно чаша под навесом
Частых елей и берёз.

У лазоревого плёса
Посредине нету дна,
В пене вертятся колёса,
В чаше мельница видна!

Дуб зелёный у порога,
Крыша – словно на весу:
Говорят, что к ней дорога
Потерялась в лесу...

У ворот, как пики, ельник,
От колёс по лесу гул!
Сто годов прошло, как мельник
У плотины утонул...

И темно в речной пучине,
И поныне его дочь
Саван шьёт, поёт в кручине
При лучине в полночь...

В окнах сумрак, паутина
И не видно огонька,
Только слышно, как с плотины
В пене падает река.

Как шумит колючий ельник,
Плачет в ельнике сова,
Как зерно стонувший мельник
Подсыпает в жернова!..

И аукается леший
На диковинном плесу,
Дочку мельникову теща
Звонким посвистом в лесу.

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМ. А. С. ПУШКИНА СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ». ОСОБЕННО ПРИЯТНО, ЧТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ШИРОКОЙ ПУБЛИКЕ ЭТОГО НЕОБЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ, УЖЕ СОВЕРШИВШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МНОГИМ РАЙОНАМ НАШЕЙ ОБЛАСТИ, В МОСКВУ, ЕКАТЕРИНБУРГ И ДАЖЕ В ЗВЁЗДНЫЙ ГОРОДОК, СОСТОЯЛОСЬ В ТАМБОВЕ В ПЕРИОД ЛЕТНЕГО ПУШКИНСКОГО СЕЗОНА БИБЛИОТЕКИ. ВЕДЬ СВОИМ НАЗВАНИЕМ ЖУРНАЛ ОБЯЗАН ВЕЛИЧАЙШЕМУ РУССКОМУ ПОЭТУ. ЕГО ПОРТРЕТ УКРАШАЕТ И ОБЛОЖКУ ИЗДАНИЯ.

Вышедший в свет шестой номер посвящён личности А. С. Пушкина и тем многочисленным нитям, которые связывают «солнце русской поэзии» с Тамбовским краем. Поэтому неудивительно, что на презентации звучали стихи из тамбовского Пушкинского венка в исполнении поэтессы, заслуженного работника культуры РФ Валентины Дорожкиной, заведующей сектором периодики Надежды Красновой и ведущего библиотекаря ОКМК Александры Николаевой. Почётным гостем вечера стала Любовь Михайловна Горина – вдова известного поэта Семёна Милосердова, чьё творчество проникнуто образом Пушкина на всём протяжении, от юности до «осени сгустившихся туч». В зале сектора периодики, где проходила презентация, было оформлено

арт-пространство «Благородный разбойник Владимир Дубровский», а все читатели могли также познакомиться с иллюстрациями к роману в стихах «Евгений Онегин» академика Александра Герасимова из фонда Пушкинской библиотеки.

Участниками вечера стали прозаики Валерий Аршанский (шеф-редактор журнала) и Николай Наседкин, поэт Елена Луканкина, авторы из литературного объединения «Радуга», которое много лет успешно работает в библиотеке. Презентация прошла в дружеской, наполненной поэтическим духом обстановке и закрепила плодотворное сотрудничество «Александра» с Пушкинской библиотекой!

Александра НИКОЛАЕВА,
ведущий библиотекарь ОКМК

